Н. ПЕНТРЕ

МАТЕРИАЛ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

ДЛЯ X КЛ.

XIV
1A-19065

Н. ПЕНТРЕ

МАТЕРИАЛ
ДЛЯ
ЧТЕНИЯ

ДЛЯ X КЛАССА

ЭСТОНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТАЛЛИН 1961

Утверждён Министерством просвещения
Эстонской ССР.

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
148602

ARHIIVKOGU

ПОВЕСТЬ О ПУШКИНЕ.

По В. Воевóдину.

Я помню море пред грозóю:
Как я завúдовал волнáм,
Бегýщим бурной чередóю
С любóвью лечь к её ногáм!
Как я желал тогда с волнáми
Коснýться милых ног устáми!..

(«Евгений Онегин», глава I, XXXIII.)

Как удивúтельна жизнь! Пушкин ехал на юг, с отчáянием в душе, на тоскý, на прозябáние, а жизнь приготóвила ему на первых порáх сущий праздник. Обúды недáвних дней утрáтили свою горечь, в смене новых впечатлéний душá точно обновúлась.

Приднепровский городок, Екатеринослáв, весь в садáх, весь из выбеленной глины. Пыль, духотá, убóгие корчмы́. Такóв центр всего южного края.

Только и было отрáдой любовáться велúчественным бегом Днепрá, кострáми, разожжёнными на плывýщих плотáх, да три-четыре раза на день барáхтаться в ещё холодной весéнней воде.

Лихорáдка — петербýргское наслéдство — не замéдлила напомнить о себе после этих купáний.

И вот — «Мандры́ковка», слобóдка над Днепром, в которой Пушкин снял себе глиняный нищий домик, и он лежит в жарý и в бредý на грубом, из досок сколóченном диване, и никого нет около него, кроме Никиты. Да недопúсанные стихи на столе, да кувшин прохладúтельного питья́ с ломтями лимóна — всего

отчáяние — meeleheide
прозябáние — kiratsemine
на первых порáх — esialgu
сущий (настоящий) — tõeline
обúда — solvang
утрáчивать (терять) — kaotama
утрáтить *
гóречь — kibedus
(вы)белить — valgeks tegema
духотá — leitsak
убóгий (бедный) — armetu
корчмá — kõrts
отрáда (радость) — rõõm
(раз)жéчь — süütama
плот — parv
(по)барáхтаться — rabelema
лихорáдка — külmtõbi, palavik
наслéдство — pärand
бред — sonimine
прохладúтельное питьё — karastav jook
ломоть — lõik, tükk

и лека́рств. Непло́хо для начала захвати́ть злейшую горя́чку, ни на что не наде́яться, ничего не ждать, как вдруг распа́хивается дверь и на поро́ге товарищ — Николай Раевский. Раевский, каки́ми судьба́ми? Вот случай!.. Но то был вовсе не случай. Товарищ ехал с отцом и младшими сёстрами на Кавказ, на Горя́чие во́ды, и ещё в Петербурге в кругу́ их общих друзе́й было решено́, что он разы́щет Пушкина по пути́. И сразу же появи́лся лекарь; жар на ночь спал: утром больной был уже на нога́х, осу́нувшийся, небри́тый — и счастли́вый выше меры...

Дальше ехали вместе через степь в двух каре́тах и в коля́ске: сам генера́л Раевский — «слава наших дней», Николай, его сын, две младших дочери, Мария и София, с няньками и с английской мисс, да слуги. Лихора́дка не проходи́ла. Полу́денная степь дышала зноем, как печка, а его трясло́, знобило́; генера́л посади́л его в свою каре́ту. Впрочем, сухой степно́й воздух и хинные порошки́ сделали своё дело, через неде́лю он в самом деле был здоро́в. И всё, что было дальше, пока он не разлуча́лся с этой семьёй, было счастьем.

Прежде всего́ — сам генерал, Раевский-старший. Как не люби́ть людей, когда на свете существу́ют такие люди, как этот пятидесятиле́тний воин, прямоду́шный, испо́лненный достоинства, сочета́вший в себе ясный ум с такой нравственной красото́й, которая даже врагов России заставля́ла смотреть на него с восхище́нием! Сам Наполео́н говорил о Раевском, что он создан из того материа́ла, из которого делаются маршалы. Он, славный в наро́де герой, отказа́лся принять графский титул, которым хотел его пожа́ловать царь, с него было доста́точно собственной чести!

Мария... Ей было тогда пятнадцать лет. Смуглая, с чуть вздёрнутым носом, пожалуй даже некраси́вая собой подро́сток-девочка, живость которой ещё оттеня́ла неразлу́чная с ней и тощая, как подоба́ет английской гувернантке, мисс Мятен. Мария первой увидела море, это было где-то близ Мариу́поля. Она выскочила из кареты, бросилась бежа́ть через степь, не замеча́я того, что Пушкин после́довал за нею.

Море голубе́ло под солнцем. Далеко́-далеко́ по горизо́нту громозди́лись над ним иссиня-чёрные грозовы́е тучи; было

горя́чка — лихорадка
распа́хиваться (открыва́ться) — avanema
распахну́ться *
лекарь — врач
жар спал (температу́ра спа́ла) — palavik langes
осу́нувшийся (похуде́вший) — kõhnunud
зной (жара́) — kuumus
его знобило́ (лихора́дило) — tal oli palavik
прямоду́шный — otsekohene
досто́инство — väärtus
сочета́ть *что? с чем?* — kooskõlastama
нравственный — vooruslik
восхище́ние — vaimustus
титул — tiitel, seisus
смуглый — tõmmu
вздёрнутый (нос) — nõbinina
подро́сток — nooruk
неразлу́чный — lahutamatu
тощая — kõhn
(на)громозди́ться — kuhjuma

душно, в степи́ всё живое притаи́лось и приумо́лкло, ветер упа́л, только волны шуме́ли и́ пенились. И смуглая девочка играла с ними, то устремля́лась к ним, то с хохотом убега́ла от догоня́вшей её волны, вся в брызгах, искрившихся на её курча́вых волоса́х, стройная и гибкая в каждом своём движе́нии.

А он стоял пода́ль и вдруг у него даже дыха́нье стесни́лось, всё его существо́ напо́лнил восто́рг. Он не замеча́л ни этой предгрозово́й тишины́, ни этих угрю́мых туч, которые выраста́ли в полне́ба, тесня́ и обгоня́я друг друга. Только и было в ту мину́ту что беспреде́льный просто́р, солнце, запах морски́х трав, выброшенных на берег волно́й, да девочка, игра́ющая с волнами, которые ласка́лись к её ногам.

Это было виде́ние, останови́вшееся раз навсегда́ и с годами ставшее ещё отчётливее. Нежность и грусть будит оно в душе́. Но пока́ их кареты всё дальше и дальше кати́лись на юг степны́ми доро́гами, разве можно было грусти́ть? Все было новым, каждый день путеше́ствия: природа, селе́ния, людско́й обы́чай, и всё это была Россия, умом непостижи́мая в своей необъя́тности и многообра́зии.

Три недели счастья! Иначе как счастьем не назва́ть эту свобо́дную, беспе́чную жизнь среди цвету́щей природы, в кругу милого семе́йства, с таким раду́шием приюти́вшего изгна́нника. В свое́й семье́ никогда он не знал прелести этих любо́вных отноше́ний, которые связывали между собой всех членов семьи́ Раевских, они были незнако́мы для него. Старшие дочери генерала, Екатерина и Елена, были соверше́ннейшие краса́вицы, одна́ко Мария, смуглый подро́сток, не теря́ла своего очарова́ния и рядом с краса́вицами сёстрами. Жизнь в самом деле текла беспеча́льно, дни проходи́ли в блаже́нном безде́лье: купа́лся в море, съеда́л виногра́ду без счёту. Проснувшись среди ночи, вновь и вновь с наслажде́нием вслушивался в голоса́ прибо́я. Поутру́ выходил в сад. Всё так влекло́ к себе в этом благослове́нном краю, в этой славной семье́, что даже старый кипари́с в саду каза́лся прия́телем, который всякий раз жела́л ему доброго утра, склоня́я навстречу свою острую верши́ну.

(при)тайться — end varjama
(за)пе́ниться — vahutama
устремля́ться *к кому? к чему?* — sõõstma
устреми́ться *
брызги — piisad
(за)и́скриться — kiirgama, särama
курча́вый (кудря́вый) — lokkis
стройный — sale
гибкий — paendlik
дыха́ние стесни́лось — hing jäi kinni
восто́рг (восхище́ние) — vaimustus
(по)тесни́ть — pigistama, suruma
беспреде́льный (безграничный) — piiritu
виде́ние — nägemus
отчётливый — selge
непостижи́мый умом — mõistmatu
многообра́зие — mitmekesisus
беспе́чный (беззаботный) — muretu
раду́шие — külalislahkus
изгна́нник — pagulane, väljasaadetu
очарова́ние — võlu
прибо́й — (mere)tõus
благослове́нный — õnnistatud
кипари́с — küpress
верши́на — latv

Однако безде́лье было мнимым, с книгами он не расстава́лся. Николай вместе с сёстрами обуча́л его английскому языку. Мяте́жный гений англича́нина Байрона (которого он мог теперь читать в подлиннике) приводил его в трепет.

Подходи́ла пора́ прости́ться с чудесным семе́йством, с которым он был так счастлив. Он всё-таки был не вольный гость в этих края́х — путеше́ственник и поэт, а всего лишь чино́вник иностра́нной колле́гии, гости́вший здесь с разрешения добряка́ начальника Инзова.

*

Мой первый друг, мой друг бесце́нный!
И я судьбу́ благослови́л,
Когда мой двор уединённый,
Печа́льным снегом занесённый,
Твой колокольчик огласил.

(«И. И. Пущину.»)

Шёл пятый год его ссылки. Эти годы обид, униже́ний, подчас нужды́, не были поте́ряны и для счастья. Быть счастли́вым — талант, а этим талантом Пушкин облада́л в избы́тке. Надо только очень любить людей и всё са́мое челове́ческое в них. Счастье только с людьми́ и только в людях, а люди были с ним и в скита́ниях. С ним в его мыслях был Раевский, герой, человек, вся жизнь которого — одно высо́кое служе́ние отчи́зне. С ним был майор Владимир Раевский, молодой офицер, ум, сердце и воля которого в согла́сном движе́нии устремля́лись к вели́ким целям полити́ческого преобразова́ния России. С ним, пусть мимолётно, была Мария, подро́сток-девушка, так и луча́вшаяся молодостью, резвостью, красото́й своей ещё не раскры́вшейся души. Наконец Инзов, добря́к, который сажал его поро́й под аре́ст и сам же приходи́л к нему развлека́ть разгово́рами про испа́нскую революцию, — все они были возле него, к ним он тяну́лся мысленно в своём тепе́решнем одино́честве.

Он всё реже и реже выходил и́з дому. Стихи не удава́лись. Уже не осенний дождик, а зимняя вьюга шуме́ла по крыше,

---

мнимый — ettekujutatav; näiline
мятежный (свободолюбивый) — mässuline
подлинник — algteos
приводил его в трепет — pani teda värisema
пора́ — время
вольный — свободный
с разреше́ния, с позволе́ния — loal
униже́ние — alandamine
нужда́ — puudus
в избы́тке — külluses
скита́ние — rännak
отчи́зна — родина
преобразова́ние — ümberkujundamine
мимолётно (временно) — lühiajaliselt
излучать(ся) — kiirgama
излучить *
резвость (живость) — elavus
развлека́ть *чем?* — meelt lahutama
развле́чь *

стуча́ла в окно́, точно путник на огонёк. От брата из Петербурга он требовал рому, горчи́цы, чего-нибудь в уксусе и книг, книг, как можно больше книг. Не пустя́чных романов, предназна́ченных корота́ть время, но истори́ческих сочине́ний, свиде́тельств совреме́нников о мировы́х собы́тиях. И слушал нянины сказки и со старушкой вдвоём запива́л печаль нали́вкой дома́шнего приготовле́ния.

И никого́ не ждал к себе. Сто вёрст сугро́бов от Михайловского до Пскова, триста — до Петербурга...

Уже рассвело́, и девушки в няниной комнате уже сидели за пяльцами, однако Пушкин не спеши́л ещё вставать с посте́ли, лежал, по обыкнове́нию придви́нув к себе чернильницу и бумагу. Долгий день предстоя́л ему, хорошо, если занятый. И вот тогда-то послы́шался колокольчик. Звук его приближа́лся, кони несли́сь во весь опо́р; сквозь запоро́шенное снегом окно послы́шался крик: «Стой, стой!», и упря́жка с разго́на влетела в воро́та. В чём был, в одной ночной соро́чке, открыва́вшей его босы́е ноги, он выскочил на крыльцо́. Кто-то в заиндеве́лой шубе поднялся из застря́вших в сугро́бе сане́й, он узнал это лицо, ничего́ не сказал, только медленно-медленно поднял руки. А потом его схвати́ли в оха́пку и уволокли́ в дом.

Пущин прижима́л его к своей мёрзлой шубе, моро́зный пар валом вали́л со двора в коридор, а он не чувствовал холода. Пущин целова́л его, всматривался в его измени́вшиеся за пять лет разлу́ки черты́; оба не находили слов, слёзы стояли у обо́их на глазах. Выбежала няня, и понача́лу ничего не могла поня́ть — кто этот гость и почему Александр Сергеевич выскочил на мороз чуть не нагишо́м, потом поняла́ только то, что в доме нежданная радость, и бросилась сама обнима́ть гостя.

Потом они сиде́ли рядом, попы́хивая трубками, и всё ещё всматривались друг в друга. Прежняя резвость сквози́ла в Пушкине: движе́ния, несравни́мый его смех — всё было прежнее, однако гость видел: Александр уже не тот, что пять лет назад. Взгляд стал строже, серьёзней, в нём чувствовалась какая-то скрытая переме́на.

Бесе́да, немы́слимая в первые минуты свида́ния, наконе́ц

путник — rändur
ром — rumm
горчи́ца — sinep
уксус — äädikas
пустя́шный — tühine
корота́ть время — проводи́ть время
сугро́б — lumehang
рассвело́ — valgenes
пяльцы — väljaõmblemisraam
во весь опо́р — tuhatnelja
(за)поро́шить, (занести) — kinni tuiskama
с разго́на — jooksu pealt
соро́чка — рубашка
заиндеве́лый — hämatanud
застрева́ть — kinni jääma
застря́ть *
в оха́пку — kaenlasse
уволака́ивать — ära tirima, rebima
уволо́чь *
валом вали́ть — pilvena tulvama
нагишо́м — paljalt
несравни́мый — võrratu
скрытый — varjatud

завяза́лась. Пушкин говорил о себе, о том, что труд — еди́нственное, что помога́ет ему сносить тяжесть нынешнего его существова́ния.

Заговорили о том, что у каждого из них лежа́ло на сердце, — о России. Были сказаны заве́тные слова: т а й н о е о б щ е с т в о.

Ещё в Петербурге, по выходе из лице́я, Пущин вступил в «Союз благоде́нствия» — тайное полити́ческое общество, поста́вившее своей целью широкое госуда́рственное преобразова́ние России. Другу он не откры́лся тогда, несмотря́ на все его домога́тельства. Теперь скрыва́ть свою принадле́жность к политическому за́говору не было смысла.

— Не я один, — сказал Пущин, — поступи́л в это новое служе́ние отечеству.

Пушкин вскочил в волне́нии: завеса, годами скрыва́вшая от него истинный характер деятельности его друзей, наконец приподняла́сь. Он хотел знать всё: кто они? В чём их цели? Как далеко они зашли в своём подко́пе под самодержа́вную власть? Но ведь прави́тельство подозрева́ет их. Он вскрикнул:

— Верно, всё это в связи с майо́ром Раевским, которого пятый год держат в Тира́спольской крепости и ничего не могут выпытать!

Но Пущин молча́л. Он видел, как меркнут прекрасные глаза друга, как недоуме́ние сменя́ется в них болью, и всё-таки молчал. Вот он отвора́чивается от него.

— Я не заставля́ю тебя говорить, любезный Пущин, — тихо говорит он. — Может быть, ты и прав, что мне не доверя́ешь. Верно, я этого дове́рия не стою по многим моим глупостям.

И опять Пущин промолча́л. Нет, не недоста́ток дове́рия связывал его молча́нием, — кто мог не верить Пушкину! — но разные были у них жизненные пути. Светлой судьбы́ он желал поэту, хотел сбере́чь его поэти́ческий гений. Себе же брал тяжкий труд — тайно, упо́рно, в постоя́нной опасности для жизни готовить России иное будущее.

Вот почему́ в ответ он лишь молча поцелова́л друга, и тот, как бы поняв его, уж больше не спрашивал ни о чём. Обня́вшись, они ходили по комнате, каждый погружён в свои мысли. Но по́дали обед, и оба снова развесели́лись. У Пущина в саня́х были припасены́ три буты́лки шампа́нского, хлопнула пробка, одна, другая, чокнулись за Русь, за лице́й, за друзе́й, которых не было с ними, наконец за н е ё — за свобо́ду! Няню тоже потчевали шампа́нским.

бесе́да завяза́лась — jutt hakkas sobima
заве́тный — самый дорого́й
домога́тельство — pealekäimine
завеса — eesriie
подко́п — õõnestamine
(вы)пыта́ть — välja uurida
(по)ме́ркнуть (гаснуть) — kustuma
дове́рие — usaldus
погружа́ться (в мысли) — sukelduma
погрузи́ться *
чокаться — klaase kokku lööma
чокнуться *
(по)по́тчевать — kostitama

Потом, когда убра́ли со стола́, оказа́лось, что Пущин запа́сся для встречи не только шипу́чим. Пито́мец «лицейской респу́блики», он знал, что такое истинный пир. С ним была рукопись новой коме́дии Грибое́дова. Пущин привёз рукопись тому, кто, как никто другой, мог оцени́ть и глубоча́йшую правду и поэти́чность комедии.

Пушкин раскры́л «Горе от ума». Он читал вслух, осо́бую прелесть приобрета́ли в его чтении лёгкие грибое́довские стихи, живые, выведенные в коме́дии лица. Он хохота́л, радуясь каждому острому слову, и улыба́лся гость, смея́лась няня, присе́вшая в сторо́нке с неизме́нным чулко́м и спицами в руках, а в печке потре́скивали сухи́е дрова, и когда совсем смерклось, ровным светом зате́плились свечи. Свобода, за которую они пили, не называ́я её по имени, таинственная о н а была с ними. Как вдруг за окно́м опять послы́шался скрип поло́зьев, кто-то подъезжал к крыльцу́. Пущин даже не успел спроси́ть — кто это, как «Горе от ума» исче́зло из рук его друга и на столе оказа́лись раскры́тые жития́ святы́х.

Но уже поздно было и спрашивать, в двери проти́снулся низкоро́слый, рыжева́тый из себя мона́шек и сразу же сам предста́вился новому лицу́: это был настоя́тель сосе́днего Святого́рского монастыря́.

Мона́х хитри́л, расска́зывая, что, прослы́шав о прие́зде господи́на Пущина, подумал, не его ли знако́мец из Великолу́цкого уе́зда? Пушкин веле́л пода́ть чаю и рому, который мона́шку, по-ви́димому, был очень по вкусу. Вскоре он распроща́лся.

Жа́лко было смотре́ть на поэта. Куда дева́лось всё его оживле́ние?

— Переста́нь, любе́зный друг, — сказал он, когда Пущин выразил ему свою доса́ду, что накли́кал ему нежданного гостя.

— Ведь он без того быва́ет у меня, я поручен его наблюде́нию. Что говорить об этом вздоре!

Стало быть, он был несвобо́ден и в четырёх своих стенах! Но едва посети́тель ушёл, жития́ святы́х исче́зли со стола и вновь появи́лась на свет рукопись вольной коме́дии. Уже совсем стало темно, они всё продолжали чтение и споры. Из нежило́й полови́ны дома потяну́ло уга́ром, это няня ради гостя распоряди́лась затопи́ть печи. Пущин очень рассерди́лся на неё. Из эконо́мии в дрова́х держа́ть дом нето́пленным, даже в биль я́рд-

---

шипу́чее — шампанское
пито́мец (воспитанник) — kasvandik
рукопись — käsikiri
выводи́ть (изображать) — kujutama
вы́вести *
неизме́нный — alaline
спицы — sukavardad
(за)те́плиться (загоре́ться) — süttima
скрип — kriuksumine
поло́зья — (saani) jalased
мона́х (мона́шек) — munk
настоя́тель монастыря́ — kloostriülem
по вкусу — meelt mööda
(на)кли́кать — välja kutsuma
уга́р — ving

ной не топи́ть — в бильярдной, которая могла бы хоть сколько-нибудь скрасить ссыльному поэту его досу́ги! Он совсем сконфу́зил добрую старушку.

Время было уже далеко за полночь, ямщи́к уже запря́г лошадей. Перед проща́ньем хлопнула третья пробка. Но то было печа́льное вино, точно каждый из них знал, что это после́дняя их встреча в жизни. Выпили, крепко о́бняли друг друга. Пущин наки́нул шубу и выбежал из комнаты.

Уже в саня́х он оберну́лся: Пушкин стоял на крыльце́ с непокры́той головой, высоко́ подня́в зажжённую свечу́. Кони вынесли за ворота, из темноты́ донесло́сь: «Проща́й, друг!» Жёлтенький огонёк долго свети́л позади́, наконец пога́с и он, — изгна́нник вернулся в свой дом.

*

Любовь и дружество до вас
дойду́т сквозь мрачные затво́ры...
(«В Сибирь».)

В ту пору в Москве славился дом княги́ни Зинаи́ды Волко́нской. Уже по внутреннему своему́ убра́нству дом этот заме́тно отлича́лся от иных зна́тных домо́в, москвичи́ прозва́ли его в шутку «пала́ццо у Тверски́х воро́т»; здесь вечера́ми собира́лась вся образо́ванная Москва́ — учёные и писа́тели, музыка́нты и певцы́; сама Волко́нская совмеща́ла в себе множество тала́нтов: она сочиня́ла рома́нсы и изуча́ла археоло́гию, её крити́ческие статьи́ об иску́сстве в самом деле не лишены́ были интере́са.

В этом доме Пушкин быва́л часто.

26 декабря 1826 года прое́здом в Сибирь, на Не́рчинские рудники́, у Волко́нской останови́лась её родственница Мария Волко́нская, урожённая Раевская. Вечером в числе́ прочих приглашённых пришёл Пушкин.

Шесть лет назад он оста́вил в Гурзу́фе смуглого подро́стка-девушку, тогда уже плени́вшую его не только свое́й живостью, но таким ещё лишь уга́дывавшимся в ней бога́тством внутреннего мира, равного которому он не встреча́л ни в ком. Через все эти годы скита́ний время от времени он неодоли́мо тяну́лся к ней воспомина́нием. Вновь и вновь видел её, игра́ющую с волнами

скрашивать — kaunistama, kergendama
скрасить *
(с)конфу́зить (смуща́ть) — segadusse viima
изгна́нник — maapagulane
(про)сла́виться — kuulus olema
княги́ня — vürstitar
внутреннее убра́нство — обстано́вка, мебель
(со)вмеща́ть в себе — siin: peituma
прое́здом — läbisõidul
рудни́к — kaevandus
урождённый — sündinud
уга́дываться — aimama
уга́даться *

на прибре́жном песке́, счастливую, беззабо́тную, прекрасную в своих лёгких юных движе́ниях. И тогда скла́дывались стихи́...

Все думы сердца к ней летя́т,
О ней в изгна́нии тоску́ю...

И вот теперь его встреча́ла двадцатиле́тняя женщина (ровно три дня назад ей мину́ло двадцать лет), и нельзя́ было смотреть на неё без сожале́ния, надрыва́вшего сердце, без восто́рга, близкого благогове́нию...

Всё, что с ней произошло́, он знал.

Муж Марии генера́л Волконский часто покида́л свою молодую жену́, всегда — в разъе́здах, цели которых она даже не подозрева́ла. В декабре́ прошлого года однажды он верну́лся домой далеко́ за полночь, разбуди́л жену и, растопи́в ками́н, стал жечь бумаги.

На её вопрос — что случи́лось, он ответил:

— Пестель аресто́ван.

Так ей стало изве́стно, что её муж — один из руководи́телей Южного общества. Вскоре арестова́ли и его.

Два месяца после родо́в Мария лежа́ла в злейшей горя́чке; опаса́лись за её жизнь. Но она выздоровела и неме́дленно уе́хала в Петербург добива́ться свида́ния с мужем, которого заключи́ли в Петропа́вловскую крепость. Приговор стал изве́стен лишь через несколько месяцев: Сибирь, двадцать лет каторги. Одна́ко Мария узна́ла о судьбе́ мужа лишь через год, — брат её, Алекса́ндр Раевский, лука́вый и осторо́жный человек, перехва́тывал все письма к ней: родня́, зна́я её, боя́лась, что она после́дует за мужем в Сибирь.

Так и случи́лось. Напра́сно сам импера́тор Никола́й, который не допуска́л даже мысли о том, что жёны осуждённых мяте́жников могут смотре́ть на свои́х муже́й ина́че как на самых чёрных злоде́ев, пуга́л её усло́виями, чудо́вищными по своей жесто́кости. Она должна́ была отказа́ться от своего ребёнка. Она лиша́лась права верну́ться в Россию, теря́ла состояние и звание. Но реше́ние её оставалось непрекло́нным. В декабре 1826 года она собрала́сь в путь.

...За тысячи и тысячи вёрст от Москвы, за тысячи и тысячи вёрст дикой, ушедшей в снега́ тайги, месяцы спустя́, в

прибре́жный — kaldaäärne
надрыва́ть (сердце) — (sūdant) ängistama
благогове́ние — hardumus
подозрева́ть — kahtlustama
роды — sünnitus
злейшая горя́чка (опасная лихора́дка) — äge külmtõbi
опаса́ться *за что?* — kartma, mures olema
приговор — kohtuotsus
каторга — sunnitöö
лука́вый — хитрый
(по)сле́довать — järgnema
осужда́ть — hukka mõistma
осуди́ть *
мяте́жник — mässaja
чудо́вищный (страшный) — hirmus, kole
звание — seisus
непрекло́нный — järeleandmatu

страшных подземе́льях Благода́тского рудника́ она уви́дит своего мужа и упадёт перед ним на коле́ни, целу́я кандалы на его ноге́х... Два года спустя́ умира́ющий старик Раевский скажет, ука́зывая на её портрет: «Вот самая удиви́тельная женщина, которую я знал!» Это всё в будущем. А в день, когда Пушкин вновь уви́дел её, с волне́нием вглядывался в такие милые и такие измени́вшиеся черты́ её прекрасного лица́, она не хотела думать и не хотела говорить о своей судьбе́. Свети́лись свечи. В дома́шнем театральном зале Волконских пела скрипка. Волконская созвала́ в этот вечер лучших певцо́в и музыка́нтов, чтобы проводы Марии оста́лись в её памяти светлым праздником иску́сства.

Мария не выходи́ла в зал. Она сиде́ла за дверью, вслушиваясь в голоса́ певцо́в и в пение скрипок.

— Ещё, ещё! — просила она. — Поду́майте только, я никогда́ больше не услы́шу музыки!

Пушкин склоня́лся к её руке́, ни одним словом он не говори́л ей о том, что переполня́ло его душу. Говорил только, что заду́мал написа́ть сочине́ние о Пугачёве, что пое́дет на Урал; переберётся в Сибирь, увидит её там, в Нерчинских рудника́х. И читал ей стихи, обращённые к тем, кто были его друзья́ми.

Во глубине́ сиби́рских руд
Храни́те гордое терпе́нье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высо́кое стремле́нье.

В ту же ночь Мария уехала, шлагба́ум на Владимирском тракте опусти́лся за её коляской, и Пушкин никогда́ больше не видел её в своей жизни.

Он испы́тывал чувство огро́мной и неопредели́мой утра́ты, но ещё и сам не знал, как часто будет возвраща́ться мыслью к образу этой самоотве́рженной, истинно русской женщины, какие новые слова́ подска́жет ему воспомина́ние о ней...

Может быть, самая большая любовь в его жизни — любовь, которая м о г л а б ы б ы т ь, прошла́ мимо него.

Мину́ли многие месяцы. В далёком Забайка́лье люди с изможде́нными лицами, с на́голо обри́тыми голова́ми, дроби́ли в забо́ях свинцо́вую и серебряную руду, тяжко переступая ско-

---

подземе́лье — maa-alune ruum
кандалы (цепи, око́вы) — ahelad
склоня́ться к руке — kummarduma (käe kohale)
склони́ться *
руда (рудник) — kaevandus
скорбный (горестный) — grustnyi
стремле́нье — püüdlus
шлагба́ум — tõkkepuu, sulgpoom
тракт (шоссе́) — postitee
утра́та — kaotus
изможде́нный — kurnatud
на́голо обри́тый — paljakspügatud
(раз)дроби́ть — killustama
забо́и — murrukoht kaevanduses
руда́ — maak

ванными ногáми, толкáли в гору гружёные тачки. В рудникáх была тьма.

А люди с бородáми кáторжников, поднимáясь на повéрхность из своих чёрных нор, улыбáлись друг другу и говорúли:

Окóвы тяжкие падýт,
Темнúцы рухнут, и свобóда
Вас встретит радостно у входа,
И братья меч вам отдадýт.

Послáние Пушкина «В Сибирь» разошлóсь по всем рудникáм, завóдам и поселéниям, где томúлись осуждённые декабрúсты. Александр Одóевский ответил ему от всех них словáми, полными пылкой веры в грядýщее:

Наш скорбный труд не пропадёт:
Из искры возгорúтся пламя —
И просвещённый наш народ
Сберётся под святóе знамя.

Где и когда прочёл Пушкин эти строки, слагáвшиеся, может быть, в те часы, когда молотóк каторжника дробúл рудý, или когда спящие, тяжко дышá, лязгали со сна кандалами и повторя́ли в бредý дорогие им имена? За тысячи и тысячи вёрст донеслúсь к немý эти словá:

Из искры возгорúтся пламя . . .

Через годы и годы, через десятилéтия и десятилéтия дошли до нас эти словá, когда-то обращённые к Пушкину, и ожили вновь на зарé нашей, нами творúмой истóрии. Их повторúл и новым значéнием, глубочáйшей своей мыслью напóлнил Ленин. Размнóженные в подпóльных типографúях, повтóренные на каждом выпуске боевóй ленинской «Искры», отозвалúсь они в миллиóнах русских сердéц.

Всё сбылось! Искра возгорéлась пламенем. Над миром полыхáет это неугасúмое пламя Свобóды, Разума, Справедлúвости.

(с)ковáть — aheldama
гружёный — laaditud
тачка — käru
окóвы (кандалы, цепи) — rauad, ahelad
темнúца (тюрьмá) — vangla
лязгать — klirisema
лязгнуть *
бред — sonimine
размножáть — paljundama
размнóжить *
(за)полыхáть (сильно горéть) — lõkkele lööma, leegitsema
неугасúмый — kustumatu

Испо́лнились мои жела́нья. Творе́ц
Тебя́ мне ниспосла́л, тебя, моя Мадонна,
чисте́йшей прелести чисте́йший образе́ц...

(«Мадонна».)

...Это был 1828 год, когда на балу в Москве он впервы́е уви́дел девушку, которой едва мину́ло шестнадцать лет. Золото́й о́бруч стягивал её гладко зачёсанные волосы, лицо её мало было назва́ть краси́вым — оно было прекра́сным, взгляд выража́л засте́нчивость, печа́ль и, когда их познако́мили, ему показа́лось — робкое любопы́тство. Тогда же он сказа́л одному из бывших с ним друзе́й, что участь его решена́.

Балагу́р братец Лёвушка, уви́дев его однажды на гуля́нье возле коля́ски Гончаро́вых, тут же сочини́л экспро́мт:

Он прико́ван,
Очаро́ван,
Он совсе́м огончаро́ван.

Действовал он стреми́тельно. Одного своего знако́мца упроси́л быть его ходата́ем у матери Гончаровой, женщины властной и своенра́вной. Отве́т был неопределённым — ни да ни нет и, однако, как он сам признава́лся потом, едва не свёл его с ума. В ту же ночь, никого не спрося́сь, он уехал на Кавка́з в армию — с Турцией шла война.

Из Москвы в действующую армию Паске́вича Пушкин уезжа́л, не видя ничего вокруг себя, печа́льными мыслями весь позади́, весь с ней. Он в самом деле на этот раз полюби́л.

А Грузия была прекра́сна.

Кавказ плени́л его воображе́ние ещё девять лет назад, когда впервы́е из Горя́чих вод он, ссыльный поэт, уви́дел снежную верши́ну Эльбру́са.

Второй раз смотре́л он на них, теперь уже не юноша, но тридцатиле́тний человек, искушённый в жизненной борьбе́. Воспомина́ния овладева́ли им. Всплыва́ли в памяти милые образы тех, с кем девять лет назад дели́л он здесь своё изгна́ние. Может быть, один девичий образ опять носи́лся перед его мысленным взором, когда он слага́л стихи:

мину́ло — испо́лнилось
обруч — võru
засте́нчивость — häbelikkus
робкий (несме́лый) — arglik
балагу́р — naljahammas
экспро́мт — eksprompt
прико́вывать — aheldama
прикова́ть *
(о)чарова́ть — võluma
ходата́й — eestkostja
властный — valitsushimuline
своенра́вный — isekas
плена́ть — vangistama
плени́ть *
ссыльный — väljasaadetud
искушённый — karastatud
овладева́ть *кем? чем?* — oma võimusesse haarama
овладе́ть *
слага́ть стихи́ — luuletama

Всё тихо. На Кавказ ночна́я тень легла́,
Мерца́ют звёзды надо мною.
Мне грустно и легко́. Печа́ль моя светла́,
Печа́ль моя полна́ тобо́ю,
Тобо́й, одно́й, тобо́й...

Но не одни воспомина́ния, как бы ни светла́ была печа́ль, владе́ли им, когда он путеше́ствовал теперь по доро́гам Кавка́за. Ему было тридцать лет. Взгляд его был зорок.

Несколько дне́й спустя́, когда он, догоня́я армию Паске́вича, скака́л по семьдесят вёрст в сутки, произошла́ грустная встре́ча. Близ крепости Гергери два пону́рых вола́ медленно тяну́ли арбу́ по круто́й горной дороге. Пушкин останови́л коня́. Должно быть, что-то необы́чное было и в этой скрипу́чей арбе́ и в лицах грузи́н, её сопровожда́вших.

— Отку́да вы?

— Из Тегера́на.

— Что вы везёте?

— Грибое́дова, — сказал грузи́н.

Пушкин в смяте́нии смотре́л на скрипу́чий возо́к, медли́тельно поднима́вшийся в гору. Там лежа́л труп одного из умне́йших люде́й России, человека, с которым он виделся в Петербурге год назад и тогда вновь и вновь оцени́л его дружбу — дружбу писа́теля, коме́дия которого «Горе от ума» «поста́вила его наряду́ с первыми нашими поэ́тами». Жертвой каких обстоя́тельств он пал — русский посо́л в Тегера́не? Неве́жества? Веролóмства? У него́ не было ответа свои́м мыслям.

На друго́е утро он пересе́к Арпача́й — прежнюю государственную грани́цу — и вскоре вошёл в пала́тку Раевского.

Никола́й Раевский, двадцатисемиле́тний генера́л, разделя́л с ним свою пала́тку. Его с восто́ргом встретили офице́ры — друг по лицею Михаи́л Пущин — брат томи́вшегося в Сибири «Жанно́», родно́й брат Лёвушка — наконе́ц все те, кого он знал прежде и кого не знал. Все они были людьми́ его поколе́ния, его сверстники и почита́тели его дара. Многие из них — участники дека́брьского заговóра, отпра́влены были на Кавказ в наде́жде, что туре́цкая пуля заверши́т правосу́дие.

Командующий Паскевич встретил гостя благоскло́нно — поэт при штабе поле́зен: фельдма́ршал был честолюби́в.

Гость в их стане, он рвался дели́ть с ними все трудности

(за)мерца́ть (сия́ть, блесте́ть) — vilkuma, särama
зоркий (зóрок) — terane
пону́рый — norgus
вол — veohärg
арба́ (теле́га) — vanker
скрипу́чий — kriuksuv
неве́жество — harimatus, juhmus
веролóмство — reetlikkus
поколе́ние — põlvkond
сверстник — vanusekaaslane
почита́тель (поклонник) — austaja
завершáть — lõpetama
завершúть *
правосу́дие — kohtumõistmine
благоскло́нно — heatahtlikult
честолюби́вый — auahne
стан — laager

и опáсности войны. Солдáты, замечáя в похóдных колóннах странного господúна верхóм на коне́, в чёрном сюртуке́, покры́том буркой, и в цилúндре, принимáли его за полковóго попá. Каковó же было их изумлéние, когда этот поп в однóй из стычек с турéцкими всадниками вдруг вырвал пику из рук раненого казака́, дал шпоры коню́ и один, с пикой наперевéс, устремúлся к сражéнию! Офицéр, которого в страхе за друга послáл вдогóнку Раевский, насúлу захватúл его и вытащил из передовóй казáчьей цéпи. Да понапрасну был страх — турки, не приняв боя, повернýли назад.

Но в Арзрýме закóнчился его похóд. Паскевич решúтельно невзлюбúл незваного гостя, слишком дорожúвшего дружбой с неблагонадёжными офицéрами; однажды он сказал ему:

— Господúн Пушкин, мне вас жаль, жизнь ваша дорогá для России.

Это был прикáз покúнуть армию. Прикáз, и турéцкая сабля в подáрок. Он вынужден был подчинúться.

Пушкин примчáлся к Гончарóвым прямо с Кавкáза, себя не помня; раздевáясь в прихóжей, всё швырял: калóши, шляпу, шинéль.

Встреча былá ужасна. Но этот раз его встретили даже не уклóнчивым ответом, а прямы́м откáзом. Наталья Николáевна, когда ей разрешенó было выйти к нему из своей комнаты, смотрела равнодýшно.

Он был унúжен, раздáвлен, в отчáянии простúлся с Москвóй.

Прошлó несколько месяцев. Одно привéтливое слово из Москвы́, перéданное ему прия́телем, — только то, что на Никúтской его вспоминáют, клáняются ему, — и он бросил всё, всё забы́л, даже испроси́ть у Бенкендорфа разреше́ние на отъéзд. Нет, он не мог, не смел явúться прямо к Гончаровым, как это было по его возвращéнии с Кавказа полгóда назáд. Но первое лицó, которое он увúдел, очутúвшись вечером на каком-то концéрте, было её лицо, сиявшее такой необычáйной прелестью, что говор стоя́л вокруг, когда она проходúла по залу! Он смотрел на неё с упоéнием и видел, себе не веря: взгляд её, обращённый к нему, выражáл ласку и радость.

Ярко сверкáло в Москве апрéльское солнце, когда он шёл к Гончарóвым. Однá бедá — фрак чуточку жал под мы́шками,

---

стра́нный — imelik
бурка — плащ из козьей и овéчьей шерсти
стычка — kokkupõrge
пика — piik
наперевéс — ettekallutatult
невзлюби́ть — mitte armastama
неблагонадёжный — ebakindel
подчиня́ться *кому? чему?* — alistuma
подчини́ться *
себя не помня — meeletu *millestki*
швыря́ть — pilduma
швырну́ть *
уклóнчивый — põiklev
откáз — äraütlemine
унижáть — alandama
уни́зить *
отчáяние — meeleheide
упоéние — joovastus
(с)жать — pigistama
под мы́шками — kaenla alt

не было у него своего фрака, пришло́сь наде́ть с чужо́го, хотя и с дружеского плеча́. И ни о чём его не нужно было спрашивать, когда он верну́лся от Гончаровых к другу, всё и так было ясно. Он хохота́л. Белозу́бая его улыбка сверка́ла. Он прыгал по своему́ обыкнове́нию, бил в ладо́ши — «Ай да Пушкин!», щекота́л друга и дура́чился, как мальчи́шка. Он только проси́л подари́ть ему этот фрак — волше́бный фрак, который прино́сит счастье. В этот день Гончаро́ва-мать дала́ ему своё согла́сие на его брак с дочерью.

*

Не вы ль сперва́ так долго гнали́
Его свобо́дный, чудный дар
и для поте́хи возбужда́ли
чуть затайвшийся пожа́р? . .

(М. Ю. Лермонтов, «На смерть поэта».)

Петербургская зима сыпала снежо́к на фонари́, на конские попо́ны, на кавалерга́рдские кивера́ и дамские капоры. Самый иней в дворцо́вых окнах каза́лся праздничным убра́нством. В Петербурге было весело.

Видели Пушкина на балу у княги́ни Будеро́. Великоле́пие этого праздника поража́ло даже привы́чных петербу́ржцев: гости́ные были обращены́ в сады́, уста́вленные редкими цвета́ми и расте́ниями. Звуча́ла музыка неви́димого орке́стра, в глубь стен и зерка́л уходи́ли отсветы бальных огне́й.

Пушкин проходи́л один мимо зерка́л, коло́нн, узо́рчатых пальм, распластави́х по стена́м свои коле́блющиеся тени. Он был мрачен, сторони́лся толпы́; в высо́кие окна, в темноту́ зимней ночи уходи́л его взгля́д.

А потом из толпы́ госте́й вырвался краса́вец кавалерга́рд Данте́с. Он броди́л по залам, взгляд его кого-то иска́л, румя́ное, чуть пухлое его лицо выража́ло трево́гу. Видели, как вдруг он вышел из дальней гости́ной и по́д руку с ним была она, Пушкина, первая краса́вица Петербу́рга. Делали рассе́янный вид, когда они проходи́ли мимо, и с любопы́тством тяну́ли шеи им вслед, напряга́я слух, лови́ли его шёпот:

— Уе́хать! . . Думаете ли вы об этом? . . Я этому не верю, вы этого не сделаете. . .

Все видели обо́их их — в танце, в раззоло́ченной, всеми цве-

с дружеского плеча́ — sõbra õlgadelt
(по)щекота́ть — kõdistama
волше́бный — võlu-
попо́на — hobusetekk
капор — daami talvine peakate
убра́нство — ehe, kaunistus
великоле́пие — toredus
обращать (превращать) — muutma
обрати́ть * *во что?* — отсвет (отблеск) — helk
распласта́ть — laiali sirutama
(по)колеба́ться — kõikuma
раззоло́ченный — kullatud

та́ми перелива́ющейся бальной суете́. И в четырёхуго́льнике высокого окна́ — одино́кую фигу́ру с зало́женными за спину рука́ми, лицо́м к окну. Все видели, а кто не видел, тому ука́зывали кивко́м головы́.

Кто такой был Дантес? Француз, бежавший из своего оте́чества после револю́ции 1830 года. Бродя́га, которого подобра́л где-то по доро́ге в свою каре́ту голла́ндский посо́л в России барон Геккерн. «Ропот гвардии», о кото́ром писал Пушкин в своём дневнике́, не помеша́л зачи́слить Дантеса в кавалерга́рдский полк. Но как же он служи́л своим новым хозя́евам, этот баловень и безде́льник? Четыре года службы — сорок четы́ре взыска́ния. Какое кому дело — он украша́л собо́й двор, белоку́рый краса́вец, острослов и весельча́к.

Кто такой был Геккерн, посо́л короле́вы Голла́ндии, усыно́ви́вший Дантеса? Геккерн был бога́т. Человек безнра́вственный, бесче́стный, он не стесня́лся испо́льзовать свои высо́кие полномо́чия посла́ иностра́нной держа́вы для того, чтобы умножа́ть своё состоя́ние.

Пушкин был чужим среди этой своры, окружа́вшей трон, и был слишком вели́к, чтобы его можно было просто не заме́ча́ть, отка́зывать ему в досто́инстве и в уваже́нии. Стало быть, его ненави́дели.

Не всё ли равно, чья рука напи́са́ла подлый пасквиль, который 4 ноября почтальо́н принёс ему на кварти́ру? Сам ли Геккерн (в чём убеждён был Пушкин) или днязь Долгору́кий (что утверждал сто лет спустя́ по сличе́нию почерков суде́бный эксперт) написал эти грязные слова́ — они родились и вылетели из той сплочённой толпы́ враго́в, которая окружа́ла его со всех сторо́н. Сам министр Ува́ров распространя́л по знако́мым списки этого письма́. Безде́льники, завсегда́таи гости́ной голла́ндского посла́ передава́ли их из рук в руки. Они приходи́ли во дворе́ц, приходи́ли к друзья́м и знако́мым Пушкина.

Первая его мысль была о Дантесе. Дантес, это он знал, был влюблён в его жену́.

Но был и друго́й смысл в этом письме, ещё более отврати́тельный: намека́ли на друго́го. Царь — вот кого связывали с именем его жены́.

То, о чём говори́лось в письме́, имело некоторые основа́ния

переливáться — sillerdama
кивóк головы́ — peanoogutus
отéчество — родина
бродя́га — hulkur
ропот — nurin
баловень — lemmik
безде́льник — logeleja, logard
взыска́ние — karistus, trahv
острослóв — остроу́мный челове́к
весельча́к — весёлый челове́к
безнра́вственный — ebavooruslik
полномóчия посла́ — saadiku õigused
свора — jõuk
достóинство — väärikus
подлый — alatu
пасквúль — paskvill
сличéние — võrdlemine
сплочённый — ühteliidetud
завсегда́тай — alaline külastaja
отвратúтельный — vastik
основáние — alus

за собо́й. Царь, как прапорщик, гарцева́л на коне́ под окнами его кварти́ры. Царь сажа́л рядом с собо́й его жену́ на ужинах, его пожа́ловал камер-ю́нкером, лишь бы его жена́ танцева́ла на бала́х. Вот за что и ухвати́лись клеветники́.

Ни на мину́ту — это утвержда́л он сам, это утвержда́ли все близкие ему — не подозрева́л он жену́, верил ей, любил её, верил её любви́ к нему. Но точно так же он знал, что по всем петербу́ргским гости́ным имя его повторя́ют со злора́дным смешко́м, что где бы он ни появи́лся теперь, за его спино́й будут перешёптываться, щуриться и значи́тельно поднима́ть брови.

Он должен был поступи́ть так, как в таких случаях поступа́ют люди чести. И отве́тить за клевету́ должен был Данте́с.

Вызов был послан. «Чем крова́вей, тем лучше», — сказал он потом своему секунда́нту. Бе́шенство его не знало меры, на него́ было страшно смотре́ть.

Не только это письмо было причи́ной тому — ярость копи́лась в нём года́ми. Тут все смеша́лось, всё слилось воеди́но: постоя́нный гнёт, борьба́ с цензу́рой, зави́симость, нужда́, доса́да на пустоту́ той жизни, на кото́рую обрека́ло его придво́рное звание, трево́ги за жену́, за семью́, наконец самое горькое — ужаса́ющая, чудо́вищная картина произво́ла и бесче́стья вокруг, равноду́шия к России, ненависти к России, которая стояла перед его глаза́ми. Всё в нём кипе́ло, всё возмуща́лось, всё его нравственное существо́ напряжено́ было до крайности. Терпе́ние его истоща́лось, когда пришло́ это письмо́, — хорошо́ рассчи́танный, точный удар.

Граф Соллогу́б говорил потом: «В лице Дантеса он искал смерти или распра́вы с целым светским обществом».

*

(про)гарцева́ть (на коне́) — ratsutama
ухва́тываться *за что?* — haarama
ухвати́ться *
клеветни́к — laimaja
утвержда́ть — kinnitama
утверди́ть *
злора́дный — kahjurõõmus
бе́шенство — raev, viha
ярость (гнев) — raev
воеди́но — ühte
гнёт — surve
обрека́ть *на что?* — määrama *millelegi*
обре́чь *
произво́л — omavoli
бесче́стье — ebaausus
равноду́шие — ükskõiksus
возмуща́ться *чем?* — nõrdima
возмути́ться *
напряга́ть (г//ж) — pingutama
напря́чь *
истоща́ться — lõppema, katkema
истощи́ться *
рассчи́танный — arvestatud
распра́ва — arveteõiendamine

Не вынесла душа́ поэта
Позо́ра мелочных оби́д,
Восста́л он против мнений света
Один как прежде ... и убит!

(М. Ю. Лермонтов, «Смерть поэта».)

Как Пушкин провёл свой после́дний день, помнили многие. Он был очень споко́ен, давно не видели его в таком ро́вном расположе́нии духа. С утра́ он работал над своим «Совреме́нником», когда времени было уже за полдень, написа́л письмо одной писа́тельнице, которая сочиня́ла хоро́шие книги для детей. Письмо было делово́е, одна́ко и в этом письме нашло́сь у него несколько ласковых, одобри́тельных слов, в которых нужда́ется всякое подлинное дарова́ние. Потом переоде́лся с ног до головы́ во всё чистое. Вышел по обыкнове́нию в бекеше, одна́ко на улице было моро́зно, верну́лся и наде́л шубу. В четыре часа дня в конди́терской Вольфа на Невском его встретил Данзас. Ящик с пистолетами лежал в саня́х.

Еще были наде́жды у друга останови́ть то, что должно́ было произойти́ и произошло́ час спустя́. Ни о каких уговорах и просьбах нечего было и думать, наде́жда была только на случай, на слепо́й случай, на вмеша́тельство со стороны́ друзе́й, семьи́, прави́тельства — всё равно. Когда они выехали на Дворцо́вую набережную, сама́ жена Пушкина попа́лась навстре́чу им; доста́точно было одного её взгля́да в их сторону, чтобы останови́ть сани, и всё могло бы сложи́ться ина́че. Но она была близору́ка и не разгляде́ла их, а Пушкин в рассе́янности смотре́л на строе́ния по тому́ берегу Невы́. И он, Данзас, не смел, не мог её окли́кнуть, он вынужден был молча́ть!

Проти́вники съехались одновреме́нно. Секунда́нты (с Дантесом прие́хал атташе́ францу́зского посо́льства Д'Аршиа́к) отошли́ выбрать место для поеди́нка. В те времена́ на Чёрной речке был сосно́вый лесо́к подалеку́ от прое́зжей доро́ги за гу́мнами и сара́ями — место уединённое, никем не посеща́емое. Лежа́л глубо́кий, по коле́но, снег. Секунда́нты вытоптали с обе́их сторо́н площа́дки, протопта́ли доро́жки к барье́рам. Всё было гото́во.

Проти́вники стоя́ли лицо́м к лицу за двадцать пять шаго́в

расположе́ние духа — meeleolu
«Современник» — литературный и общественно-политический журнал, который основал Пушкин. Выходил с 1836 года по 1866 год
одобри́тельный — heakskiitev
подлинный (настоящий) — tõeline
дарова́ние (талант) — anne
бекеша́ — ungaripärane palitu (taljega)
Данзас К. К. — лицейский товарищ Пушкина
уговор — veenmine
вмеша́тельство — vahelesegamine
близору́кий — lühinägelik
рассе́янность — hajameelsus
гумно́ — rehealune
(вы)топтать — ära tallama

друг от друга. Данзáс подал сигнáл сходúться. Пушкин быстро подошёл к барьéру и поднял пистолéт. Дантéс выстрелил с хода.

Пушкин упáл лицом на шинéль, которая обознача́ла барьéр.

— Кажется, у меня раздро́блено бедро́, — сказал он. Когда секундáнты бросились к нему́, он сделал усúлие приподня́ться и останови́л их. — Постóйте. Я чувствую достáточно сил, чтобы сделать свой выстрел.

Ещё незамутнённые его глаза́ смотре́ли в упор на проти́вника. Дантéс встал боком к нему, защити́в грудь пистолéтом, как это разреша́ли дуэльные правила. Поедúнок продолжáлся. Друзья рассказывали потом: «Ужас сопровождáл их бой. Они́ дрались, и дрались на́смерть».

Пушкин лежáл на снегу, опира́ясь на левую руку, в правой был пистолéт. Он целился долго, рука была твердá. Когда он выстрелил, Дантéс упал.

— Браво! — сказал Пушкин. На какую-то долю мину́ты созна́ние поки́нуло его; придя́ в себя́, он только спроси́л: — Убил я его?

Прице́л был верен, рука — твердá, но пуля, пробúв проти́внику локоть, уда́рилась о пуговицу его мундúра и только раздроби́ла ему ребро́.

А Пушкин лежáл на снегу́ и уже не слышал, что говоря́т секундáнты. Вокруг стоя́ли со́сны. Только и было вокруг: сосны, снег и тишинá.

В шесть часов его уже привезли́ на Мойку. Он не мог двигаться, боли были ужáсны, весь низ живота́ был у него развороченпулей. Ники́та, верный товарищ его скитáний, вынес его из каре́ты на рукáх, как маленького.

— Грустно тебе нести́ меня? — сказал Пушкин. Жене́ он велел всё объяснить, но не пускáть её к нему, пока его не уло́жат и не разде́нут.

Когда пришёл врач, он лежáл на дивáне в своём кабинéте. Он спросил:

— Что вы думаете о моей ране? Скажúте мне — смертéльная?

Врач отве́тил:

— Считаю долгом этого не скрывáть.

с хóда — käigu pealt
обозначáть — tähistama
обознáчить *
(раз)дробúть — purustama
бедро́ — puus
(с)делать усúлие — pingutama
незамутнённый (ясный) — selge
(по)смотрéть в упóр — üksisilmi vaatama
опирáться *на что?* — teotuma
опереться *
прицéл — sihtimine
лóкоть — küünarnukk
ребро́ — ribi
развора́чивать — purustama, katki kiskuma
разворотúть *
Никита Козлов — камердинер Пушкина
скитáние — hulkumine

— Спасибо, — сказал Пушкин. — Вы поступи́ли, как честный человек.

Его спросили, не хочет ли он повида́ть своих друзе́й. Взгля́д его медленно обходи́л книжные полки.

— Проща́йте, друзья! — сказал он книгам.

Но жизнь ещё не покида́ла его.

Съехались близкие: Жуко́вский, Вя́земский, Александр Ива́нович Турге́нев. Придво́рный врач привёз запи́ску от импера́тора (всего несколько слов — после́дняя милость), которую велено было, одна́ко, увезти́ после прочте́ния обра́тно во дворе́ц. Он велел вынуть из стола́ какие-то бумаги и сжечь их при нём. Спроси́ли его после́дние распоряже́ния, он отве́тил:

— Всё жене́ и детям.

Иногда́ он подзыва́л к себе жену́, говорил ей:

— Будь споко́йна, ты неви́нна в этом. Не укоря́й себя моей смертью.

Потом просил, чтоб она пошла́ к себе отдохну́ть. Она уходи́ла, а когда он начинал дрема́ть, снова подкра́дывалась к дверя́м его кабине́та, стояла у двере́й, и доста́точно было лёгкого шороха её платья, чтобы он узнал её.

Так прошла́ ночь. Боли по времена́м были невыноси́мыми, но он глуши́л стоны, чтобы жена не услы́шала его мук.

Потом он сказал, что хочет проститься с близкими. Они входи́ли к нему один за другим, каждому он пожима́л руку и говорил: «Прощай. Будь счастлив». Некоторые, не в силах удержа́ть рыда́ния, выходи́ли из комнаты, другие плакали здесь же, возле него.

Дете́й к нему принесли́ полусо́нных, он каждому клал руку на голову, смотре́л в глаза́.

Так прошёл ещё день и еще вечер. Двери в его кварти́ру не запира́лись. Приходи́ли какие-то незнако́мые люди, толпи́лись в пере́дней, спрашивали шёпотом — что Пушкин? Есть ли наде́жда? Весть о том, что он при́ смерти, облете́ла город. Никто не знал, что это за посети́тели, иногда бедно оде́тые, в студе́нческих и чино́вничьих мунди́рах, но они входи́ли и входили, прити́хшие, с тоско́й и наде́ждой в глаза́х. В пере́дней уже было не протолка́ться, пришло́сь отвори́ть двери в буфе́тную, пропусти́ть часть посети́телей туда. Какой-то старичо́к сказал: «Боже мой! Я помню, как умира́л фельдма́ршал, но этого не́ было!»

И опять подошла́ ночь, вторая ночь его страда́ний. Врач,

придво́рный врач — õukonna-arst
милость — heategu, armulikkus
укоря́ть *кого? чем?* — ette heitma
укори́ть *
подкра́дываться — hiilima
подкра́сться *
шорох — sahin
заглуша́ть — sumbutama
заглуши́ть *
рыда́ние — nuuksumine
при́ смерти — suremas
протолка́ться — läbi trügima
протолкну́ться *
буфе́тная — lauanõude hoiuruum

старый человек, отойдя́ от него, сказал: «Я был в тридцати́ сраже́ниях, я видел много умира́ющих, но мало видел подо́бного».

Народ всё прибыва́л. Уже пришло́сь отвори́ть двери в залу. Вся набережная Мойки под его окнами была запружена́ толпо́й, каре́ты не могли подъе́хать к дому.

К полу́дню созна́ние всё чаще покида́ло умира́ющего. Тогда он сжима́л руку друга, сидя́щего подле него, бормота́л:

— Ну подними́ же меня, пойдём, да выше, выше, — ну пойдём.

Очну́вшись, он сказа́л:

— Мне было пригре́зилось, что мы с тобой поднима́емся по этим книгам и полкам, высоко — и голова закружи́лась.

А ещё час спустя́ он сказал:

— Кончена жизнь.

Самый перехо́д его от жизни к смерти был таким тихим, что друзья́ даже не заме́тили, как он переста́л дыша́ть.

Гроб с его телом установи́ли в гости́ной. Он был в люби́мом своём кори́чневом сюртуке́. Лицо было очень споко́йным, каким не видели его давно́: он переста́л страда́ть, тоска́, гнев — всё, что отравля́ло ему жизнь после́дние годы, кончилось. В молча́нии стоя́ли друзья вокруг него. Веки опу́щены, губы плотно сжаты.

А незнако́мые люди всё шли и шли проста́ться с ним; в недоуме́нии смотрели друзья́ на этот нескончаемый пото́к посети́телей, и мало-пома́лу, даже в горькие эти мину́ты, радостно станови́лось у них на сердце. Шли старики́, женщины, чино́вники, студенты, беднота́, голь в шине́лишках на рыбьем меху́, даже в просто́й овчи́не. Это шёл наро́д. Это шли все те, к кому донесло́сь его могу́чее поэти́ческое слово, которое вывел он на просто́ры России. Не было никако́й возмо́жности вмести́ть в маленькой гости́ной всю эту толпу́; гроб, оби́тый красным бархатом, перенесли́ в пере́днюю. Не с пара́дного — с чёрного хода шёл к гробу наро́д, со двора́, через дверь, на которой углем было нацара́пано: «Пушкин». Сколько их, не у́знанных им при жизни друзе́й, прошло через эту дверь? Счита́ли — тридцать две тысячи. Иностра́нные наблюда́тели говорили: пятьдеся́т тысяч. А они всё шли, шли, день-ночь, день-ночь, и некоторые из них даже отрыва́ли куски сукна́ от его сюртука́ — память о мёртвом, а некоторые, отходя́ от гроба, сжима́ли кулаки́, проклина́ли его убийц и вслух говорили о возме́здии.

запружа́ть *что? чем?* — ummistama, sulgema
запруди́ть *
(при)гре́зиться — viirastuma, näima
сюрту́к — pikk-kuub
отравля́ть *кому? что? чем?* — mürgitama
отрави́ть *
в недоуме́нии — arusaamatuses
пото́к — vool
голь — kehvikud
на рыбьем меху — õhuke
овчи́на — lambanahk
вмеща́ть — mahutama
вмести́ть *
возме́здие (месть) — kättemaks

В этот день на набережной возле дома Пушкина видели молодо́го гуса́рского офице́ра. Он был бледен. Когда знако́мый литера́тор, только что вышедший от Пушкина, сказал ему, что поэта уже нет, умер полчаса назад, он долго стоял у пери́л, поражённый страшной вестью. Потом ушёл, а наутро по городу разнесли́сь в списках гневные, пойстине пушкинской силы стихи́:

Погиб поэт! — невóльник чести —
Пал, оклеве́танный молвóй,
С свинцóм в груди́ и жаждой мести,
Поники́нув гордой головóй!..

Несколько дней спустя Лермонтов приписа́л к своим стиха́м «На смерть поэта» ещё шестна́дцать строк — самых гневных. «Надме́нные пото́мки изве́стной подлостью просла́вленных отцóв», — их, окружа́вших трон, он в лицó обвиня́л в уби́йстве, им он грози́л:

Тогда напра́сно вы приби́гнете к злосло́вью:
Оно вам не помóжет вновь,
И вы не смóете всей вашей чёрной кровью
Поэта пра́ведную кровь!

Газе́там было строжа́йше запрещено́ что-либо печа́тать о его смерти. Только одна успе́ла в траурной рамке помести́ть всего лишь несколько строк: «Солнце нашей поэ́зии закати́лось! Пушкин сконча́лся, скончался во цвете лет, в середи́не своего вели́кого поприща!.. Более говорить о сём не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невознагради́мой поте́ри и всякое русское сердце будет расте́рзано...»

Отпева́ние предполага́лось в Иса́акиевском собóре, но в ночь пришёл прика́з — перенести́ гроб в церковь на Коню́шенной. Толпа́, собра́вшаяся на другой день возле собóра, нашла́ собор пусты́м; хлынули на Коню́шенную, запруди́ли сосе́дние улицы. Внутрь церкви не пуска́ли никого, только особо приглашённых.

Друзья́ вынесли гроб из церкви, впереди́ шли Крылóв и Жу-

пери́ла — käsipuud
пораже́ние *чем?* — rabama
поразúть *
гневный — raevukas
невóльник — ori
пасть (погúбнуть) — hukkuma
(о)клевета́ть — laimama
молва́ — kuulujutt
свине́ц — tina
поника́ть головóй — langetama pead
поникнуть *
падме́нный — ülbe
пото́мки — järelsugu
подлость — alatus
просла́вленный — kuulsaks tehtud, ülistatud
(по)грозúть — ähvardama
прибега́ть *к чему?* — kasutama
прибе́гнуть *
злосло́вье — laim
траурный — leina-
во цвете лет — parimates eluaastates
поприще — tegevusala, tööpõld
невознагради́мый — asendamatu
(рас)терза́ть — puruks kiskuma
отпева́ние — matusetalitus
церковь — kirik
хлынуть — järsku voogama

ко́вский. Кто-то ничко́м лежал на ступе́нях, всем телом вздрагивая от рыда́ний, — это был Вяземский.

Гроб внесли́ в подва́л сосе́днего дома.

А ночью по тёмным улицам Петербурга прое́хали сани, на которых лежа́ло что-то длинное, обёрнутое рого́жей. Сиде́л на саня́х ямщик, сиде́л заку́танный в тулу́п Никита Козло́в. Позади́ скака́л жандарм, а ещё дальше ехали други́е сани.

Тело Пушкина прика́зано было вывезти из города тайно. Сопровожда́ть — камерди́неру его и Алекса́ндру Ива́новичу Турге́неву, другу поко́йного.

Ни один человек не видел — разве что будочник в полоса́той свое́й будке, — как выехали сани за заста́ву на заметённым снегом тракт Петербург—Псков.

Жандарм торопи́л ямщика́. Один загнанный конь пал за Гатчиной. Когда над Петербургом вновь рассвело́, тело Пушкина было уже далеко́. «Вы всегда́ на доро́гах», — десять лет назад говори́л ему Бенкендорф. Что было при жизни, то ожида́ло его и в гробу́: уха́бы да вёрсты за вёрстами...

Прика́зано было похорони́ть его в Святого́рском монастыре́, рядом с матерью, которую он сам проводи́л в прошлом году́. Промёрзлую землю не брали лопа́ты, пришло́сь рыть неглубоко́ — лишь до весны.

Александр Иванович Тургенев — «арзама́сский опеку́н» — первым бросил на крышу гроба горсточку земли́, другую заверну́л в плато́к. Две младшие дочери Осиповой, с которыми играл когда-то их весёлый миха́йловский сосед, теперь уже взрослые девушки, опусти́ли в могилу живы́е цветы́. Григо́рские и михайловские крестья́не стояли вокруг, обнажи́в го́ловы.

Жандарм мог быть дово́лен. Похороны прошли́ согла́сно прика́зу. Два буке́та да несколько крестья́нских слёз не в счёт. Всё было тихо, только покря́хтывали на ветерке́ монасты́рские древние сосны да стуча́л дятел.

ничко́м — kummuli
рого́жа — rogusk
(за)ку́тать — kinni mässima
тулу́п — reisikasukas
будочник — putkavaht
полоса́тый — võõdiline
заста́ва — (linna)piir
замета́ть (снегом) — kinni tuiskama
замести́ *
тракт (шоссе́) — postitee, maantee
уха́бы — augud (teel)
опеку́н — hooldaja
горсть (горсточка) — peotäis
согла́сно прика́зу — eeskirja kohaselt
не в счёт — arvesse võtmata
дятел — rähn

В СИБИРЬ.

(1827)

14 декабря 1825 года в Петербурге произошло́ восста́ние молодых дворя́н-революционе́ров против царя и царского строя. Восстание было жесто́ко пода́влено. Участники его — декабристы — поплати́лись каторгой, ссылкой, тюрьмой, а пять руководи́телей восстания были пове́шены.

Пушкин не входи́л в организа́цию декабристов, но целико́м разделя́л их революционные взгляды, со многими из них дружи́л. И когда в начале 1827 года жена декабриста Муравьёва поехала к своему мужу в сибирску́ю каторгу, Пушкин послал своим друзья́м-декабри́стам это стихотворение.

Во глубине́ сиби́рских руд
Храни́те гордое терпе́нье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высо́кое стремле́нье.

Несча́стью верная сестра́,
Наде́жда в мрачном подземе́лье
Разбу́дит бодрость и весе́лье,
Придёт жела́нная пора́.

Любовь и дружество до вас
Дойду́т сквозь мрачные затво́ры,
Как в ваши каторжные но́ры
Дохо́дит мой свобо́дный глас.

Око́вы тяжкие паду́т,
Темницы ру́хнут — и свобо́да
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдаду́т.

восста́ние — ülestõus
строй — (riigi)kord
подави́ть — maha suruma
участник — osavõtja
(по)плати́ться *чем?* — karistama (millegi eest)
руководи́тель — juht
пове́сить — üles pooma
целико́м — täiesti
глубина́ — sügavus
скорбный — kurb
стремле́нье — püüdlus
мрачный — sünge
подземе́лье — maa-alune ruum
затво́р — lukk
нора́ — urg
глас — голос
око́вы (кандалы, цепи) — ahelad
тяжкий — тяжёлый
темни́ца (тюрьма́) — vangla
рухнуть — kokku varisema

ОТВЕТ ПУШКИНУ.

(1827)

А. И. Одóевский

В декабрé 1900 года за грани́цей вышел первый номер газéты «Искра». Под заголóвком газеты бы́ло изречéние (эпи́граф): «Из искры возгори́тся пламя». Эти слова́ взяты из ответа декабри́стов поэту Пушкину, который послáл им привéтствие в сиби́рскую ссылку.

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли́,
К мечáм рвану́лись наши руки,
Но лишь окóвы обрели́.
Но будь споко́ен, бард, цепя́ми,
Судьбо́й своей горди́мся мы
И за затво́рами тюрьмы́
В душе смеёмся над царя́ми.

Наш скорбный труд не пропадёт:
Из искры возгори́тся пламя, —
И просвещённый наш наро́д
Сберётся под свято́е знамя.
Мечи скуём мы из цепе́й
И вновь зажжём огонь свобо́ды,
И с нею грянем на царе́й —
И с радостью вздохну́т наро́ды.

заголóвок — pealkiri, nimetus
изречéние — mõttetera, ütlus
возгори́тся (загорится) — lõõb põlema
пламя — leek
струна́ — keel
вещий — prohvetlik
пламенный — leegitsev
обрести́ — найти́
бард — певéц, поэт
просвещённый — haritud, valgustatud
меч — mõõk
(с)кова́ть — rauda taguma
вздохну́ть — hinge tõmbama, ohkama

АРИОН.

(1827)

Ари́он — древнегре́ческий поэт и музыкант, о котором ходило сказа́ние, что он, спаса́ясь от грабите́лей-корабельщиков, бросился в море, но был спасён дельфи́ном, привлечённым его чудесным пением и доставившим его на сушу. Пушкин воспо́льзовался этим сказа́нием, чтобы изобрази́ть свои отношения к декабристам и их, как и свою, судьбу́. Поэт писал в третьем лице:

Их было много на челне́...
А он, беспе́чной веры полн,
Пловца́м он пел...

В оконча́тельной реда́кции Пушкин поставил *нас, наш, я.* В письме к князю Вяземскому, взволно́ванный собы́тиями, он писал: «Пове́шенные пове́шены: но каторга 120 друзе́й, братьев, товарищей, ужасна...» (август 1826 г.). В рукописях Пушкина, после черновы́х строк пятой главы «Евгения Онегина», им зарисо́ваны вал и воро́та (крепость), на валу виселица, а на ней пять пове́шенных декабристов и подпись: «И я мог бы как тут...» А в шестой главе «Евгения Онегина» (окончена в августе 1826 года), размышля́я об участи, ожида́вшей уби́того поэта Ленского, если бы он остался в живы́х после дуэли с Онегиным, Пушкин писал в черново́м вариа́нте, что юный поэт мог оказа́ться в ссылке или быть пове́шен, как Рылеев.

Нас было много на челне́,
Иные парус напряга́ли.
Другие дружно упира́ли
В глубь мощны вёслы. В тишине́
На руль склоня́сь, наш ко́рмщик умный
В молча́ньи правил грузный чёлн;
А я — беспе́чной веры полн —
Пловца́м я пел... Вдруг лоно волн
Измя́л с налёту вихорь шумный...
Погиб и кормщик и плове́ц! —
Лишь я, таи́нственный певе́ц,
На берег выброшен грозо́ю,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою́
Сушу на солнце под скало́ю.

древнегреческий — vana-kreeka
сказа́ние (легенда) — muistend
грабите́ль — rüüstaja
кора́бельщик — laevnik
привлека́ть *кого? чем?* — juurde meelitama
привле́чь *
доставля́ть — kohale toimetama
доста́вить *
суша — manner, maa
беспе́чный (беззабо́тный) — muretu
собы́тие — sündmus
черново́й — mustendi-
вал — vall
ви́селица — võllas
чёлн (лодка) — paat
напряга́ть парус — pingutama purje
упира́ть — toetama
глубь — (глубина́) — sügavus
мощный (сильный) — tugev, võimas
руль — rool
кормщик — tüürimees
грузный (тяжёлый) — raske
лоно волн — vetepind
с налёту — lennult
вихорь (вихрь) — tuuleiil
риза (оде́жда) — rüü
влажный — niiske

И. И. ПУЩИНУ.

(1826)

И. И. Пущин получил это посла́ние в сиби́рской ссылке. В свои́х воспомина́ниях он рассказывал: «В самый день моего прие́зда в Читу́ призывает меня к частоко́лу А. Г. Муравьёва (жена Никиты Муравьёва) и отдаёт листо́к бумаги, на котором неизве́стной рукой написано было: «Мой первый друг, мой друг бесце́нный...» и прочее. Отра́дно отозва́лся во мне голос Пушкина. Преиспо́лненный глубо́кой, живи́тельной благодарности, я не мог обня́ть его, как он меня обнима́л, когда я первый посети́л его в изгна́нии. Наскоро, через частоко́л, Александра Григорьевна проговори́ла мне, что получи́ла этот листок от одного своего знакомого перед самым отъе́здом из Петербурга. Стихотворение было написано Пушкиным в Пскове».

Мой пе́рвый друг, мой друг бесце́нный,
И я судьбу́ благослови́л,
Когда мой двор уединённый,
Печа́льным снегом занесённый,
Твой колоко́льчик огласи́л.
Молю́ свято́е провиде́нье
Да голос мой душе твоей
Дару́ет то же утеше́нье!
Да озари́т он заточе́нье
Лучо́м лице́йских ясных дне́й.

(1829)

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе́ моей уга́сла не совсе́м;
Но пусть она вас больше не трево́жит;
Я не хочу печа́лить вас ниче́м.
Я вас любил безмо́лвно, безнаде́жно,
То робостью, то ревностью томи́м;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог люби́мой быть други́м.

Это стихотворение согре́то подлинным чувством, проникнуто глубо́кой нежностью и искренностью. Оно особенно интере́сно тем, что раскрыва́ет достойное и благоро́дное отноше́ние поэта к любви́. Последняя заключи́тельная строка́ стихотворения раскрыва́ет характе́рное для Пушкина отноше́ние к окружа́ющим: поэт умел радоваться не только своими радостями, но и радостями други́х.

посла́ние — kiri, läkitus
частоко́л (забор) — teivastara
бесце́нный — väga kallis
отра́дно (радостно) — rõõmsalt
преиспо́лненный (полный) — täis
благословля́ть — õnnistama
благослови́ть *
уединённый — üksildane
занесённый — (on)kinni tuisanud
провиде́ние — saatus
дарова́ть (дать) — andma, kinkima
утеше́нье — lohutus
озаря́ть *чем?* — valgustama
озари́ть *
заточе́нье — vangistus
угаса́ть — kustuma
уга́снуть *
по́длинный — siiras
прони́кнутый — täis
искренность (ж. р.) — siirus
досто́йный — vääriline
благоро́дный — õilis, üllas

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР.

(1825)

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя́;
То, как зверь, она заво́ет,
То запла́чет, как дитя́,
То по кровле обветша́лой
Вдруг соло́мой зашуми́т,
То, как путник запозда́лый,
К нам в око́шко застучи́т.

Наша ветхая лачу́жка
И печа́льна и темна́.
Что же ты, моя стару́шка,
Приумо́лкла у окна́?
Или бури завыва́ньем
Ты, мой друг, утомлена́,
Или дремлешь под жужжа́ньем
Своего веретена́?

Выпьем, добрая подру́жка
Бедной юности мое́й,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет весело́й.
Спой мне песню, как сини́ца
Тихо за́ морем жила́;
Спой мне песню, как деви́ца
За водо́й пою́тру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя́;
То, как зверь, она заво́ет,
То запла́чет, как дитя́.
Выпьем, добрая подру́жка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет весело́й.

мгла — somp, vine
(по)кры́ть — katma
снежный вихрь — lumetuisk, -keeris
обветша́лый — старый, ветхий
ветхий — старый
лачу́жка (лачу́га) — onnike
приумо́лкнуть — vaikseks jääma
завыва́нье — ulgumine
утомлённый — väsinud
жужжа́нье — sumin
веретено́ — värten

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН.

(Роман в стихах.)

Глава первая.

И жить торопится, и чувствовать спешит...
П. Вяземский.

I

«Мой дядя самых честных правил,
Когда́ не в шутку занемо́г,
Он уважа́ть себя заста́вил,
И лучше вы́думать не мог;
Его приме́р другим нау́ка;
Но, боже мой, какая ску́ка
С больны́м сидеть и день и ночь,
Не отходя́ ни шагу прочь!
Како́е ни́зкое кова́рство
Полужи́во́го забавля́ть,
Ему́ поду́шки поправля́ть,
Печа́льно подноси́ть лека́рство,
Вздыха́ть и ду́мать про себя́:
Когда́ же чёрт возьмёт тебя!»

II

Так ду́мал молодо́й пове́са,
Летя́ в пыли́ на почтовы́х,
Всевы́шней волею Зевеса
Насле́дник всех своих родны́х.
Друзья́ Людми́лы и Русла́на!
С геро́ем моего́ рома́на
Без предисло́вий сей же час
Позво́льте познако́мить вас:
Онегин, добрый мой прия́тель,
Роди́лся на брега́х Невы́,
Где, может быть, родились вы,
Или блиста́ли, мой читатель!
Там не́когда гуля́л и я:
Но вреден север для меня.

III

Служи́в отли́чно, благоро́дно,
Долга́ми жил его отец,
Давал три бала ежего́дно
И промота́лся наконец.
Судьба Евгения храни́ла:
Сперва Madame за ним ходила,
Потом Monsieur её смени́л.
Ребёнок был резо́в, но мил.

не в шутку занемо́г — серьёзно заболе́л, сильно захвора́л
кова́рство (злобная хитрость) — salakavalus
забавля́ть (развлека́ть) — lõbustama, nalja tegema
заба́вить * (развле́чь)
пове́са (безде́льник, прока́зник, шалу́н) — võrukael
почто́вые (лошади) — posthobused
всевы́шний (бог) — kõrgeim
Зеве́с (Зевс) — верхо́вный бог древних греков
насле́дник — pärija
друзья́ Людми́лы и Русла́на — друзья́-чита́тели Пушкина, которые узнали и полюби́ли его после вы́хода в свет поэмы «Русла́н и Людми́ла» (в 1820 году́)
не́когда — когда́-то
вреден север для меня — Пушкин намека́ет (vihjab) на свою́ ссылку с севера, из Петербу́рга на юг
промота́ться (расстра́тить свои деньги, иму́щество) — pillama
madame — мадам (франц.), siin: prantslannast kasvataja
monsieur — мосьё (франц.), siin: prantslasest õpetaja, kasvataja
резвый (резв, резо́в) — живо́й

Monsieur l'Abbé, француз
убогий,
Чтоб не измýчилось дитя́,
Учил его всему шутя́,
Не докуча́л мора́лью строгой,
Слегка́ за шалости брани́л
И в Летний сад гуля́ть водил.

IV

Когда же юности мяте́жной
Пришла́ Евгению пора́,
Пора́ надéжд и грусти нежной,
Monsieur прогна́ли со двора.
Вот мой Онегин на свобóде;
Остри́жен по последней моде;
Как dandy лондонский одет —
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершéнно
Мог изъясня́ться и писал;
Легко мазýрку танцовал,
И кланялся непринуждённо:
Чего ж вам больше? Свет
реши́л,
Что он умён и очень мил.

V

Мы все учи́лись понемнóгу
Чему́-нибýдь и как-нибýдь;
Так воспита́ньем, сла́ва бóгу,
У нас не мудренó блеснýть.
Онéгин был по мнéнью мнóгих
(Судéй реши́тельных и стрóгих)
Учёный ма́лый, но педа́нт.
Имéл он сча́стливый тала́нт
Без принужде́нья в разгово́ре
Коснýться до всегó слегка́,
С учёным ви́дом знатока́
Храни́ть молча́нье в ва́жном
спóре
И возбужда́ть улы́бку дам
Огнём неждáнных эпигра́мм.

VI

Латы́нь из мóды вы́шла ны́не:
Так, éсли пра́вду вам сказа́ть,
Он знал довóльно по-латы́ни,
Чтоб эпигра́фы разбира́ть,
Потолкова́ть об Ювена́ле,
В конце́ письма́ поста́вить *vale*,
Да пóмнил, хоть не без греха́,
Из Энейды два стиха́.
Он ры́ться не имéл охóты
В хронологи́ческой пыли́
Бытописа́ния земли́:
Но дней мину́вших анекдóты
От Рóмула до на́ших дней
Храни́л он в па́мяти своéй.

убóгий (бедный) — vilets
докуча́ть (надоеда́ть) *чем?* — tüütama
брани́ть (руга́ть) — riidlema
мяте́жный (неспокóйный, тревóжный) — mässuline, rahutu
(о)стри́чь — pügama
dandy — дэнди (англ.) — keigar, moenarr
изъясня́ться — говори́ть
непринуждённо (естéственно) — sundimatult, loomulikult
не мудренó (нетрýдно) — pole raske
блесте́ть — hiilgama, särama
блеснýть * *чем?*
малый — мужчи́на, человéк
педáнт — человéк, который слишком много обращáет внимáния на мелочи
без принужде́нья (непринуждённо, свобóдно) — sundimatult
каса́ться *кого? чего?* — puudutama
коснýться *
знатóк — asjatundja
возбужда́ть *что? чем?* — välja kutsuma
возбуди́ть *
эпигра́мма — злое и остроумное замечание
латы́нь, лати́нский язык — ladina keel
Ювена́л — сати́рик, живший в Риме в 1 веке нашего летосчисле́ния
vale! — будь здоров? прощай! (по-латы́ни)
Энейда — произведе́ние римского поэ́та Верги́лия (1 век до нашего летосчисле́ния)
бытописа́ние — истори́ческое описа́ние
Ромул — легенда́рный основа́тель Рима

XV

Быва́ло, он ещё в посте́ле.
К нему́ запи́сочки несу́т. —
Что? Приглаше́нья? В са́мом де́ле,
Три до́ма на́ вечер зову́т.
Там бу́дет бал, там де́тский пра́здник.
Куда́ ж поска́чет мой прока́зник?
С кого́ начнёт он? Всё равно́:
Везде́ поспе́ть не мудрено́.
Пока́мест в у́треннем убо́ре,
Наде́в широ́кий *болива́р,*
Оне́гин е́дет на бульва́р
И там гуля́ет на просто́ре,
Пока́ недре́млющий бреге́т
Не прозвони́т ему́ обе́д.

XVI

Уж тёмно: в са́нки он сади́тся.
«Пади́! пади́!» — разда́лся крик;
Моро́зной пы́лью серебри́тся
Его́ бобро́вый воротни́к.
К *Talon* помча́лся: он уве́рен,
Что там уж ждёт его́ Каве́рин.
Вошёл — и про́бка в потоло́к,
Вина́ коме́ты бры́знул ток,
Пред ним *roast-beef* окровавле́нный,
И трю́фли, ро́скошь ю́ных лет,
Францу́зской ку́хни лу́чший цвет,
И Стра́сбурга паро́г нетле́нный
Меж сы́ром ли́мбургским живы́м
И анана́сом золоты́м.

XVII

Ещё бока́лов жа́жда про́сит
Залить горя́чий жир котле́т,
Но звон бреге́та им доно́сит,
Что но́вый начался́ балет.
Теа́тра злой законода́тель,
Непостоя́нный обожа́тель
Очарова́тельных актри́с,
Почётный граждани́н кули́с,
Оне́гин полете́л к теа́тру,
Где ка́ждый, во́льностью дыша́,
Гото́в охло́пать *entrechat,*
Обши́кать Фе́дру, Клеопа́тру,
Мои́ну вы́звать (для того́,
Чтоб то́лько слы́шали его́).

прока́зник (шалу́н) — vallatleja, tembutaja
пока́мест — пока́
болива́р — шляпа с широ́кими поля́ми
Бреге́т — часы́ (названы по имени часово́го мастера Бреге́та)
бобро́вый — korganahkne
Талон — хозя́ин рестора́на; здесь: модный рестора́н
Каве́рин — прия́тель Пушкина-лицеиста
пробка — kork
вино коме́ты — вино 1811 года, времени появле́ния коме́ты
брызгать — pritsima, purskama
брызнуть *
ток — juga
roast-beaf (ростбиф) — кушанье; мясо, изжа́ренное осо́бым способом
трюфли (грибы́) — trüffel
ро́скошь — luksus
страсбургский паро́г — паште́т; консе́рвы из печёнки, которые приготовля́лись особым образом в Страсбурге
нетле́нный (непортящийся) — riknematu
законода́тель — tooniandja; seaduseandja
непостоя́нный — truudusetu
обожа́тель (покло́нник) — austaja
кули́сы — kulissid
entrechat (антраша́) — ловкий прыжок вверх
(об)ши́кать (шумом выразить неодобре́ние кому-нибудь) — väljа vilistama
Федра — геро́йня траге́дии Раси́на
Клеопа́тра — геро́йня трагедии Корне́ля
Мои́на — героиня трагедии Озерова

XX

Теа́тр уж по́лон; ло́жи бле́щут;
Партёр и кре́сла — всё кипи́т;
В райке́ нетерпели́во пле́щут,
И, взви́вшись, за́навес шуми́т.
Блиста́тельна, полувозду́шна,
Смычку́ волше́бному послу́шна,
Толпо́ю нимф окружена́,
Стои́т Исто́мина, она́,
Одно́й ного́й каса́ясь по́ла,
Друго́ю ме́дленно кружи́т,
И вдруг прыжо́к, и вдруг лети́т,
Лети́т, как пух от уст Э́ола,
То стан совьёт, то разовьёт,
И быстрой ножкой ножку бьёт.

XXI

Всё хло́пает... Оне́гин вхо́дит,
Идёт меж кре́сел по нога́м,
Двойно́й лорне́т, скося́сь,
наво́дит
На ло́жи незнако́мых дам;
Все я́русы оки́нул взо́ром,
Всё ви́дел: ли́цами, убором
Ужа́сно недово́лен он;
С мужчи́нами со всех сторо́н
Раскла́нялся, пото́м на сце́ну
В большо́м рассе́яньи взгляну́л,
Отвороти́лся — и зевну́л,
И мо́лвил: «Всех пора́ на сме́ну;
Бале́ты до́лго я терпе́л,
Но и Дидло́ мне надое́л».

XXXV

Что ж мой Оне́гин? Полусо́нный
В посте́лю с ба́ла е́дет он;
А Петербу́рг неугомо́нный
Уж бараба́ном пробуждён.
Встаёт купе́ц, идёт разно́счик,
На би́ржу тя́нется изво́зчик,
С кувши́ном о́хтенка спеши́т,
Под ней снег у́тренний хрусти́т.
Просну́лся у́тра шум прия́тный,
Откры́ты ста́вни, тру́бный дым
Столбо́м восхо́дит голубы́м,
И хле́бник, не́мец аккура́тный,
В бума́жном колпаке́, не раз
Уж отворя́л свой *васисда́с*.

XXXVI

Но, шумом бала утомлённый,
И утро в полночь обратя́,
Спокойно спит в тени́
блаже́нной

раёк — rõdu
плещут — аплоди́руют, рукоплеска́ют
взвива́ться (поднима́ться) — kerkima (üles), tõusma
взви́ться *
смычо́к — (viiuli)poogen
волше́бный — võlu-
Исто́мина — фами́лия знамени́той балери́ны
Э́ол — у древних греков бог ветра
стан (талия) — piht
(с)вить * — (kokku)keerutama, keerama
(раз)вить * — (lahti)keerutama
лорне́т — складны́е очки́ с ру́чкой
убо́р — наря́д, туале́т
рассе́янье — hajameelsus
отвороти́ться (отвернуться *) — keeras ära
молвить (сказа́ть) — lausuma
Дидло́ — изве́стный балетме́йстер, постано́вщик бале́та
неугомо́нный — человек, который не может успоко́иться
биржа — уличная стоя́нка изво́зчиков
охтенка — жительница Охты (райо́н Петербу́рга)
хрусте́ть — krudisema
хрустнуть *
ставни — aknaluugid
колпа́к — высо́кая, конусообра́зная шапка
васисда́с — здесь: форточка, через кото́рую неме́цкий булочник спра́шивал: «Что надо?»
обраща́ть *во что?* — muutma
обрати́ть *

Заба́в и роскоши дитя́.
Проснётся за́-полдень, и снова
До утра жизнь его гото́ва,
Однообра́зна и пестра́,
И завтра то же, что вчера.
Но был ли счастлив мой
Евгений,
Свободный, в цвете лучших
лет,
Среди блиста́тельных побе́д,
Среди вседне́вных
наслажде́ний?
Вотще ли был он средь пиро́в
Неосторо́жен и здоров?

XXXVII

Нет: рано чувства в нём
осты́ли;
Ему наску́чил света шум;
Краса́вицы не долго были
Предме́т его привы́чных дум;
Изме́ны утоми́ть успе́ли;
Друзья и дружба надое́ли,
Затем, что не всегда же мог
Beef-steak и стра́сбургский
пирог
Шампа́нской облива́ть
буты́лкой
И сыпать острые слова,
Когда болела голова:
И хоть он был пове́са пылкий,
Но разлюби́л он наконец
И брань, и саблю, и свине́ц.

XXXVIII

Неду́г, которого причи́ну
Давно бы отыска́ть пора,
Подо́бный а́нглийскому
спли́ну,
Коро́че: русская хандра́
Им овладе́ла понемно́гу;
Он застрели́ться, слава богу,
Попро́бовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладе́л.
Как Child-Harold, угрю́мый,
томный,
В гости́ных появля́лся он;
Ни сплетни света, ни босто́н,
Ни милый взгляд, ни вздох
нескро́мный,
Ничто́ не трогало его,
Не замеча́л он ничего.

LIII

. . . . . .
. . . . . .
Вот наш Онегин сельский
житель,
Заво́дов, вод, лесов, земе́ль
Хозяин полный, а досе́ль
Порядка враг и расточи́тель,
И очень рад, что прежний путь
Перемени́л на что-нибудь.

блаже́нный (счастли́вый, радостный) — õnnis
заба́ва — игра́, развлече́ние
однообра́зный (одина́ковый) — üksluine
вотще — вообще́
beef-steak (бифште́кс) — мясно́е блюдо
пове́са (безде́льник, прока́зник, шалу́н) — võrukael
брань (война́) — sõda
сабля (шашка) — mõõk
свине́ц — tina
неду́г (боле́знь) — haigus
сплин — тоска́, скука, хандра́
Child-Harold (Чайльд Гарольд) — разочаро́ванный геро́й одноимённой поэ́мы английского поэта Байрона
томный (уста́ло-нежный) — rauge, õrn, rammestav
гости́ная — külalistetuba
сплетни — kuulujutud
босто́н — карточная игра́
досе́ль — до сих пор
расточи́тель — pillaja

Глава вторая.

I

Дере́вня, где скуча́л Евге́ний,
Была́ преле́стный уголо́к;
Там друг неви́нных наслажде́ний
Благослови́ть бы не́бо мог.
Госпо́дский дом уединённый,
Горо́й от ве́тров огражде́нный,
Стоя́л над ре́чкою. Вдали́
Пред ним пестре́ли и цвели́
Луга́ и ни́вы золоты́е,
Мелька́ли сёлы, здесь и там
Стада́ броди́ли по луга́м,
И сени́ расширя́л густы́е
Огро́мный, запущённый сад,
Прию́т заду́мчивых дриа́д.

II

Почте́нный за́мок был постро́ен,
Как за́мки стро́иться должны́:
Отме́нно про́чен и споко́ен,
Во вку́се у́мной старины́.
Везде́ высо́кие поко́и,
В гости́ной што́фные обо́и,
Царе́й портре́ты на стена́х,
И пе́чи в пёстрых изразца́х.
Всё э́то ны́не обветша́ло,
Не зна́ю, пра́во, почему́;
Да, впро́чем, дру́гу моему́
В том ну́жды бы́ло о́чень ма́ло,
Зате́м, что он равно́ зева́л
Средь мо́дных и стари́нных зал.

III

Он в том поко́е поселя́лся,
Где дереве́нский старожи́л
Лет сорок с ключницей брани́лся,
В окно́ смотре́л и мух дави́л.
Всё было просто: пол дубо́вый,
Два шкафа, стол, диван пухо́вый,
Нигде ни пятнышка черни́л.
Онегин шкафы отвори́л:
В одном нашёл тетрадь расхо́да,
В другом нали́вок целый строй,
Кувши́ны с я́блочной водо́й,
И календа́рь осьмо́го года;
Старик, име́я много дел,
В иные книги не гляде́л.

IV

Один среди́ своих владе́ний,
Чтоб только время проводи́ть,
Сперва́ задумал наш Евге́ний
Поря́док новый учреди́ть.

благословля́ть *кого? за что?* — õnnistama
благослови́ть * (в//вл)
мелька́ть — vilkuma
мелкну́ть *
сени (листва́) — lehestik
запуска́ть — hooletusse jätma
запусти́ть * (ст//щ)
прию́т — varjupaik
Дриа́да — у древних греков лесно́е божество́, роди́вшееся вместе с деревом и жившее в его листве́
за́мок (дворе́ц) — loss
отме́нно — очень
про́чный (крепкий) — tugev
што́фный (шёлковый или шерстяно́й) — siidist või villasest
изразе́ц — кирпи́ч, покры́тый глазу́рью
(об)ветша́ть (соста́риться) — kõdunema, vananema
зате́м — потому что
поко́й — комната
старожи́л — тот, кто давно́ живёт в одном и том же месте
клю́чница — mõisateenija, kes valvab toidutagavarade üle
брани́ться (руга́ться) — riidlema
(раз)дави́ть — lõmastama, katki pigistama
це́лый стро́й — целый ряд
владе́ние — omand
учрежда́ть — looma, korraldama
учреди́ть *

В своей глуши́ мудре́ц
пусты́нный
Ярём он барщины стари́нной
Обро́ком лёгким замени́л:
И раб судьбу благослови́л.
Зато в углу своём наду́лся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчётливый сосед.
Другой лука́во улыбну́лся,
И в голос все решили так:
Что он опа́снейший чуда́к.

V

Снача́ла все к нему́ езжа́ли;
Но так как с за́днего крыльца́
Обыкнове́нно подава́ли
Ему́ донско́го жеребца́,
Лишь то́лько вдоль большо́й
доро́ги
Заслы́шит их дома́шни дро́ги, —
Посту́пком оскорбя́сь таки́м,
Все дру́жбу прекрати́ли с
ним.
«Сосе́д наш не́уч; сумасбро́-
дит;
Он фармазо́н; он пьёт одно́
Стака́ном красное вино́;
Он да́мам к ру́чке не подхо́дит;
Всё *да*, да *нет*; не ска́жет
да-с
Иль *нет-с*». Тако́в был о́бщий
глас.

VI

В свою́ дере́вню в ту же по́ру
Поме́щик но́вый прискака́л
И столь же стро́гому разбо́ру
В сосе́дстве по́вод подава́л.
По и́мени Влади́мир Ле́нский,
С душо́ю пря́мо геттинге́нской,
Краса́вец, в по́лном цве́те лет,
Покло́нник Ка́нта и поэ́т.
Он из Герма́нии тума́нной
Привёз учёности плоды́:
Вольнолюби́вые мечты́,
Дух пы́лкий и дово́льно
стра́нный,
Всегда́ восто́рженную речь
И ку́дри чёрные до плеч.

XI

В пусты́не, где оди́н Евге́ний
Мог оцени́ть его́ дары́,
Госпо́д сосе́дственных селе́ний
Ему́ не нра́вились пиры́;
Бежа́л он их бесе́ды шу́мной.
Их разгово́р благоразу́мный
О сенако́се, о вине́,
О псарне, о своей родне́,
Коне́чно, не блистал ни
чу́вством,
Ни поэти́ческим огнём,
Ни остроте́ю, ни умо́м,
Ни общежи́тия иску́сством,
Но разгово́р их ми́лых жён
Гора́здо ме́ньше был умён.

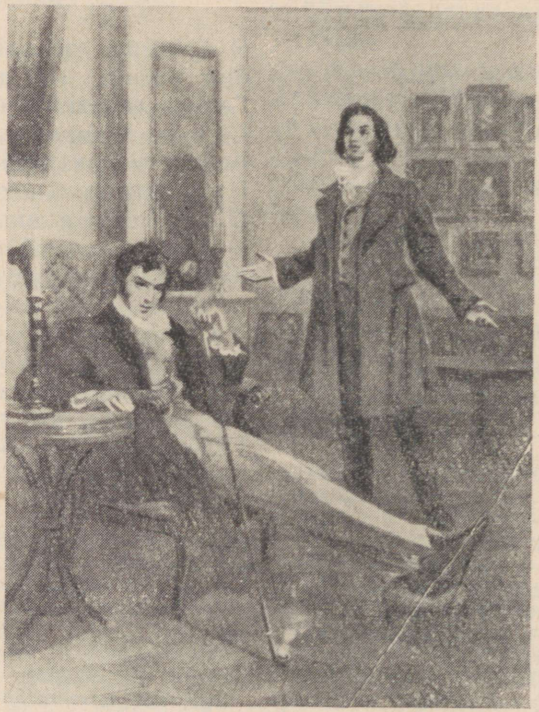
мудре́ц — tark, filosoof
ярём (ярмо́) — ike, orjus
барщина — teoorjus, mõisategu
обро́к — kruntrent, obrok
расчётливый — kaalutlev, arupidav
чуда́к — veidrik
жеребе́ц — täkk
дроги (теле́га) — vanker
оскорбля́ться *чем?* — solvuma
оскорбиться * (б//бл)
не́уч (неве́жда) — необразо́ванный человек
сумасбро́дить — действовать безрассу́дно, по капри́зу
фармазо́н — вольнодумец
не подхо́дит к ручке — не целу́ет руки
(по)дава́ть повод — põhjust andma
Кант (1724—1804) — неме́цкий филосо́ф-идеали́ст
пылкий (спосо́бный увлека́ться) — äge, hoogus
восто́рженный (экзальти́рованный) — eksalteeritud, vaimustuv
кудри (локоны) — lokid
дар (тала́нт, спосо́бность) — anne
благоразу́мный — mõistlik
псарня — penila

XII

Бога́т, хоро́ш собо́ю Ле́нский
Везде́ был при́нят как жени́х;
Тако́в обы́чай дереве́нский;
Все до́чек про́чили свои́х
За *полуру́сского сосе́да*;
Взойдёт ли он, тотча́с бесе́да
Заво́дит сло́во стороно́й
О ску́ке жи́зни холосто́й;
Зову́т сосе́да к самова́ру,
А Ду́ня разлива́ет чай,
Ей ше́пчут: «Ду́ня, примеча́й!»
Пото́м прино́сят и гита́ру:
И запищи́т она́ (бог мой!):
Приди́ в черто́г ко мне злато́й!..

XIII

Но Ле́нский, не име́в, коне́чно,
Охо́ты у́зы бра́ка несть,
С Оне́гиным жела́л серде́чно
Знако́мство покоро́че свесть.
Они́ сошли́сь. Волна́ и ка́мень,
Стихи́ и про́за, лёд и пла́мень
Не столь разли́чны меж собо́й.
Сперва́ взаи́мной разното́й
Они́ друг дру́гу бы́ли ску́чны;
Пото́м понра́вились; пото́м
Съезжа́лись ка́ждый день верхо́м,
И ско́ро ста́ли неразлу́чны.
Так лю́ди (пе́рвый ка́юсь я)
От *де́лать не́чего* друзья́.

жени́х — peigmees
прочить (предсказывать) — ennustama
черто́г (дворе́ц) — loss
несть узы брака — быть жена́тым
свесть покоро́че знако́мство — лучше, ближе познако́миться
разнота́ (различие) — erinevus

XV

Он слушал Ленского с улы́бкой:
Поэта пылки́й разговор,
И ум, ещё в сужденьях зы́бкий,
И вечно вдохновенный взор, —
Онегину всё было ново;
Он охладительное слово
В устах старался удержать,
И думал: глупо мне мешать
Его минутному блаженству;
И без меня пора придёт;
Пускай покамест он живёт
Да верит мира совершенству;
Простим горячке юных лет
И юный жар, и юный бред.

XXI

Чуть о́трок, Ольгою пленённый,
Серде́чных мук ещё не знав,
Он был свиде́тель умилённый
Её младе́нческих заба́в;
В тени́ храни́тельной дубра́вы
Он разделя́л её заба́вы,
И де́тям про́чили венцы́
Друзья́-сосе́ди, их отцы́.
В глуши́, под се́нию смире́нной,
Неви́нной пре́лести полна́,
В глаза́х роди́телей, она́
Цвела́ как ла́ндыш потае́нный,
Незна́емый в траве́ глухо́й
Ни мотылька́ми, ни пчело́й.

XXIII

Всегда скромна́, всегда послу́шна,
Всегда как утро весела́,
Как жизнь поэта простоду́шна,
Как поцелу́й любви́ мила́;
Глаза как небо голубы́е,
Улы́бка, локоны льняны́е,
Движе́нья, голос, лёгкий стан,
Всё в Ольге... но любо́й роман
Возьмите, и найдёте верно
Её портре́т: он очень мил;
Я прежде сам его любил,
Но надое́л он мне безме́рно.
Позвольте мне, читатель мой,
Заня́ться старшею сестро́й.

XXV

Итак, она́ звала́сь Татья́ной.
Ни красото́й сестры́ свое́й,
Ни све́жестью её румя́ной
Не привлекла́ б она́ оче́й.
Дика́, печа́льна, молчали́ва,
Как лань лесна́я боязли́ва,
Она́ в семье́ свое́й родно́й
Каза́лась де́вочкой чужо́й.
Она́ ласка́ться не уме́ла
К отцу́, ни к ма́тери свое́й;
Дитя́ сама́, в толпе́ дете́й
Игра́ть и пры́гать не хоте́ла
И ча́сто, це́лый день одна́,
Сиде́ла мо́лча у окна́.

зыбкий (нетвёрдый) — kõikuv
вдохновле́нный — hingestatud
соверше́нство — täiuslikkus
охлади́тельный — jahutav
уста́ (губы, рот) — huuled
горя́чка (жар) — palavik
бред — sonimine
отрок (мальчик) — poiss, nooruk
пленённый — vangistatud; võlutud
му́ка — piin
умилённый — heldinud
младе́нческий (детский) — lepsepõlve-
заба́ва (развлече́ние, игра́) — meelelahutus
дубра́ва — tammik
прочить венцы́ — ennustama abielu
неви́нный — süütu
ландыш — maikelluke
потаённый (спря́танный) — peidetud
мотылёк (бабочка) — liblikas
простоду́шный — lihtsameelne
льняно́й — linane, hele
безме́рно — очень
привлека́ть — meelitama
привле́чь *
очи (глаза́) — silmad
лань — emahirv
(по)ласка́ться — õrnutsema
дитя́ — ребёнок

XXVI

Заду́мчивость, её подру́га
От са́мых колыбе́льных дней,
Тече́нье се́льского досу́га
Мечта́ми украша́ла ей.
Её изне́женные па́льцы
Не зна́ли игл; склоня́сь на пя́льцы,
Узо́ром шёлковым она́
Не оживля́ла полотна́.

XXVII

Но ку́клы да́же в э́ти го́ды
Татья́на в ру́ки не брала́;
Про ве́сти го́рода, **про мо́ды**
Бесе́ды с не́ю не вела́.
И бы́ли де́тские прока́зы
Ей чу́жды; стра́шные расска́зы
Зимо́ю, в темноте́ ночёй,
Пленя́ли бо́льше се́рдца ей.
Когда́ же ня́ня собира́ла
Для Ольги на широ́кий луг
Всех ма́леньких её подру́г,
Она́ в горе́лки не игра́ла,
Ей ску́чен был и звО́нкий смех,
И шум их ве́треных уте́х.

заду́мчивость — mõtlikkus
досу́г — свобо́дное от рабо́ты время
изне́женный (нежный) — õrn
игла́ (игО́лка) — nõel
пяльцы — väljaõmblemisraam
полотно́ — linane riie
прока́зы (шалости) — vallatused
пленя́ть — vangistama
плени́ть *
игра́ть в горе́лки — mängima «tagumist paari»
ветреный — kergemeelne
утеха (развлече́ние) — meelelahutus

XXVIII

Она́ люби́ла на балко́не
Предупрежда́ть зари́ восхо́д,
Когда́ на бле́дном небоскло́не
Звёзд исчеза́ет хоровóд,
И ти́хо край земли́ светле́ет,
И, ве́стник у́тра, ве́тер ве́ет,
И всхо́дит постепе́нно день.
Зимо́й, когда́ ночна́я тень
Полми́ром до́ле облада́ет
И до́ле в пра́здной тишине́,
При отума́ненной луне́,
Восто́к лени́вый почива́ет,
В привы́чный час пробужде́на,
Встава́ла при свеча́х она́.

Глава третья.

Elle était fille, elle était amoureuse
Malfilâtre [1]

I

«Куда́? Уж э́ти мне поэ́ты!» —
«Проща́й, Оне́гин, мне пора́». —
«Я не держу́ тебя́; но где ты
Свои́ прово́дишь вечера́?» —
«У Ла́риных». — «Вот э́то чу́дно.
Помилуй! И тебе́ не тру́дно
Там ка́ждый ве́чер убива́ть?» —
«Нима́ло». — «Не могу́ поня́ть.
Отсе́ле ви́жу, что тако́е:
Во-пе́рвых (слу́шай, прав ли я?),
Проста́я, ру́сская семья́,
К гостя́м усе́рдие большо́е,
Варе́нье, ве́чный разгово́р
Про дождь, про лён, про ско́тный двор...» —

II

«Я тут ещё беды́ не вижу». —
«Да скука, вот беда, мой друг». —
«Я мо́дный свет ваш ненави́жу;
Милее мне дома́шний круг,
Где я могу...» — «Опять эклóга!
Да полно, милый, ради бога.
Ну что ж? ты едешь: очень жаль.
Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль
Увидеть мне Филли́ду эту,
Предме́т и мыслей, и пера́,
И слёз, и рифм et cetera?
Предста́вь меня». — «Ты шутишь?» —
«Нету». —
«Я рад». — «Когда же?» — «Хоть сейча́с.
Они с охо́той примут нас.

предупрежда́ть — ennetama
предупреди́ть * (д//жд)
небоскло́н — taevalaotus, taevavõlv
хоровóд — ringmäng
вестник — sõnumitooja, teataja
(по)ве́ять — puhuma
доле — дольше
обладáть *чем?* — omandama
почива́ть (отдыха́ть) — puhkama
привы́чный — tavaline, harilik
при свеча́х — küünlavalgusel
отсе́ле — отсю́да
усе́рдие — püüdlikkus
скотный двор — loomalaut
эклóга — вид стари́нных стихотворе́ний, посвящённых дереве́нской жизни
Филли́да — имя пасту́шки, героини древнегреческой эклóги
et cetera (эт сетера́) — и так далее
с охо́той (охо́тно, с удово́льствием) — hea meelega

[1] «Она́ была́ де́вушка, она́ была́ влюблена́». Мальфила́тр.

III

Поедем». —
Поскака́ли други,
Яви́лись; им расточены́
Порой тяжёлые услу́ги
Гостеприи́мной старины́.
Обряд известный угоще́нья:
Несу́т на блюдечках варе́нья,
На столик ставят вощано́й
Кувшин с брусничною водо́й.

. . . . . .

IV

Они доро́гой самой краткой
Домой летят во весь опо́р.
Теперь послушаем укра́дкой
Геро́ев наших разговор.
«Ну, что ж, Онегин? Ты
зева́ешь». —
«Привы́чка, Ленский». — «Но
скучаешь
Ты как-то больше». — «Нет,
ровно́,
Однако в поле уж темно́;
Скорей! пошёл, пошёл,
Андрюшка!
Какие глупые места!
А кстати: Ларина проста́,
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусни́чная вода́
Мне не наде́лала б вреда́.

V

Скажи: кото́рая Татья́на?» —
«Да та, кото́рая грустна́
И молчали́ва, как Светла́на,
Вошла́ и се́ла у окна́». —
«Неу́жто ты влюблён в мень-
шу́ю?» —
«А что?» — «Я вы́брал бы дру-
гу́ю,
Когда́ б я был, как ты, поэ́т.
В черта́х у Ольги жи́зни нет,
Точь-в-то́чь в Ванди́ковой Ма-
до́нне:
Кругла́, красна́ лицо́м она́,
Как э́та глу́пая луна́
На э́том глу́пом небоскло́не».
Влади́мир су́хо отвеча́л
И по́сле во весь путь молча́л.

VI

Меж тем Оне́гина явле́нье
У Ла́риных произвело́
На всех большо́е впечатле́нье
И всех сосе́дей развлекло́.
Пошла́ дога́дка за дога́дкой.
Все ста́ли толкова́ть укра́дкой,
Шути́ть, суди́ть не без греха́,
Татья́не про́чить жениха́;
Иные да́же утвержда́ли,
Что сва́дьба сла́жена совсе́м,
Но остано́влена зате́м,
Что мо́дных ко́лец не доста́ли.
О сва́дьбе Ле́нского давно́
У них уж бы́ло решено́.

расточа́ть — pillama, raiskama
расточи́ть *
гостеприи́мный — külalislahke
обря́д — kombetalitus, tavand
угоще́ние — kostitamine
вощано́й (натёртый воском) — vahatatud
во весь опо́р — во весь дух, очень быстро
укра́дкой (тихо́нько) — salaja
наде́лать вреда́ — kahjustama
Светла́на — героиня балла́ды Жуковского «Светла́на», образ мечта́тельной девушки
Мадо́нна Ванди́ка — изображе́ние мадо́нны знамени́того голла́ндского худо́жника Ван-Дейка (1599—1641)
дога́дка (предположение) — oletus
прочить жениха́ (предска́зывать жениха́) — ennustama peigmeest
свадьба — pulmad

VII

Татья́на слу́шала с доса́дой
Такие́ сплéтни; но тайко́м
С неизъясни́мою отра́дой
Невóльно ду́мала о том;
И в сéрдце ду́ма зарони́лась;
Пора́ пришла́, она́ влюби́лась.
Так в зéмлю па́дшее зернó
Весны́ огнём оживленó.
Давнó её воображéнье,
Сгора́я нéгой и тоскóй,
Алка́ло пи́щи рокóвой;
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь...

VIII

И дождала́сь. Откры́лись очи;
Она сказала: это он!
Увы! теперь и дни, и ночи,
И жаркий одинóкий сон,
Всё полно им; всё деве милой
Безу́молку волшéбной силой
Твердúт о нём. Доку́чны ей
И звуки ласковых речéй,
И взор забóтливой прислу́ги.
В уны́ние погружена́,
Гостéй не слушает она́
И проклина́ет их досу́ги,
Их неожúданный приéзд
И продолжúтельный присéст.

XV

Татьяна, милая Татьяна!
С тобой теперь я слёзы лью;
Ты в руки модного тира́на
Уж отдала́ судьбу́ свою.
Погúбнешь, милая; но прежде
Ты в ослепúтельной надéжде
Блажéнство тёмное зовёшь,
Ты негу жизни узнаёшь,
Ты пьёшь волшебный яд жела́-
ний,
Тебя́ пресле́дуют мечты́:
Везде́ воображáешь ты
Прию́ты сча́стливых свида́ний;
Везде́, везде́ перед тобóй
Твой искуси́тель рокóвой.

XVI

Тоска́ любви́ Татья́ну гóнит,
И в сад идёт она́ грусти́ть...
И вдруг недви́жны óчи клóнит,
И лень ей да́лее ступи́ть.
Приподняла́ся грудь, лани́ты
Мгновéнным пла́менем покры́-
ты,
Дыха́нье за́мерло в уста́х,
И в слу́хе шум, и блеск в оча́х...
Наста́нет ночь; луна́ обхóдит

с доса́дой — pahameelega
сплетни — kuulujutud
неизъясни́мый — необъясни́мый
отра́да — радость
падшее — упа́вшее
нега (ласка, блажéнство) — hurm, hellus
алкать (жаждать) — janunema
томлéнье — igatsus
(с)тесни́ть — ängistama
очи — глаза́
доку́чны — скучны́
прислу́га — teenijaskond
уны́ние — грусть, тоска́
погружа́ть — sukeldama
погрузить *
проклина́ть — needma
прокля́сть *
присест — külasviibimine, istumine
ослепи́тельный — pimestav
яд — mürk
свида́ние — kokkusaamine
искуси́тель — ahvatleja
рокóвой — saatuslik
недви́жный (неподви́жный) — liikumatu
клони́ть (опуска́ть) — langetama
лани́ты (щёки) — põsed
замере́ть — tarduma
замира́ть *

Дозо́ром да́льный свод небе́с,
И соловей во мгле древе́с
Напе́вы зву́чные заво́дит.
Татья́на в темноте́ не спит
И ти́хо с ня́ней говори́т:

XVII

«Не спится, няня: здесь так душно!
Откро́й окно́ да сядь ко мне». —
«Что, Таня, что с тобой?» — «Мне скучно,
Поговори́м о старине́». —
«О чём же, Таня? Я быва́ло
Храни́ла в памяти не мало
Стари́нных былей, небыли́ц
Про злых духо́в и про деви́ц;
А нынче всё мне тёмно, Таня:
Что знала, то забы́ла. Да,
Пришла́ худа́я чередá!
Зашибло...» — «Расскажи мне, няня,
Про ваши старые года́:
Была ты влюблена́ тогда?» —

XVIII

«И, по́лно, Таня! В эти ле́та
Мы не слыхали про любо́вь;
А то бы согнала́ со света
Меня покойница свекро́вь». —
«Да как же ты венча́лась, няня?» —
«Так, видно, бог велел.
Мой Ваня
Моло́же был меня, мой свет,
А было мне трина́дцать лет.
Неде́ли две ходила сваха
К моей родне́, и наконе́ц
Благослови́л меня отец.
Я горько плакала со страха,
Мне с плачем косу расплели́,
Да с пеньем в церковь повели́.

XIX

И вот ввели́ в семью́ чужую...
Да ты не слушаешь меня́...» —
«Ах, няня, няня, я тоску́ю,
Мне тошно, милая моя:
Я плакать, я рыда́ть гото́ва!..»
«Дитя моё, ты нездоро́ва;
Господь поми́луй и спаси́!
Чего ты хочешь, попроси́...
Дай окроплю́ свято́й водою,
Ты вся гори́шь...» — «Я не больна́:
Я... знаешь, няня... влюблена́».
«Дитя моё, господь с тобою!» —
И няня девушку с мольбо́й
Крести́ла дряхлою руко́й.

XX

«Я влюблена́», — шептала снова
Старушке с горестью она.

дозо́р — обхо́д для осмо́тра
свод небе́с (небосво́д) — taevalaotus
во мгле древе́с — в листве́ дере́вьев
напе́в (мело́дия) — viis
душно — lämmatav
быль — tõsilugu
небыли́ца — olematu asi
ду́хи — vaimud
чередá (очередь) — järjekord, kord
зашибло — забылось
поко́йница — surnu
свекро́вь — ämm
(по)венча́ться — laulatama
сваха — kosjasobitaja
церковь — kirik
(за)рыда́ть — nuuksuma, nutma
окропля́ть *чем?* — piserdama
окропи́ть * (п//пл)
мольба́ — palve
дряхлый (старый) — vana
горесть (чувство печа́ли) — mure, kurbus

«Сердéчный друг, ты
нездорóва». —
«Оставь меня: я влюблена́».
И между тем луна сия́ла
И томным светом озаря́ла
Татьяны бледные красы́,
И распущéнные власы́,
И капли слёз, и на скамéйке
Пред героúней молодóй,
С платкóм на голове седóй,
Старушку в длинной
телогрéйке;
И всё дремáло в тишинé
При вдохновúтельной луне́.

XXI

И сéрдцем далекó носúлась
Татья́на, смóтря на луну́...
Вдруг мысль в уме́ её родúлась...
«Поди́, остáвь меня́ одну́.
Дай, ня́ня, мне перó, бумáгу
Да стол подвúнь; я скóро
ля́гу;
Прости́». И вот она́ одна́.
Всё тúхо. Свéтит ей луна́.
Облокотя́сь, Татья́на пúшет,
И всё Евгéний на уме́,
И в необдýманном письме́
Любóвь невúнной дéвы ды́шит.
Письмó готóво, сложено́...
Татья́на! для кого́ ж оно́?

XXXI

Письмó Татья́ны предо мно́ю;
Его́ я свя́то берегу́,
Чита́ю с та́йною тоскóю
И начита́ться не могу́.
Кто ей внуша́л и э́ту не́жность,
И слов любéзную небрéжность?
Кто ей внуша́л умúльный вздор,
Безýмный сéрдца разговóр
И увлека́тельный и врéдный?
Я не могу́ поня́ть. Но вот
Непóлный, сла́бый перевóд,
С живóй картúны спúсок блéдный,
Или разы́гранный Фрейши́ц
Перста́ми рóбких учени́ц:

Письмо Татьяны к Онегину.

Я к вам пишу́ — чего же боле?
Что я могу ещё сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презре́ньем наказа́ть.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня́,
Вы не оста́вите меня.
Сначала я молча́ть хотела;
Пове́рьте: моего стыда́
Вы не узнали б никогда,
Когда б наде́жду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши
речи,

томный (уста́ло-не́жный) — õrn
озаря́ть (освеща́ть) — valgustama
озари́ть *
краса́ — красота́
распуска́ть — lahti punuma
распусти́ть *
власы́ — волосы
телогре́йка — женская тёплая кофта без рукавóв
вдохновúтельный — hingestatud
подвига́ть — nihutama
подви́нуть *
облока́чиваться — toetuma küünarnukile
облокоти́ться *
свято — pühalikult
начита́ться — lugema külluseni
небре́жность — hooletus
умúльный — heldinud
Фрейшиц (или «Волше́бный стрело́к») — опера композúтора Вебера, создавшая ему мировое имя
презре́нье — põlastus

Вам слово молвить, и потом
Всё думать, думать об одном
И день и ночь до новой
встре́чи.
Но говоря́т, вы нелюди́м;
В глуши́, в деревне всё вам
скучно,
А мы... ничем мы не блести́м,
Хоть вам и рады простоду́шно.
Зачем вы посети́ли нас?
В глуши забы́того селе́нья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького муче́нья,
Души неопытной волненья
Смири́в со временем (как
знать?),
По сердцу я нашла́ бы друга,
Была бы верная супру́га
И добродетельная мать.
Другой!.. Нет, никому на
свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем сужде́но совете...
То воля неба: я твоя́;
Вся жизнь моя была зало́гом
Свида́нья верного с тобо́й;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты храни́тель мой...
Ты в сновиде́ньях мне явля́лся,
Незри́мый, ты мне был уж
мил,
Твой чудный взгляд меня
томи́л,
В душе твой голос раздава́лся
Давно... нет, это был не сон!
Ты чуть вошёл, я вмиг узнала,
Вся обомле́ла, запыла́ла
И в мыслях молвила: вот он!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши́,
Когда я бедным помога́ла
Или молитвой услажда́ла
Тоску́ волну́емой души?
И в это самое мгнове́нье
Не ты ли, милое виде́нье,
В прозра́чной темноте́
мелькну́л,
Прини́кнул тихо к изголо́вью?
Не ты ль, с отра́дой и
любовью,
Слова надежды мне шепну́л?
Кто ты, мой ангел ли
храни́тель,
Или кова́рный искуси́тель:
Мои сомне́нья разреши́.
Быть может, это всё пустое,
Обман неопытной души!
И сужде́но совсем иное...
Но так и быть! Судьбу́ мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слёзы лью,
Твое́й защиты умоля́ю...
Вообрази́: я здесь одна,
Никто́ меня не понима́ет,
Рассу́док мой изнемога́ет,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: еди́ным взором
Наде́жды сердца оживи́,
Иль сон тяжёлый перерви́,
Увы, заслу́женным уко́ром!
Кончаю! страшно перече́сть...
Стыдо́м и страхом замира́ю...
Но мне пору́кой ваша честь,
И смело ей себя вверя́ю...

нелюди́мый — любящий одино́чество, угрю́мый
глушь — место, отдалённое от центров культу́рной и обще́ственной жизни
смиря́ть — vaigistama, rahustama
смири́ть *
супру́га (жена́) — abikaasa, abielunaine
зало́г — pant
храни́тель — kaitsja, hoidja
сновиде́нье (сон) — unenägu
незри́мый — nähtamatu
(обо)мле́ть — nõrkema, kohmetuma
услажда́ть — kosutama
усла́дить *
прозра́чный — läbipaistev
прини́кать *к чему?* — end vastu suruma
прини́кнуть *
изголо́вье — peats
кова́рный — salakaval
искуси́тель — ahvatleja
пору́ка — tagatis

XXXII

Татьяна то вздохнёт, то охнет;
Письмо дрожи́т в её руке;
Обла́тка розовая сохнет
На воспалённом языке.
К плечу́ голо́вушкой
склони́лась.
Соро́чка лёгкая спусти́лась
С её прелёстного плеча́.
Но вот уж лунного луча́
Сия́нье гаснет. Там доли́на
Сквозь пар яснеет. Там пото́к
Засеребри́лся; там рожо́к
Пасту́ший будит селяни́на,
Вот утро; встали все давно́:
Моей Татьяне всё равно.

XXXIII

Она зари́ не замеча́ет,
Сидит с пони́кшею главо́й
И на письмо не напира́ет
Своей печа́ти вырезно́й.
Но, дверь тихо́нько отпира́я,
Уж ей Фили́пьевна седа́я
Приносит на подно́се чай.
«Пора́, дитя моё, встава́й:
Да ты, краса́вица, гото́ва!
О пташка ранняя моя!
Вечо́р уж как боя́лась я!
Да, слава богу, ты здоро́ва!
Тоски́ ночно́й и следу нет,
Лицо́ твоё как маков цвет». —

XXXIV

«Ах! няня, сделай
одолже́нье». —
«Изво́ль, родна́я, прикажи́». —
«Не думай... право...
подозре́нье...
Но видишь... Ах! не откажи́». —
«Мой друг, вот бог тебе
пору́ка». —
«Итак, пошли тихо́нько внука
С запи́ской этой к О . . . , к .
тому́...
К сосе́ду. . . да веле́ть ему —
Чтоб он не говори́л ни слова,
Чтоб он не называ́л меня...» —
«Кому же, милая моя?
Я нынче стала бестолко́ва.
Круго́м сосе́дей много есть;
Куда мне их и перечесть». —

XXXV

«Как недога́длива ты, ня́ня!» —
«Серде́чный друг, уж я стара́,
Стара́; тупе́ет ра́зум, Та́ня;
А то, быва́ло, я востра́,
Быва́ло, сло́во ба́рской
во́ли...» —
«Ах, ня́ня, ня́ня! до того́ ли?
Что ну́жды мне в твоём уме́?
Ты ви́дишь, де́ло о письме́
К Онегину». — «Ну де́ло, де́ло.
Не гне́вайся, душа́ моя́,

обла́тка — специа́льный кружо́чек для запеча́тывания писем
воспалённый — palavikuline
соро́чка — руба́шка
рожо́к — vilepill
селяни́н — крестья́нин
пониква́ть — langetama pea
пони́кнуть *
напира́ть — peale suruma
напере́ть *
печа́ть — pitsat
пташка — птичка
вечо́р — вчера́ вечером
маков цвет (мак) — magun
сделай одолже́нье — osuta teene
подозре́нье— kahtlus
пору́ка — tagatis
бестолко́вый — juhm
недога́дливый — mõistmatu, arusaamatu
(по)тупе́ть — nüriks muutuma
востра́ (жива́я, бойкая) — terane
что нужды мне — к чему мне
гневаться (серди́ться) — pahandama

Ты зна́ешь, непоня́тна я...
Да что ж ты сно́ва
побледне́ла?» —
«Так, ня́ня, пра́во ничего́.
Пошли́ же вну́ка своего́».

XXXVI

Но день протёк, и нет ответа.
Другой настал; всё нет, как
нет.
Бледна́, как тень, с утра оде́та,
Татьяна ждёт: когда ж ответ?
Приехал Ольгин обожа́тель.
«Скажите: где же ваш
прия́тель? —
Ему вопро́с хозяйки был. —
Он что-то нас совсем забыл».
Татьяна, вспыхнув, задрожа́ла.
«Сегодня быть он обеща́л, —
Старушке Ленский отвечал, —
Да, видно, почта
задержала». —
Татьяна потупи́ла взор,
Как будто слыша злой уко́р.

XXXVII

Смерка́лось; на столе, блиста́я,
Шипе́л вече́рний самова́р,
Кита́йский чайник нагрева́я;
Под ним клуби́лся лёгкий пар.
Разли́тый Ольгиной рукою,
По чашкам тёмною струёю
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подава́л;
Татьяна пред окном стоя́ла,
На стёкла хладные дыша́,
Заду́мавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писа́ла
На отума́ненном стекле́
Заве́тный вензель *О* да *Е*.

XXXVIII

И ме́жду тем душа́ в ней ны́ла,
И слёз был по́лон то́мный взор.
Вдруг то́пот!.. кровь её
засты́ла.
Вот бли́же! ска́чут... и на двор
Евге́ний! «Ах!» — и ле́гче те́ни
Татья́на прыг в други́е се́ни,
С крыльца́ на двор, и пря́мо в
сад,
Лети́т, лети́т; взгляну́ть наза́д
Не сме́ет; ми́гом обежа́ла
Курти́ны, мо́стики, лужо́к,
Алле́ю к о́зеру, лесо́к,
Кусты́ сире́н переломи́ла,
По цветника́м летя́ к ручью́,
И, задыха́ясь, на скамью́

XXXIX

Упа́ла...
«Здесь он! здесь Евге́ний!
О бо́же! что поду́мал он!»
В ней се́рдце, по́лное муче́ний,

протека́ть (проходи́ть) — mööduma, läbi voolama
проте́чь * (пройти́) — mööduma, läbi voolama
обожа́тель (покло́нник) — austaja
потупля́ть (взор) — langetama (pilku)
пото́пить * — langetama (pilku)
уко́р — etteheide
(за)шипе́ть — susisema
(за)клуби́ться — pilvena keerlema
отума́нивать — ähmaseks, uduseks tegema
отума́нить * — ähmaseks, uduseks tegema
заве́тный — salajane, palavasti ihaldatud
вензель — инициа́лы, краси́во напи́санные и соединённые между собо́й; инициа́лы — нача́льные буквы имени и фами́лии
(за)ны́ть — valutama
застыва́ть — tarduma
засты́ть * — tarduma
куртина́ — садовая грядка с цветами; клумба
цветни́к — грядка с цветами
задыха́ться — hingetuks muutuma, hingeldama, lämbuma
задохну́ться * — hingetuks muutuma, hingeldama, lämbuma

Храни́т наде́жды тёмный сон;
Она́ дрожи́т и жа́ром пы́шет,
И ждёт: нейдет ли? Но не
слы́шит.
В саду́ служа́нки, на грядáх,
Сбира́ли я́годы в куста́х
И хо́ром по нака́зу пе́ли
(Нака́з, осно́ванный на том,
Чтоб ба́рской я́годы тайко́м
Уста́ лука́вые не е́ли
И пе́ньем бы́ли заняты́:
Зате́я се́льской остроты́!)

XL

Они поют, и с небреже́ньем
Внима́я звонкий голос их,
Ждала́ Татьяна с нетерпе́ньем,
Чтоб трепет сердца в ней зати́х,
Чтобы прошло́ ланит пыла́нье.
Но в персях то же трепета́нье,
И не прохо́дит жар ланит,
Но ярче, ярче лишь гори́т.

XLI

Но наконе́ц она́ вздохну́ла
И вста́ла со скамьи́ свое́й;
Пошла́, но то́лько поверну́ла
В алле́ю, пря́мо перед ней,
Блиста́я взо́рами, Евге́ний
Стои́т, подо́бно гро́зной те́ни,
И, как огнём обожжена́,
Останови́лася она́.
Но сле́дствия неждáнной
встре́чи
Сего́дня, ми́лые друзья́,
Пересказа́ть не в си́лах я;
Мне до́лжно по́сле долгой ре́чи
И погуля́ть и отдохну́ть:
Доко́нчу по́сле как-нибу́дь.

Глава четвёртая.

La morale est dans la nature des choses.[1]

Necker.

XI

Но, получи́в посла́нье Та́ни,
Оне́гин жи́во тро́нут был:
Язы́к девичьих мечта́ний
В нём ду́мы ро́ем возмути́л;
И вспо́мнил он Татья́ны ми́лой
И бле́дный цвет и вид уны́лый;
И в сла́достный, безгре́шный
сон
Душо́ю погрузи́лся он.
Быть мо́жет, чу́вствий пыл
стари́нный
Им на мину́ту овладе́л;
Но обману́ть он не хоте́л
Дове́рчивость души́ неви́нной.
Тепе́рь мы в сад перелети́м,
Где встре́тилась Татья́на с ним.

пышет — hõõgub, õhkub
по нака́зу (по приказа́нию) — käsu peale
уста́ (губы, рот) — huuled
лука́вый (хитрый) — kelm, kaval
зате́я — mõte, riugas
острота́ — teravmeelsus
с небреже́ньем (без внима́ния) — hajameelselt
внима́ть (слушать) — kuulama
трепет (дрожа́ние) — värin
лени́ты (щёки) — põsed
перси (грудь) — rind
следствие (после́дствие) — tagajärg
посла́нье — письмо
рой — sülem
погружа́ться *во что?* — sukelduma
погрузи́ться *
пыл (жар) — kuumus

[1] Нравственность в природе вещей. *Некер.*

XII

Мину́ты две они́ молча́ли,
Но к ней Оне́гин подошёл
И мо́лвил: «Вы ко мне писа́ли,
Не отпира́йтесь. Я прочёл
Души́ дове́рчивой призна́нья,
Любви́ неви́нной излия́нья;
Мне ва́ша и́скренность мила́,
Она́ в волне́нье привела́
Давно́ умо́лкнувшие чу́вства;
Но вас хвали́ть я не хочу́;
Я за неё вам отплачу́
Призна́ньем та́кже без
иску́сства;
Прими́те и́споведь мою́:
Себя́ на суд вам отдаю́.

XIII

Когда́ бы жизнь дома́шним
кру́гом
Я огранича́ть захоте́л;
Когда́ б мне быть отцо́м,
супру́гом
Прия́тный жре́бий повеле́л;
Когда́ б семе́йственной
карти́ной
Плени́лся я хоть миг еди́ный, —
То ве́рно б кро́ме вас одно́й
Неве́сты не иска́л ино́й.
Скажу́ без бле́сток
мадрига́льных:
Наше́д мой пре́жний идеа́л,
Я ве́рно б вас одну́ избра́л
В подру́ги дней мои́х печа́льных,
Всего́ прекра́сного в зало́г,
И был бы сча́стлив... ско́лько
мог!

XIV

Но я не со́здан для блаже́нства;
Ему́ чужда́ душа́ моя́;
Напра́сны ва́ши соверше́нства:
Их во́все недосто́ин я.
Пове́рьте (со́весть в том
поруко́й),
Супру́жество нам бу́дет му́кой.
Я, ско́лько ни люби́л бы вас,
Привы́кнув, разлюблю́ тотча́с;
Начне́те пла́кать: ва́ши слёзы
Не тро́нут се́рдца моего́,
А бу́дут лишь теси́ть его́.
Суди́те ж вы, каки́е ро́зы
Нам загото́вит Гимене́й
И, мо́жет быть, на мно́го дней!

XV

«Что может быть на свете хуже
Семьи, где бедная жена́
Грустит о недосто́йном муже
И днём и вечером одна;
Где скучный муж, ей цену зна́я
(Судьбу одна́ко ж проклина́я),
Всегда нахму́рен, молчали́в,
Сердит и холодно-ревни́в!
Таков я. И того ль иска́ли

молви́ть (сказа́ть) — lausuma
отпира́ться *от чего?* — tagasi ajama
отпере́ться *
излия́ние — (südame) puistamine
и́скренность — siirus
и́споведь — pihtimus
огранича́ть *чем?* — piirama
огранича́ть *
супру́г — abikaasa
жре́бий — loos
плени́ться — end võluda laskma
неве́ста — pruut
мадрига́льный (хвалебный) — kiidu-
зало́г — pant
блаже́нство — nauding
соверше́нство — täiuslikkus
недосто́йный — pole väärt
пору́ка — tagatis
супру́жество (брак) — abielu
(вз)теси́ть — vihastama
Гимене́й — бог брака по верованию древних
проклина́ть — needma
проклясть *
(на)хму́риться — kulmu kortsutama
ревни́вый — armukade

Вы чистой, пламенной душо́й,
Когда с такою простото́й,
С таким умом ко мне писали?
Ужели жребий вам такой
Назна́чен строгою судьбо́й?

XVI

«Мечта́м и годам нет возвра́та;
Не обновлю́ души моей...
Я вас люблю любовью брата
И, может быть, ещё нежне́й.
Послу́шайте ж меня без гнева:
Смени́т не раз млада́я дева
Мечта́ми лёгкие мечты́;
Так деревцо свои листы́
Меня́ет с каждою весно́ю.
Так видно небом суждено́.
Полю́бите вы снова: но...
Учи́тесь властвовать собо́ю;
Не всякий вас, как я, поймёт;
К беде неопытность ведёт».

XVII

Так проповедовал Евгений.
Сквозь слёз не видя ничего,
Едва дыша́, без возраже́ний,
Татьяна слушала его...

жребий — loos
возвра́т (возвраще́ние) — tagasipöördumine
обновля́ть — uuendama
обнови́ть *
сменя́ть — vahetama
смени́ть *
млада́я дева — молода́я девушка
листы́ — листья
(по)властвовать *кем?* — valitsema
неопытность — kogenematus
проповедовать — jutlustama
возраже́ние — vasturääkimine, vastuväide

TRÜ Raamatukogu

Глава пятая.

О, не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана!

Жуковский

I

В тот год осенняя пого́да
Стояла долго на дворе́,
Зимы́ ждала́, ждала природа.
Снег выпал только в январе́
На третье в ночь. Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Пу́тру побеле́вший двор,
Курти́ны, кровли и забо́р,
На стёклах лёгкие узо́ры,
Деревья в зимнем серебре́,
Сорок весёлых на дворе́
И мягко устланные горы
Зимы блиста́тельным ковро́м.
Всё ярко, всё бело́ кругом.

II

Зима!.. Крестья́нин торжеству́я
На дровнях обновля́ет путь;
Его лоша́дка, снег почу́я,
Плетётся рысью как-нибудь;
Бразды́ пушистые взрыва́я,
Летит киби́тка удала́я;
Ямщи́к сидит на облучке́
В тулу́пе, в красном кушаке́.
Вот бегает дворо́вый мальчик,
В сала́зки Жучку посади́в,
Себя в коня́ преобрази́в;
Шалу́н уж замороз́ил пальчик:
Ему и больно и смешно́,
А мать грози́т ему в окно...

IV

Татьяна (русская душо́ю,
Сама́ не зная, почему)
С её холо́дною краcóю
Любила русскую зиму,
На со́лнце и́ней в день моро́зный,
И са́ни, и зарёю по́здной
Сия́нье ро́зовых снего́в,
И мглу креще́нских вечеро́в.
По стари́не торжествова́ли
В их до́ме э́ти вечера́:
Служа́нки со всего́ двора́
Про ба́рышень свои́х гада́ли
И им сули́ли ка́ждый год
Мужьёв боённых и похо́д.

V

Татья́на ве́рила преда́ньям
Простонаро́дной старины́,
И снам, и ка́рточным гада́ньям,
И предсказа́ниям луны́.
Её трево́жили приме́ты;
Таи́нственно ей все предме́ты
Провозглаша́ли что-нибу́дь,

узо́р (рису́нок) — muster
соро́ка — harakas
устила́ть *чем?* — katma устла́ть *
дровни — regi
бразда́ (борозда́) — vagu
облучо́к — pukk
сала́зки — санки
(по)грози́ть — ähvardama
иней — härmatis
мгла (темнота́) — pimedus
крещёнский вечер — kolmekuningapäeva eelõhtu (5. jaanuaril)
торжествова́ть — здесь: праздновать
(по)сули́ть — lubama
мужьёв — мужей
преда́нье (леге́нда) — muistend
приме́та — tunnus

Предчу́вствия тесни́ли грудь.
Жема́нный кот, на пе́чке си́дя,
Мурлы́ча, ла́пкой ры́льце мыл:
То несомне́нный знак ей был,
Что е́дут го́сти. Вдруг уви́дя
Младо́й двуро́гий лик луны́
На не́бе с ле́вой стороны́,

VI

Она́ дрожа́ла и бледне́ла.
Когда́ ж паду́чая звезда́
По не́бу тёмному лете́ла
И рассыпа́лася, — тогда
В смяте́ньи Та́ня тороплла́сь,
Пока́ звезда́ ещё кати́лась,
Жела́нье се́рдца ей шепну́ть.
Когда́ случа́лось где-нибу́дь
Ей встре́тить чёрного мона́ха,
Иль бы́стрый за́яц меж полей
Перебега́л доро́гу ей, —
Не зна́я, что нача́ть со стра́ха,
Предчу́вствий го́рестных полна́,
Ждала́ несча́стья уж она́.

VII

Что ж? Та́йну пре́лесть
находи́ла
И в са́мом у́жасе она́:
Так нас приро́да сотвори́ла,
К противоре́чию склонна́.
Наста́ли свя́тки. То́-то ра́дость!
Гада́ет ве́треная мла́дость,
Кото́рой ничего́ не жаль,
Перед кото́рой жи́зни даль
Лежи́т светла́, необозри́ма;
Гада́ет ста́рость сквозь очки́
У гробово́й свое́й доски́,
Всё потеря́в невозврати́мо;
И всё равно́: наде́жда им
Лжёт де́тским ле́петом свои́м.

X

Татьяна, по сове́ту няни
Сбира́ясь ночью ворожи́ть,
Тихонько приказа́ла в бане
На два прибо́ра стол накры́ть;
Но стало страшно вдруг
Татьяне...
И я — при мысли о Светла́не
Мне стало страшно — так и
быть...
С Татьяной нам не ворожи́ть.
Татьяна поясо́к шелко́вый
Сняла, разде́лась и в посте́ль
Легла. Над нею вьётся Лель,
А под поду́шкою пухо́вой
Девичье зеркало лежит.
Утихло всё. Татьяна спит.

XI

И снится чудный сон Татьяне.
Ей снится, будто бы она

предчу́вствие — eelaimdus
тесни́ть (грудь) — ängistama
жема́нный (коке́тливый) — peenutsev
рыльце — koonuke
лик — лицо́
паду́чий (падающий) — langev
смяте́нье — hämmeldus
мона́х — munk
горестный — гру́стный
ужас — õudus
противоре́чие — vasturääkivus
святки — jõuluaeg kuni kolmekuningapäevani
ветреный — kergemeelne
необозри́мый — нельзя окинуть взглядом
у гробово́й доски́ — незадолго до смерти
(со)лга́ть — valetama
лепет — vadistamine, lällutus
(по)ворожи́ть (гада́ть) — nõiduma, ennustama
накрыть стол на два прибо́ра — katta laud kahele inimesele
Лель — бог любви́ в славя́нской мифоло́гии

Идёт по снегово́й поля́не,
Печальной мглой окружена́;
В сугро́бах снежных перед нею
Шумит, клуби́т волно́й своею
Кипу́чий, тёмный и седо́й
Пото́к, не скованный зимо́й;
Две жёрдочки, склеёны
льдиной,
Дрожа́щий, гибельный мосто́к,
Положены через пото́к:
И пред шумя́щею пучи́ной,
Недоуме́ния полна́,
Останови́лася она.

XII

Как на доса́дную разлу́ку,
Татьяна ропщет на ручёй;
Не видит никого, кто руку
С той стороны подал бы ей;
Но вдруг сугро́б зашевели́лся,
И кто ж из-под него яви́лся?
Большо́й, взъеро́шенный
медве́дь;
Татьяна *ах!* а он реве́ть,
И лапу с острыми когтя́ми
Ей протяну́л: она скрепя́сь
Дрожа́щей ручкой опера́лась
И боязли́выми шага́ми
Перебрала́сь через ручёй;
Пошла — и что ж? медведь за
ней.

XIII

Она, взгляну́ть назад не сме́я,
Поспе́шный ускоря́ет шаг;
Но от косма́того лаке́я
Не может убежа́ть никак;
Кряхтя́, вали́т медведь
несно́сный;
Пред ними лес; недви́жны
сосны
В своей нахму́ренной красе;
Отягчены́ их ветви все
Клока́ми снега; сквозь
верши́ны
Осин, берёз и лип наги́х
Сия́ет луч светил ночны́х;
Доро́ги нет; кусты, стремни́ны
Мете́лью все занесены́,
Глубо́ко в снег погружены́.

XIV

Татья́на в лес; медве́дь за не́ю;
Снег ры́хлый по коле́но ей;
То дли́нный сук её за ше́ю
Заце́пит вдруг, то из ушёй
Златы́е се́рьги вы́рвет си́лой;
То в хру́пком сне́ге с но́жки
ми́лой
Увя́знет мо́крый башмачо́к;
То вы́ронит она́ плато́к;
Подня́ть ей не́когда; бои́тся,

кипу́чий — kobrutav
седо́й — siin: vahust hall
пото́к (ручёй) — oja
(с)кова́ть — aheldama
жёрдочка — latike
(с)клеи́ть — kleepima (kokku)
гибельный — hukutav
пучи́на — kuristik, neelukoht
недоуме́ние — nõutus
(за)ропта́ть *на кого? на что?* — nurisema
взъеро́шенный (лохма́тый) — pulstunud karvaga
(за)реве́ть — möirgama
(с)крепи́ться — südant rindu võtma
опира́ться *на что?* — toetuma
опере́ться *
поспе́шный (быстрый) — kiire
косма́тый (лохма́тый, взъеро́шенный) — pika sassis karvaga
несно́сный — talumatu
клок снега — (lume) tort
оси́на — haab
наго́й (голый) — paljas, lehtedeta
стремни́на — круча, обры́в, про́пасть
мете́ль (вьюга) — tuisk
рыхлый — kobe
сук, сучья — oks, oksad
серьги — kõrvarõngad
хрупкий — õrn, kergesti murduv
(у)вя́знуть * — kinni jääma
башмачо́к (туфель) — kingake

Медве́дя слы́шит за собо́й,
И да́же тре́петной руко́й
Оде́жды край подня́ть стыди́тся;
Она́ бежи́т, он всё вослед,
И сил уже́ бежа́ть ей нет.

XV

Упа́ла в снег — медве́дь провóрно
Её хвата́ет и несёт;
Она́ бесчу́вственно-поко́рна,
Не шевельнётся, не дохнёт;
Он мчит её лесно́й доро́гой;
Вдруг — меж дере́в шала́ш убóгий;
Круго́м всё глушь; отвсю́ду он
Пусты́нным сне́гом занесён,
И я́рко све́тится око́шко,
И в шалаше́ и крик, и шум;
Медве́дь промóлвил: «Здесь мой кум:
Погре́йся у него́ немно́жко!»
И в се́ни пря́мо он идёт
И на поро́г её кладёт.

XVI

Опóмнилась, глядит Татьяна:
Медве́дя нет; она в сеня́х;
За дверью крик и звон стака́на,
Как на больших похорона́х;
Не видя тут ни капли толку,
Глядит она тихóнько в щёлку,
И что же! видит... за столом
Сидят чудóвища кругом;
Один в рога́х с соба́чьей мордой,
Другой с пету́шьей головóй,
Здесь ведьма с козьей бородóй,
Тут óстов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полужура́вль и полу-кóт.

XVII

Ещё́ страшне́й, ещё́ чудне́е:
Вот рак верхóм на пауке́,
Вот череп на гуси́ной шее
Верти́тся в красном колпаке́,
Вот мельница вприся́дку пляшет
И крыльями трещи́т и машет;
Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людска́я молвь и конский топ!
Но что поду́мала Татья́на,
Когда узнала меж гостéй
Того, кто мил и страшен ей, —
Геро́я нашего романа;
Онегин за столом сидит
И в дверь укра́дкою глядит.

(по)стыди́ться — häbenema
провóрно — быстро, поспéшно
(по)мча́ть — tormama
шала́ш — hagudest onn
кум — vader
поро́г — lävi
опóмниться (прийти в сознáние, прийти́ в себя́) — meelemärkusele tulema
сени (коридóр) — esik, koridor
похороны — matused, peied
щёлка (щель) — pragu
чудóвище — koletis, peletis, imeelukas
морда — koon
пету́шья голова́ — голова́ петуха́
ведьма — nõid
óстов (скелéт) — luukere
чопорный (неестéственно строгий в поведéнии) — väiklaselt täpne, pedantne
карла (карлик) — kääbus
пауќ — ämblik
череп — pealuu
колпа́к — высокая остроконечная шапка
мельница — veski
вприся́дку — kükakil (tantsima)
хлоп (хлопанье) — plaksutamine
молвь (разговóр) — kõne, rääkimine
топ (топот) — plagin
укра́дкою (тайно) — vargsi

XVIII

Он знак пода́ст: и все
хлопо́чут;
Он пьёт: все пьют и все кричат;
Он засмеётся: все хохочут;
Нахму́рит брови: все молчат;
Он там хозяин, это ясно:
И Тане уж не так ужасно,
И любопы́тная теперь
Немного раствори́ла дверь...
Вдруг ветер дунул, загаша́я
Огонь свети́льников ночны́х;
Смути́лась шайка домовы́х;
Онегин, взорами сверка́я,
Из-за стола гремя́ встаёт;
Все встали: он к дверя́м идёт.

XIX

И страшно ей; и торопли́во
Татьяна силится бежать:
Нельзя никак; нетерпели́во
Мета́ясь, хочет закрича́ть:
Не может; дверь толкну́л
Евгений:
И взорам адских привиде́ний
Яви́лась дева; ярый смех
Разда́лся дико; очи всех,
Копы́ты, хоботы кривы́е,
Хвосты́ хохла́тые, клыки́,
Усы́, крова́вы языки́,
Рога́ и пальцы костяны́е,
Всё указу́ет на неё,
И все крича́т: моё! моё!

XX

Моё! сказа́л Евге́ний гро́зно,
И ша́йка вся сокры́лась вдруг;
Оста́лася во тьме моро́зной
Млада́я де́ва с ним сам-друг.
Оне́гин ти́хо увлека́ет
Татья́ну в у́гол и слага́ет
Её на ша́ткую скамью́
И кло́нит го́лову свою́
К ней на плечо́; вдруг Ольга
вхо́дит,
За не́ю Ле́нский; свет блесну́л;
Оне́гин ру́ку замахну́л
И ди́ко он оча́ми бро́дит,
И не́званных госте́й брани́т;
Татья́на чуть жива́ лежи́т.

XXI

Спор гро́мче, гро́мче; вдруг
Евге́ний
Хвата́ет дли́нный нож, и вмиг
Пове́ржен Ле́нский; стра́шно
те́ни
Сгусти́лись; нестерпи́мый крик
Разда́лся... хи́жина шатну́-
лась...
И Та́ня в у́жасе просну́лась...

подава́ть знак *кому?* — märku andma
подать *
(за)хлопота́ть (т//ч) — askeldama
(за)гаси́ть (с//ш) — kustutama
свети́льник — lamp, rasvalamp, valguseallikas
шайка — jõuk
домово́й — живущий в доме дух
(за)греме́ть — müristama, kolistama
силиться (стара́ться) — püüdma
привиде́ние — viirastus, kummitus
ярый (полный гнева) — äge
копы́то, копы́та — kabi, kabjad
хобот — lont
клык — kihv
указу́ет (ука́зывает) — näitab, osutab
сам-друг — здесь: Онегин
слага́ть (класть) — panema
шаткий — kõikuv
скамья (скаме́йка) — lai pink
дико — metsikult
(за)брани́ть (руга́ть) — sõimama, riidlema
пове́ржен — убит
сгуща́ться — tihenema
сгусти́ться * (ст//щ)
нестерпи́мый — väljakannatamatu
шата́ться — kõikuma
шатну́ться *

Глядúт, уж в кóмнате светлó;
В окнé сквозь мёрзлое стеклó
Зарú багрянóй луч игрáет;
Дверь отворúлась. Ольга к ней,
Авро́ры сéверной алéй
И лéгче лáсточки, влетáет;
«Ну, — говорúт, — скажú ж ты мне,
Кого́ ты ви́дела во сне?»

XXV

Но вот багря́ною руко́ю
Заря от утренних долúн
Выво́дит с солнцем за собою
Весёлый праздник именúн.
С утрá дом Лариных гостя́ми
Весь полон; целыми семья́ми
Сосéди съехались в возка́х,
В кибúтках, в бричках и в саня́х.
В перéдней толкотня́, трево́га;
В гостúной встреча новых лиц,
Лай мосек, чмоканье девúц,
Шум, хохот, давка у поро́га,
Покло́ны, шарканье гостéй,
Кормúлиц крик и плач детéй.

XXVI

С своéй супру́гою доро́дной
Приéхал толстый Пустяко́в;
Гвоздúн, хозя́ин превосхо́дный,
Владéлец нищих мужико́в;
Скотúнины, четá седáя,
С детьми всех возрастов, считáя
От тридцатú до двух годо́в;
Уéздный франтик Петушко́в,
Мой брат двою́родный, Буя́нов
В пуху́, в карту́зе с козырько́м
(Как вам, конечно, он знаком),
И отставно́й советник Фля́нов,
Тяжёлый сплетник, старый плут,
Обжо́ра, взяточник и шут.

XXVII

С семьёй Панфúла Харлико́ва
Приехал и мосьё Трикé,
Остря́к, недáвно из Тамбо́ва,
В очках и в рыжем парикé.
Как истинный француз, в кармане
Трике привёз куплéт Татьяне
На голос, знаемый детьмú:
Réveillez vous, belle endormie.
Меж ветхих песен альманáха
Был напечáтан сей куплéт;
Трикé, догáдливый поэт,
Его на свет явил из праха,
И смело вместо belle Niná
Поставил belle Tatiana.

багря́ный — густокрасный, цвета крови
Авро́ра — богúня утренней зарú
именúны — nimepäev
бричка (лёгкая повóзка) — kaless
чмоканье — matsutamine
давка — trügimine
шарканье — jalgade kraapimine
кормúлица — amm, lapsehoidja
дорóдный (полный, толстый) — tüse, paks
четá — abielupaar
франтик (франт) — keigar
двою́родный брат — tädi- või onupoeg
карту́з с козырько́м — nokkmüts
сплетник — tühjajuturääkija
плут — kelm, petis
обжóра — õgard
взяточник — altkäemaksuvõtja
шут — narr
остря́к — teravmeelne inimene
на голос (на мотúв) — viisil
reveillez vous, belle endormie (ревеьé ву, белл андорми) — начáло францýского романса «Проснúсь, спящая красáвица ...»
явúл на свет (вытащил) — tõi päevavalgele
прах (пыль) — põrm, tolm

XXVIII

И вот из ближнего поса́да
Созре́вших барышень куми́р,
Уе́здных матушек отра́да,
Прие́хал ротный команди́р;
Вошёл... Ах, новость, да
какая!
Музы́ка будет полкова́я!
Полко́вник сам её посла́л.
Какая радость: будет бал!
Довчонки прыгают зара́не;
Но кушать подали. Чето́й
Идут за стол рука с рукой.
Тесня́тся барышни к Татьяне;
Мужчи́ны против; и крестя́сь,
Толпа жужжи́т, за стол задя́сь.

XXIX

На миг умо́лкли разгово́ры;
Уста́ жуют. Со всех сторо́н
Гремя́т таре́лки и прибо́ры
Да рю́мок раздаётся звон.
Но вско́ре го́сти понемно́гу
Подъе́млют о́бщую трево́гу.
Никто́ не слу́шает, крича́т,
Смеются, спо́рят и пищат.
Вдруг две́ри на́стежь. Ле́нский
вхо́дит
И с ним Оне́гин. «Ах, творе́ц! —
Кричи́т хозя́йка. — Наконе́ц!»
Тесня́тся го́сти, всяк отво́дит
Прибо́ры, сту́лья поскоре́й;
Зову́т, сажа́ют двух друзе́й.

XXX

Сажа́ют пря́мо про́тив Та́ни,
И, у́тренней луны́ бледне́й
И тре́петней гони́мой ла́ни,
Она́ темне́ющих оче́й
Не подыма́ет: пы́шет бу́рно
В ней стра́стный жар; ей ду́шно,
ду́рно;
Она́ приве́тствий двух друзе́й
Не слы́шит; слёзы из оче́й
Хотя́т уж ка́пать; уж гото́ва
Бедня́жка в о́бморок упа́сть;
Но во́ля и рассу́дка власть
Превозмогли́. Она́ два сло́ва
Сквозь зу́бы мо́лвила тишко́м
И усиде́ла за столо́м.

XXXI

Траги́-нерви́ческих явле́ний,
Деви́чьих о́бмороков, слёз
Давно́ терпе́ть не мог Евге́ний;
Дово́льно их он перенёс.
Чуда́к, попа́в на пир огро́мный,
Уж был серди́т. Но, де́вы
то́мной
Заме́тя тре́петный поры́в,
С доса́ды взо́ры опусти́в,

поса́д (пригород) — eeslinn
куми́р — ebajumal
отра́да (радость) — (silma)rõõm
(по)тесни́ться — trügima
(пере)кресте́ться — risti ette lööma
(за)жева́ть — mäluma
рюмка — napsiklaas
подъе́млют — поднима́ют
настежь — pärani
твореи́ц — looja
лань — emahirv
ей дурно — tal on halb
(за)ка́пать — tilkuma
упасть в обморок — minestusse langema
рассу́док — mõistus
превозмога́ть — jagu saama
превозмо́чь *
тишко́м — тихо, шёпотом
траги́ческий — traagiline
нерви́ческий (болезненно-нервный) — närviline
явле́ние — nähtus
о́бморок (поте́ря созна́ния) — minestus
чуда́к (странный челове́к) — veidrik
томный — уста́ло-нежный
поры́в (сильное, внеза́пное движе́ние) — puhang, hoog
доса́да — meelepaha

Наду́лся он и, негоду́я,
Поклля́лся Ле́нского взбеси́ть
И уж поря́дком отомсти́ть.
Тепе́рь, зара́не торжеству́я,
Он стал черти́ть в душе́ свое́й
Карикату́ры всех госте́й.

XXXIII

Освободя́сь от пробки влажной,
Буты́лка хлопнула; вино́
Шипи́т; и вот с оса́нкой важной,
Купле́том мучимый давно́,
Трике встаёт; пред ним
собра́нье
Храни́т глубокое молча́нье.
Татьяна чуть жива́; Трике́,
К ней обратя́сь с листко́м в
руке,
Запе́л, фальши́вя. Плески,
клики
Его приве́тствуют. Она
Певцу́ присе́сть принуждена́;
Поэт же скромный, хоть
вели́кий,
Её здоро́вье первый пьёт
И ей купле́т передаёт.

XXXIV

Пошли́ приве́ты, поздравле́нья;
Татьяна всех благодари́т.
Когда же дело до Евгенья
Дошло́, то девы томный вид,
Её смуще́ние, уста́лость
В его душе́ родили жалость:
Он мо́лча поклони́лся ей;
Но ка́к-то взор его́ оче́й
Был чу́дно не́жен. Оттого́ ли,
Что он и впра́ву тро́нут был,
Иль он, коке́тствуя, шали́л,
Нево́льно ль иль из до́брой
во́ли,
Но взор сей не́жность изъяви́л:
Он се́рдце Та́ни оживи́л.

XXXV

Гремя́т отдви́нутые сту́лья;
Толпа́ в гости́ную вали́т;
Так пчёл из ла́комого у́лья
На ни́ву шу́мный рой лети́т.
Дово́льный пра́здничным
обе́дом,
Сосе́д сопи́т перед сосе́дом;
Подсе́ли да́мы к камельку́;
Девицы ше́пчут в уголку́;
Столы́ зелёные раскры́ты:
Зову́т задо́рных игроко́в
Босто́н и ло́мбер старико́в,
И вист, доны́не знамени́тый,
Однообра́зная семья́,
Все жа́дной ску́ки сыновья́.

(на)ду́ться *на кого? за что?* — mossitama
(вз)беси́ть — сильно рассерди́ть
поря́дком — очень, как следует
черти́ть карикату́ры — рисова́ть карикату́ры
пробка — kork
влажный — niiske
(за)шипе́ть — sisisema
оса́нка — kehahoid
фальши́вить (брать непра́вильные звуки, ноты) — valesti laulma
плески (рукоплеска́ние) — aplodeerimine
был тронут — oli liigutatud
изъяви́л — выразил, показа́л
оживля́ть — elustama
оживить *
отодвига́ть — kõrvale, eemale lükkama
отодви́нуть *
ла́комый — maias
улей — (mesilas)taru
рой — sülem
(за)опе́ть — nohisema
камелёк — камин
задо́рный — riiakas
босто́н, ломбе́р, вист } карточная игра

XXXIX

Но чай несут: девицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдруг из-за двери в зале длинной
Фагот и флейта раздались.
Оба́дован музыки громом,
Оста́вя чашку чаю с ромом,
Парис окружных городко́в,
Подхо́дит к Ольге Петушко́в,
К Татьяне Ленский, Харлико́ву,
Невесту переспе́лых лет,
Берёт тамбо́вский мой поэт,
Умча́л Буя́нов Пустяко́ву,
И в зале высыпали все,
И бал блести́т во всей красе́.

XLI

Однообра́зный и безу́мный,
Как вихорь жизни молодо́й,
Кружи́тся вальса вихорь шумный;
Чета́ мелька́ет за четой.
К минуте мщенья приближа́ясь,
Онегин, втайне усмеха́ясь,
Подхо́дит к Ольге. Быстро с ней
Верти́тся около госте́й,
Потом на стул её сажа́ет,
Заво́дит речь о том, о сём;
Спустя́ минуты две потом
Вновь с нею вальс он продолжа́ет;
Все в изумле́ньи. Ленский сам
Не верит собственным глазам.

XLIII. XLIV

Буя́нов, бра́тец мой задо́рный,
К геро́ю на́шему подвёл
Татья́ну с Ольгою; прово́рно
Оне́гин с Ольгою пошёл;
Ведёт её, скользя́ небре́жно,
И, наклоня́сь, ей ше́пчет не́жно
Како́й-то по́шлый мадрига́л,
И ру́ку жмёт — и запыла́л
В её лице́ самолюби́вом
Румя́нец я́рче. Ле́нский мой
Всё ви́дел: вспы́хнул, сам не свой;
В негодова́нии ревни́вом
Поэ́т конца́ мазу́рки ждёт
И в котильо́н её зовёт.

XLV

Но ей нельзя́. Нельзя́? Но что́ же?
Да Ольга сло́во уж дала́
Оне́гину. О бо́же, бо́же!
Что слы́шит он? Она́ могла́...
Возмо́жно ль? Чуть лишь из пелёнок,
Кокетка, ве́треный ребёнок!
Уж хи́трость ве́дает она́,
Уж изменя́ть научена́!
Не в си́лах Ле́нский снесть уда́ра;
Прока́зы же́нские кляня́,
Выхо́дит, тре́бует коня́
И ска́чет. Пистоле́тов па́ра,
Две пу́ли — бо́льше ничего́ —
Вдруг разреша́т судьбу́ его́.

чинно — väärikalt
блюдечко — alustass
Парис — краса́вец-геро́й из сказа́ния о Троя́нской войне́
переспе́лый — üleküpsenud
во всей красе́ — täies hiilguses
вихорь (вихрь) — tuuleiil
мщенье (месть) — kättemaks
заводи́ть речь — начать разговор
изумле́ние (удивле́нье) — imestus
задо́рный — trotslik
пошлый — labane
мадрига́л — стихотворе́ние шутли́вого или любо́вного хара́ктера
самолюби́вый — enesearmastaja
румя́нец — puna
сам не свой — endast väljas
ревни́вый — armukade
котильо́н — танец (им обы́чно зака́нчивался бал)
пелёнки — mähkmed
изменя́ть — truudust murdma, reetma
измени́ть *
(про)кля́сть — needma

La, sotto i giorni nubilosi ne brevi
Nasce una gente a cui l'morir non dole.

Petrarca.[1]

I

Заметив, что Влади́мир
скры́лся,
Оне́гин, ску́кой вновь гони́м,
Близ Ольги в ду́му погрузи́лся,
Дово́льный мще́нием свои́м.
За ним и Оленька зева́ла,
Глаза́ми Ле́нского иска́ла,
И бесконе́чный котильо́н
Её томи́л, как тя́жкий сон.
Но ко́нчен он. Иду́т за у́жин.
Посте́ли сте́лют; для госте́й
Ночле́г отво́дят от сене́й
До самой девичьи. Всем нужен
Покойный сон. Онегин мой
Один уехал спать домой.

II

Всё успоко́илось: в гости́ной
Храпи́т тяжёлый Пустяко́в
С своей тяжёлой полови́ной.
Гвозди́н, Буя́нов, Петушко́в
И Фля́нов, не совсем здоро́вый,
На стульях улеглись в столо́вой.
А на полу́ мосьё Трике́,
В фуфа́йке, в старом колпаке́.
Девицы в комнатах Татьяны
И Ольги все объя́ты сном.
Одна, печальна под окном,
Озарена́ лучо́м Диа́ны,
Татьяна бедная не спит
И в поле тёмное глядит.

III

Его нежда́нным появле́ньем,
Мгнове́нной нежностью оче́й
И странным с Ольгой поведе́ньем
До глубины́ души́ своей
Она прони́кнута; не может
Никак поня́ть его; трево́жит
Её ревни́вая тоска́,
Как будто хладная рука́
Ей сердце жмёт, как будто бездна
Под ней черне́ет и шуми́т...
«Погиби́у, — Таня говори́т, —
Но гибель от него́ любе́зна,
Я не ропщу́; зачем ропта́ть?
Не может он мне счастья дать».

IV

Вперёд, вперёд, моя исто́рья!
Лицо нас новое зовёт,
В пяти верста́х от Красного́рья,

погружа́ться в думы — mõttesse vajuma
погрузи́ться *
зева́ть — haigutama
зевнуть *
томи́ть — siin: vaevama
(за)храпе́ть — norskama
фуфа́йка — tëplaя вязаная руба́шка
все объя́ты сном — kõik on unehõlmas
луч Диа́ны — луч луны́
до глубины́ души́ — südame põhjani
(с)жать — pigistama
бездна — kuristik
(за)ропта́ть (т//щ) — nurisema

[1] Там, где дни облачны и кратки, родится племя, которому не больно умирать. *Петрарка.*

Дере́вни Ленского, живёт
И здравствует ещё доны́не
В философи́ческой пусты́не
Заре́цкий, некогда буя́н,
Картёжной шайки атама́н,
Глава повёс, трибу́н тракти́рный,
Теперь же добрый и просто́й
Отец семейства холосто́й,
Надёжный друг, поме́щик мирный
И даже честный челове́к:
Так исправля́ется наш век!

VIII

Он был не глуп; и мой Евгений,
Не уважа́я сердца в нём,
Люби́л и дух его сужде́ний,
И здравый толк о том, о сём.
Он с удово́льствием, быва́ло,
Вида́лся с ним, и так нима́ло
Поутру не был удивлён,
Когда его увидел он.
Тот после первого приве́та,
Прерва́в нача́тый разгово́р,
Онегину, оскла́бя взор,
Вручи́л записку от поэта.
К окну Онегин подошёл
И про себя её прочёл.

IX

То был прия́тный, благоро́дный,
Короткий вызов иль *картель:*
Учти́во, с ясностью холодной
Звал друга Ленский на дуэль.
Онегин с первого движе́нья,
К послу́ такого поруче́нья
Оборотя́сь, без лишних слов
Сказал, что он *всегда готов.*
Заре́цкий встал без объясне́ний;
Остаться доле не хотел,
Име́я дома много дел.
И то́тчас вышел, но Евгений
Наедине́ с своей душой
Был недово́лен сам собо́й.

XII

Кипя́ враждо́й нетерпели́вой,
Отве́та до́ма ждёт поэ́т;
И вот сосе́д велереви́вый
Привёз торже́ственно отве́т.
Тепе́рь ревни́вцу то́-то пра́здник!
Он всё боя́лся, чтоб прока́зник
Не отшути́лся как-нибу́дь,
Уло́вку вы́думав и грудь
Отворотив от пистоле́та.
Тепе́рь сомне́нья решены́:
Они́ на ме́льницу должны́
Прие́хать за́втра до рассве́та,
Взвести́ друг на́ друга куро́к
И ме́тить в ля́жку иль в висо́к.

XIII

Реша́сь кокéтку ненави́деть,
Кипя́щий Ле́нский не хотéл

пусты́ня — kõrb
буя́н (забия́ка) — tülinorija, riiukukk
шайка — jõuk
атама́н — pealik
повéса (безде́льник, шалу́н) — võrukael, logard
сужде́ние (мнение) — arvamus
оскла́бить взор — улыбаться глазами
вруча́ть (передава́ть) — kätte andma, edasi andma
вручи́ть *
вызов (карте́ль) — väljakutse
посо́л — saadik
доле (долее) — дольше
вражда́ — vaen
велереви́вый — человек, который много и красиво говорит
ревни́вец — armukadetseja
уло́вка — riugas, vigur
куро́к — (püssi-)kukk
ля́жка — reis
висо́к — meelekoht

Пред поеди́нком Ольгу ви́деть.
На со́лнце, на часы́ смотре́л,
Махну́л руко́ю напосле́док —
И очути́лся у сосе́док.
Он ду́мал Оленьку смути́ть,
Свои́м прие́здом порази́ть;
Не ту́т-то бы́ло: как и пре́жде,
На встре́чу бе́дного певца́
Прыгну́ла Оленька с крыльца́,
Подо́бно ве́треной наде́жде,
Резва́, беспе́чна, весела́,
Ну то́чно та́ же, как была́.

XIV

«Заче́м вечо́р так ра́но скры́лись?» —
Был пе́рвый Оленькин вопро́с.
Все чу́вства в Ле́нском помути́лись,
И мо́лча он пове́сил нос.
Исче́зла ре́вность и доса́да
Пред э́той я́сностию взгля́да,
Пред э́той не́жной простото́й,
Пред э́той ре́звою душо́й!..
Он смо́трит в сла́дком умиле́нье;
Он ви́дит: он ещё люби́м;
Уж он, раска́яньем томи́м,
Гото́в проси́ть у ней проще́нье,
Трепе́щет, не нахо́дит слов,
Он сча́стлив, он почти́ здоро́в...

XIX

Весь вечер Ленский был рассе́ян.
То молчали́в, то весел вновь;
Но тот, кто музою взлеле́ян,
Всегда́ таков: нахму́ря бровь,
Садился он за клавико́рды
И брал на них одни акко́рды,
То к Ольге взоры устремив,
Шептал: «Не правда ль? я счастли́в?»
Но поздно; время ехать.
Сжалось
В нём сердце, полное тоско́й;
Прощаясь с девой молодой,
Оно как будто разрыва́лось.
Она глядит ему в лицо.
«Что с вами?» — «Так». — И на крыльцо.

XX

Домой прие́хав, пистоле́ты
Он осмотре́л, потом вложи́л
Опять их в ящик, и разде́тый,
При свечке, Шиллера откры́л;
Но мысль одна его объемлет;
В нём сердце грустное не дремлет;
С неизъясни́мою краcóй
Он видит Ольгу пред собой.
Владимир книгу закрыва́ет,

поеди́нок (дуэ́ль) — kahevõitlus
напосле́док (наконе́ц) — lõpuks
смуща́ть *кого? чем?* — segadusse viima
смути́ть * (т//щ)
поража́ть *кого? чем?* — rabama
порази́ть * (з//ж)
не тут-то было! — võta näpust!
резвый (живо́й, шаловли́вый) — elav, vallatu
беспе́чный (беззабо́тный) — muretu
вечо́р — вчера вечером
пове́сить нос — norutama
умиле́нье — heldimus
раска́яние — kahetsus
(за)трепета́ть (дрожа́ть) — värisema
(вз)леле́ять (бережно воспи́тывать) — hellalt kasvatama
клавико́рды (фортепья́но) — klaver
разрыва́ться — lõhkema
разорва́ться *
объе́млет — haarab
неизъясни́мый (необъясни́мый, непоня́тный) — seletamatu
краса́ — красота́

Берёт перо; его стихи́,
Полны любо́вной чепухи́,
Звуча́т и льются.

XXIII

Так он писал *темно́* и *вяло*
(Что романти́змом мы зовём,
Хоть романти́зма тут ни мало
Не вижу я; да что нам в том?)
И наконец перед зарёю,
Склоня́сь усталой головою,
На модном слове *идеа́л*
Тихонько Ленский задрема́л;
Но только сонным обая́ньем
Он позабы́лся, уж сосед
В безмо́лвный входит кабинет
И будит Ленского воззва́ньем:
«Пора встава́ть: седьмой уж час.
Онегин верно ждёт уж нас».

XXIV

Но ошиба́лся он: Евгений
Спал в это время мёртвым сном.
Уже реде́ют ночи тени
И встре́чен Веспер петухо́м;
Онегин спит себе глубо́ко.
Уж солнце катится высо́ко
И перелётная мете́ль
Блести́т и вьётся; но посте́ль
Ещё Евгений не поки́нул,
Ещё над ним летает сон.

Вот наконец проснулся он
И по́лы завеса раздви́нул;
Глядит — и видит, что пора
Давно уж ехать со двора.

XXV

Он поскоре́й звони́т. Вбега́ет
К нему́ слуга́ францу́з Гильо́,
Хала́т и ту́фли предлага́ет
И подаёт ему́ бельё.
Спеши́т Оне́гин одева́ться,
Слуге́ вели́т приготовля́ться
С ним вме́сте е́хать и с собо́й
Взять та́кже я́щик боево́й.
Гото́вы са́нки беговы́е.
Он сел, на ме́льницу лети́т.
Примча́лись. Он слуге́ вели́т
Лепа́жа ство́лы роковы́е
Нести́ за ним, а лошадя́м
Отъе́хать в по́ле к двум дубка́м.

XXVI

Опе́ршись на плоти́ну, Ле́нский
Давно́ нетерпели́во ждал;
Меж тем, меха́ник дереве́нский,
Заре́цкий жёрнов осужда́л.
Идёт Оне́гин с извине́ньем.
«Но где же, — мо́лвил с изумле́ньем
Заре́цкий, — где ваш секунда́нт?»
В дуэ́лях кла́ссик и педа́нт,
Люби́л мето́ду он из чу́вства,
И челове́ка растяну́ть

темно́ — непоня́тно
вяло — loiult
обая́нье — võlu
воззва́нье — üleskutse, kutse
Веспер — утренняя и вечерняя звезда́
(за)ви́ться — keerlema
пола́ — hõlm
завеса (занавес) — eesriie
ящик боево́й — ящик с пистоле́тами
мельница — veski
Лепа́ж — знамени́тый руже́йный мастер
роково́й — saatuslik
жёрнов — veskikivi
осужда́ть *кого? за что?* — hukka mõistma
осуди́ть *
мето́да — ме́тод, здесь: соблюде́ние всех принятых правил и форм
растяну́ть — убить

Он позволя́л — не как-нибу́дь,
Но в стро́гих пра́вилах искусства,
По всем преда́ньям старины́
(Что похвали́ть мы в нём должны́).

XXVII

«Мой секундант? — сказал Евгений: —
Вот он: мой друг, monsieur Guillot.
Я не предвижу возражений
На представление моё:
Хоть человек он неизвестный,
Но уж, конечно, малый честный».
Зарецкий губу закусил.
Онегин Ленского спросил:
«Что ж, начинать?» — «Начнём, пожалуй», —
Сказал Владимир. И пошли
За мельницу. Пока вдали
Зарецкий наш и *честный малый*
Вступили в важный договор,
Враги стоят, потупя взор.

XXX

«Теперь сходи́тесь».
Хладнокро́вно,
Ещё не целя, два врага
Похо́дкой твёрдой, тихо, ро́вно
Четыре перешли шага́,
Четыре смертные ступе́ни.
Свой пистолет тогда Евгений,
Не преставая́ наступа́ть,
Стал первый тихо подыма́ть.
Вот пять шагов ещё ступи́ли,
И Ленский, жмуря левый глаз,
Стал также целить — но как раз
Онегин выстрелил... Проби́ли
Часы уро́чные: поэт
Роня́ет, молча, пистолет.

XXXI

На грудь кладёт тихо́нько руку
И падает. Тума́нный взор
Изобража́ет смерть, не му́ку.
Так медленно по скату гор,
На солнце искрами блиста́я,
Спада́ет глыба снегова́я.
Мгнове́нным холодом обли́т,
Онегин к юноше спеши́т,
Глядит, зовёт его... напра́сно:
Его уж нет. Младо́й певец
Нашёл безвре́менный конец!
Дохну́ла буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре,
Поту́х огонь на алтаре́!..

XXXII

Недви́жим он лежа́л, и стра́нен
Был то́мный мир его́ чела́.

преда́нье (обы́чай) — tava
возраже́ние — vasturääkimine
представле́ние — esitlemine
честный малый — честный человек
догово́р — kokkulepe
потупи́ть взор (опусти́ть глаза) — pilku langetama
(при)целиться (целить) — sihtima
ступень — aste
(при)жму́рить глаз — kissitama, pilutama silma
уро́чный (определённый) — ettenähtud
тума́нный — looritatud, ähmane
му́ка — piin
скат горы́ — mäenõlvak
глыба — kamakas, pank
безвре́менный — enneaegne
дыша́ть — hingama, puhuma
дохну́ть * — (по)ту́хнуть — kustuma
мир (поко́й) — rahu
чело́ (лоб) — laup

Под грудь он был навы́лет ра́нен;
Дымя́сь, из ра́ны кровь текла́.
Тому́ наза́д одно́ мгнове́нье
В сем се́рдце би́лось вдохновенье,
Вражда́, наде́жда и любо́вь,
Игра́ла жизнь, кипе́ла кровь;
Тепе́рь, как в до́ме опусте́лом,
Всё в нём и ти́хо и темно́;
Замо́лкло навсегда́ оно́.
Закры́ты ста́вни, о́кна ме́лом
Забелены́. Хозя́йки нет.
А где, бог весть. Пропа́л и след.

XXXV

В тоске́ серде́чных угрызе́ний,
Руко́ю сти́снув пистоле́т,
Гляди́т на Ле́нского Евге́ний.
«Ну, что ж? уби́т», — реши́л сосе́д.
Уби́т!.. Сим стра́шным восклица́ньем
Сражён, Оне́гин с содрога́ньем
Отхо́дит и люде́й зовёт.
Заре́цкий бе́режно кладёт
На са́ни труп оледене́лый;
Домо́й везёт он стра́шный клад.
Почу́я мёртвого, храпя́т
И бью́тся ко́ни, пе́ной бе́лой
Стальны́е мо́чат удила́,
И полете́ли, как стрела́.

Глава седьмая.

Москва́, Росси́и дочь люби́ма,
Где ра́вную тебе́ сыска́ть?
Дмитриев

Как не люби́ть родно́й Москвы́?
Баратынский

Гоне́нье на Москву́! что зна́чит
ви́деть свет!
Где ж лу́чше?
— Где нас нет.
Грибоедов

I

Гони́мы ве́шними луча́ми,
С окре́стных гор уже́ снега́
Сбежа́ли му́тными ручья́ми
На потоплённые луга́.
Улы́бкой я́сною приро́да

Сквозь сон встреча́ет у́тро го́да;
Сине́я бле́щут небеса́.
Ещё прозра́чные, леса́
Как бу́дто пу́хом зелене́ют.
Пчела́ за да́нью полево́й
Лети́т из ке́льи восково́й.
Доли́ны со́хнут и пестре́ют;

навы́лет ранен — läbi lastud
вдохновéнье — innustus, inspiratsioon
ставни — aknaluugid
бог весть (бог знает) — jumal teab
пропáл и след — kadus jäljetult
угрызéние — südametunnistuse piinad
стúснуть (сжать) — pigistama, surutma
содрогáнье — võpatus, värin
труп — laip
клад — aare, (peidetud) varandus
удилá — suurauad
вешний — весéнний
мутный — sogane
потоплённый — üleujutatud
келья (здесь: улей) — kong (taru)

Стада́ шумя́т, и соловéй
Уж пел в безмóлвии ночéй.

VI

Меж гор, лежа́щих полукру́гом,
Пойдём туда́, где ручеёк
Вия́сь бежи́т зелёным лу́гом
К реке́ сквозь ли́повый лесóк.
Там соловéй, весны́ любóвник,
Всю ночь поёт; цветёт
шипóвник,
И слы́шен гóвор ключевóй, —
Там ви́ден ка́мень гробовóй
В тени́ двух сóсен устарéлых.
Пришéльцу на́дпись говори́т:
«Влади́мир Лéнский здесь
лежи́т,
Поги́бший ра́но сме́ртью
сме́лых,
В тако́й-то год, таки́х-то лет.
Поко́йся, ю́ноша-поэ́т!»

VII

На ве́тви сóсны преклонéнной,
Быва́ло, ра́нний ветерóк
Над э́той у́рною смирéнной
Кача́л таинственный венóк.
Быва́ло, в пóздние досу́ги
Сюда́ ходи́ли две подру́ги,
И на моги́ле при луне́,
Обня́вшись, пла́кали оне́.
Но ны́не... па́мятник уны́лый
Забы́т. К нему́ привы́чный след
Заглóх. Венка́ на ве́тви нет;
Оди́н под ним седóй и хи́лый
Пасту́х по-прежнему поёт
И óбувь бéдную плетёт.

VIII. IX. X

Мой бедный Ленский! изнывáя,
Не долго плакала она.
Увы! невеста молодая
Своей печа́ли не верна.
Другой увлёк её внима́нье,
Другой успел её страда́нье
Любóвной лестью усыпи́ть,
Улан умел её плени́ть,
Улан люби́м её душою...
И вот уж с ним пред алтарём
Она стыдли́ва под венцóм
Стоит с пони́кшей головóю,
С огнём в поту́пленных очáх,
С улыбкой лёгкой на устах.

XII

И скоро звонкий голос Оли
В семействе Лариных умóлк.
Улан, своей невóльник дóли,

безмóлвие (тишина́) — vaikus
виться — keerlema
ли́повый — pärna-
любóвник — armuke
шипóвник — kibuvits
ключевóй (говор) — läte (kohin), oja (vulin)
гробовóй — haua-
поко́йся — puhka, uinu
урна — urn
смире́нный (скромный) — tagasihoidlik
досу́г (свобóдное от работы время) — jõudeaeg
уны́лый (грустный, тоскли́вый) — kurb
(за)глóхнуть (след) — kinni kasvama
хилый (слабый, больной) — kidur
(с)плести́ — punuma
изнывáть (грусти́ть, томи́ться) — nukrutsema
увлекáть — kaasa kiskuma, veetlema
увлéчь *
лесть — meelitus
улáн — офицéр одного из видов кавалери́йских войск
пленя́ть — vangistama
плени́ть *
алтáрь (м. р.) — altar
потупить (очи, взгляд) — langetama
устá (губы) — huuled
невóльник — vang

Был должен ехать с нею в полк.
Слезáми горько обливáясь,
Старушка, с дочерью прощáясь,
Казалось, чуть жива была,
Но Таня плакать не могла;
Лишь смертной бледностью покры́лось
Её печальное лицо.
Когда все вышли на крыльцó,
И всё, прощаясь, суети́лось
Вокруг кареты молоды́х,
Татьяна проводи́ла их.

XIII

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядела им вослед...
И вот одна, одна Татьяна!

XV

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струи́лись тихо. Жук жужжал.
Уж расходи́лись хорово́ды;
Уж за рекой, дымя́сь, пыла́л
Огонь рыба́чий. В поле чистом,
Луны при свете серебри́стом,
В свои мечты погружена́,
Татьяна долго шла одна́.
Шла, шла. И вдруг перед собо́ю
С холма госпо́дский видит дом,
Селе́нье, рощу под холмо́м
И сад над светлою реко́ю.
Она глядит — и сердце в ней
Забилось чаще и сильне́й.

XVI

Её сомне́ния смуща́ют:
«Пойду ль вперёд, пойду ль назад?..
Его здесь нет. Меня не знают...
Взгляну́ на дом, на этот сад».
И вот с холма Татьяна сходит,
Едва дыша; кругом обво́дит
Недоуме́нья полный взор...
И входит на пусты́нный двор.
К ней, лая, кинулись собаки.
На крик испу́ганный её
Ребят дворо́вая семья́
Сбежа́лась шумно. Но без драки
Мальчишки разогна́ли псов,
Взяв барышню под свой покро́в.

XVII

«Уви́деть ба́рский дом нельзя́ ли?» —
Спроси́ла Та́ня. Поскоре́й
К Ани́сье де́ти побежа́ли
У ней ключи́ взять от сене́й;
Ани́сья то́тчас к ней яви́лась,
И дверь пред ни́ми отвори́лась,
И Та́ня вхо́дит в дом пусто́й,
Где жил неда́вно наш геро́й.
Она́ глядит: забы́тый в за́ле
Кий на бильярде отдыха́л,
На смя́том канапе́ лежа́л
Мане́жный хлы́стик. Та́ня да́ле;
Стару́шка ей: «А вот ками́н;
Здесь ба́рин си́живал оди́н.

горько обливáться слезáми — kibedasti nutma
меркнуть (темнеть, гаснуть) — kustuma
(за)струи́ться — voolama
холм — küngas
сомне́нье — kahtlus
недоуме́нье — arusaamatus
драка — riid, kaklus
пёс, псы (соба́ка) — koer (peni), koerad
покро́в (защи́та) — kaitse
ба́рский дом — härrastemaja
сени (коридо́р, пере́дняя) — esik, koridor
кий — piljardikepp
канапе́ — диван
мане́жный хлыстик — ratsapiits

XVIII

Здесь с ним обе́дывал зимо́ю
Поко́йный Ле́нский, наш сосе́д.
Сюда́ пожа́луйте, за мно́ю.
Вот э́то ба́рский кабине́т;
Здесь почива́л он, ко́фей ку́шал,
Прика́зчика докла́ды слу́шал
И кни́жку поутру́ чита́л...
И ста́рый ба́рин здесь жива́л;
Со мной, быва́ло, в воскресе́нье,
Здесь под окно́м, наде́в очки́,
Игра́ть изво́лил в дурачки́.
Дай бог душе́ его́ спасе́нье,
А ко́сточкам его́ поко́й
В моги́ле, в мать-земле́ сыро́й!»

XIX

Татьяна взором умиле́нным
Вокруг себя на всё гляди́т,
И всё ей кажется бесце́нным,
Всё душу томную живи́т
Полумучи́тельной отра́дой:
И стол с поме́ркшею лампа́дой,
И груда книг, и под окно́м
Кровать, покры́тая ковро́м,
И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот бледный полусве́т,
И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугу́нной
Под шляпой, с пасмурным челом,
С рука́ми, сжатыми крестом.

XX

Татьяна долго в келье модной
Как очаро́вана стоит.
Но поздно. Ветер встал холо́дный.
Темно́ в долине. Роща спит
Над отума́ненной рекою;
Луна сокры́лась за горою,
И пилигри́мке молодой
Пора́, давно пора домой.
И Таня, скрыв своё волне́нье,
Не без того, чтоб не вздохну́ть,
Пуска́ется в обратный путь.
Но прежде просит позволе́нья
Пусты́нный за́мок навеща́ть,
Чтоб книжки здесь одной читать.

XXI

Татьяна с ключницей простилась
За воротами́. Через день
Уж утром рано вновь яви́лась
Она в оста́вленную сень.
И в молчали́вом кабинете,
Забыв на время всё на свете,
Осталась наконец одна,
И долго плакала она.
Потом за книги принялася.
Сперва ей было не до них,
Но показа́лся выбор их
Ей странен. Чтенью предала́ся
Татьяна жадною душой;
И ей открылся мир иной.

XXIII

Храни́ли многие страни́цы
Отме́тку резкую ногте́й;
Глаза внима́тельной деви́цы
Устремлены́ на них живей.
Татьяна видит с трепета́ньем,

поко́йный (умерший) — kadunud
почива́ть (отдыха́ть) — puhkama
прика́зчик — kubjas
умилённый — heldinud
поме́ркшая лампа́да (пога́сшая лампа) — kustunud lamp
сумрак (тьма, темнота́) — pimedus
чугунный — malmist
па́смурный (угрю́мый) — morn
келья (комната) — kong
пилигри́мка (странница, путеше́ственница) — rändaja
навеща́ть — külastama
навести́ть * — külastama
ключница — võtmekandja
сень — varjupaik
отме́тка — märk
ноготь, ногти — küüs, küüned

Какою мыслью, замечáньем
Бывал Онегин поражён,
В чём молча соглашáлся он.
На их полях она встречáет
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невóльно выражáет,
То кратким словом, то крестóм,
То вопросительным крючкóм.

XXV

Ужель загáдку разрешúла?
Ужели *слово* найдено?
Часы бегут; онá забыла,
Что дома ждут её давно,
Где собралúся два соседа
И где об ней идёт беседа.
«Как быть? Татьяна не дитя́, —
Старушка молвила кряхтя́. —
Ведь Оленька её моло́же.
Пристро́ить девушку, ей-ей,
Пора; а что мне делать с ней?
Всем наотре́з одно и то же:
Нейду. И всё грустúт она,
Да бродит по лесам одна». —

XXVI

«Не влюблена ль она?» —
«В кого́ же?
Буянов сватался: отказ.
Ивану Петушкову — тоже.
Гусар Пыхтин гостúл у нас;
Уж как он Танею прельща́лся,
Как мелким бесом рассыпа́лся!
Я думала: пойдёт авось;
Куда! и снова дело врозь. —
«Что ж, матушка? за чём же
стало?
В Москву́, на я́рманку невéст!
Там, слышно, мно́го пра́здных
мест». —
«Ох, мой отéц! дохо́ду ма́ло». —
«Дово́льно для одно́й зимы́,
Не то уж дам хоть я взаймы́».

XXVII

Старушка очень полюби́ла
Совет разу́мный и благо́й;
Сочла́сь — и тут же положúла
В Москву отпра́виться зимо́й —
И Таня слышит новость эту.
На суд взыска́тельному свету
Предста́вить ясные черты́
Провинциа́льной простоты́,
И запозда́лые наря́ды,
И запозда́лый склад речéй;
Московских франтов и цирцéй
Привлéчь насмéшливые
взгля́ды!..
О страх! нет, лучше и верне́й
В глуши лесóв оста́ться ей.

поля́ — (raamatu-, vihu-) ääг
вопроси́тельный крючóк — вопроси́тельный знак
(за)кряхте́ть — ähkima, puhkima
пристро́ить девушку — здесь: выдать замуж
ей-ей — честное слово
наотре́з — järsult, kategooriliselt
(по)сва́таться — kosjas käima
рассыпа́ться мелким бесом — libitsema
ярмарка (ярманка) — laat
дохóд — sissetulek
давать (дать) взаймы́ — võlgu andma
благóй — heatahtlik
счита́ть — arvutama; kokku, üle loendama
счесть *
положúла — здесь: решила
взыска́тельный (требовательный) — paljunõudlik
запозда́лые наря́ды — туале́ты, которые вышли из моды
склад речéй — привы́чка, мане́ра говорить
Цирцéя — героúня поэмы Гомера «Одиссéя», волшéбница, которая околдóвывала путешéственников
привлека́ть — juurde meelitama
привлéчь *

XXVIII

Встава́я с первыми луча́ми,
Теперь она в поля́ спеши́т
И, умиле́нными оча́ми
Их озира́я, говорит:
«Прости́те, мирные доли́ны,
И вы, знако́мых гор верши́ны,
И вы, знако́мые леса́!
Прости́, небе́сная краса́,
Прости, весёлая приро́да!
Меня́ю ми́лый, тихий свет
На шум блиста́тельных суе́т! . .
Прости́ ж и ты, моя свобода!
Куда, зачем стремлю́ся я?
Что мне сули́т судьба́ моя?» —

XXIX

Её прогулки длятся доле.
Теперь то холмик, то ручей
Остановляют поневоле
Татьяну прелестью своей.
Она, как с давними друзьями,
С своими рощами, лугами
Ещё беседовать спешит.
Но лето быстрое летит.
Настала осень золотая.
Приро́да тре́петна, бледна́,
Как же́ртва пы́шно убрана́. . .
Вот се́вер, ту́чи нагоня́я,
Дохну́л, завы́л — и вот сама́
Идёт волше́бница зима́.

XXX

Пришла́, рассы́палась; клока́ми
Пови́сла на сука́х дубо́в;
Легла́ волни́стыми ковра́ми
Среди́ поле́й, вокру́г холмо́в;
Брега́ с недви́жною реко́ю
Сровня́ла пу́хлой пелено́ю;
Блеснул мороз. И рады мы
Прока́зам матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдёт она зиму встреча́ть,
Моро́зной пылью подыша́ть
И первым снегом с кровли бани
Умыть лицо, плеча́ и грудь:
Татьяне страшен зимний путь.

XXXI

Отъе́зда день давно́ просро́чен,
Прохо́дит и после́дний срок.
Осмо́трен, вновь оби́т, упро́чен
Забве́нью бро́шенный возо́к.
Обо́з обы́чный, три киби́тки
Везу́т дома́шние пожи́тки,
Кастрю́льки, сту́лья, сундуки́,
Варе́нье в ба́нках, тюфяки́,

суета́ — askeldus
(по)сули́ть (обеща́ть) — lubama
глушь — место, отдалённое от культурного центра
(про)дли́ться (продолжа́ться) — kestma
жертва — ohver
убра́ть (наряди́ть) — ehtima
нагоня́ть тучи — pilvi kokku ajama
волше́бница — võlur
рассы́паться — laiali pudenema
клок — (lume)tort
сук — jäme oks
волни́стый — laineline
брег — берег
сра́внивать — ühetasaseks tegema
сравня́ть * *чем? с чем?*
пухлый (пушистый) — kobe, kerge
пелена́ — kate
прока́зы (шалости) — vallatused
плечо́, плечи (плеча́) — õlg, õlad
просра́чивать — tähtaega mööda laskma
просрочи́ть *
срок — tähtpäev
обива́ть *чем?* — üle tõmbama
оби́ть *
забве́нье — unustus
возо́к — tõldsaan
киби́тка — talvine kaetud sõidutõld
пожи́тки — koli, kimpsud-kompsud
сунду́к — kirst
тюфяк (матрац) — madrats, voodikott

Перúны, клéтки с петухáми,
Горшкú, тазы et ceterá,
Ну, много всякого добра́.
И вот в избе между слугáми
Поднялся шум, прощáльный плач:
Веду́т на двор осьмнáдцать кляч,

XXXII

В возóк боя́рский их впряга́ют,
Готовят завтрак повара́,
Горóй кибитки нагружа́ют,
Бранятся бабы, кучера́.
На кляче тощей и космáтой
Сидит форе́йтор бородáтый.
Сбежáлась челядь у воро́т
Прощаться с барами. И вот
Уселись, и возóк почтéнный,
Скользя, ползёт за воротá.
«Прости́те, мирные местá!
Прости, прию́т уединéнный!
Увижу ль вас? . .» И слёз ручéй
У Тани льётся из очей.

XXXVII

К несчáстью, Лáрина тащúлась,
Боя́сь прогóнов дорогúх,
Не на почтóвых, на своúх,
И нáша дéва насладúлась
Дорóжной скýкою вполнé:
Семь сýток éхали онé.

XXXVI

Но вот уж блúзко. Перед нúми
Уж белокáменной Москвы́,
Как жар, крестáми золоты́ми
Горя́т старúнные главы́.
Ах, брáтцы! как я был довóлен,
Когдá церквéй и колоко́лен,
Садóв, чертóгов полукру́г
Откры́лся предо мнóю вдруг!
Как чáсто в гóрестной разлу́ке,
В моéй блуждáющей судьбé,
Москвá, я дýмал о тебé!
Москвá. . . как мнóго в э́том звýке
Для сéрдца рýсского слилóсь!
Как мнóго в нём отозвалóсь!

XXXVIII

. . . . . .

Пошёл! Ужé столпы́ застáвы
Белéют; вот уж по Тверскóй
Возóк несётся чрез ухáбы.
Мелькáют мúмо бýдки, бáбы,
Мальчúшки, лáвки, фонарú,
Дворцы́, сады́, монастырú,
Бухáрцы, сáни, огорóды,

перúна — sulgkott
таз — silmapesukauss
et ceterá — и так далее
кляча — hobusekronu
боя́рский (здесь: барский, поме́щичий) — härraste
брани́ться (руга́ться) — sõimlema
тощий (худо́й) — kõhn
космáтый (лохмáтый, взъеро́шенный) — pulstunud karvaga
форе́йтор — слуга, который управля́л цугом лошаде́й и сиде́л на одной из пере́дних лошаде́й
че́лядь — здесь: крепостны́е слу́ги
баре (господа́) — härrased
прогóны — плата за пользование почтóвыми лошадьмú
наслажда́ться *чем?* — nautima, mõnu tundma
насладúться * (д//ж)
крест — rist
главá — kirikutorn
чертóг (дворе́ц) — loss
слива́ться *с чем?* — ühte sulama слúться *
отзыва́ться — arvamust avaldama отозва́ться *
столпы́ — sammas, tulp
застáва — linnavärav
ухáбы — auk, lohk (talveteel)
бухáрцы — купцы́ из Бухары́

Купцы́, лачу́жки, мужики́,
Бульва́ры, ба́шни, казаки́,
Апте́ки, магази́ны мо́ды,
Балко́ны, львы на воротáх
И ста́и га́лок на крестáх.

XXXIX. XL

В сей утомительной прогу́лке
Прохо́дит час-друго́й, и вот
У Харито́нья в переу́лке
Возо́к пред до́мом у воро́т
Останови́лся. К ста́рой тётке,
Четвёртый год больно́й в чахо́тке,
Они́ прие́хали тепе́рь.
Им на́стежь отворя́ет дверь,
В очка́х, в изо́рванном кафта́не,
С чулко́м в руке́, седо́й калмы́к.
Встреча́ет их в гости́ной крик
Княжны́, простёртой на дива́не.
Стару́шки с пла́чем обняли́сь,
И восклица́нья полили́сь.

XLI

«Княжна́, mon ange!» —
«Pachette!» — «Али́на!» —
«Кто б мог поду́мать?» — «Как давно́!» —
«Надо́лго ль?» — «Ми́лая! Кузи́на!» —
«Сади́сь — как э́то мудрено́!
Ей-богу сцена из романа...» —
«А это дочь моя, Татьяна». —
«Ах, Таня! подойди ко мне —
Как будто брежу я во сне...
Кузина, помнишь Грандисона?» —
«Как, Грандисон? .. а, Грандисон!
Да, помню, помню. Где же он?» —
«В Москве, живёт у Симео́на;
Меня в сочéльник навести́л:
Неда́вно сына он жени́л.

XLII

А вот... но после всё расска́жем,
Не правда ль? Всей её родне
Мы Таню завтра же пока́жем.
Жаль, разъезжа́ть нет мочи мне;
Едва, едва таска́ю ноги.
Но вы заму́чены с дороги;
Пойдёмте вместе отдохнуть...
Ох, силы нет... устала грудь...
Мне тяжела́ теперь и радость,
Не только грусть... душа моя,
Уж никуда не годна я...
Под старость жизнь такая гадость...» —
И тут, совсем утомлена́,
В слезах раска́шлялась она.

XLIII

Больно́й и ласки и весе́лье
Татьяну трогают; но ей
Не хорошо́ на новосе́лье,
Привы́кшей к горнице своей.
Под занаве́скою шелко́вой

лачу́жки — onnikesed
стая — parv
галка — hakk
чахо́тка — туберкулёз
простёртый — лежа́щий
княжна́ — vürstitar
mon ange (мон анж) — minu ingel
как это мудрено́ — как это сложно
бре́дить (д//ж) — sonima
Грандисо́н — добродéтельный герой романа «Грандисо́н» английского писателя Ричардсона (1689—1761)
сочéльник — jõululaupäev
родня́ (родственники) — sugulased
нет мочи (не могу, нет сил) — pole jõudu
гадость — jälkus, inetus
новосéлье — uus elukoht
горница — комната

Не спится ей в постели новой,
И ранний звон колоколо́в,
Предте́ча утренних трудо́в,
Её с постели подыма́ет.
Сади́тся Та́ня у окна́.
Реде́ет су́мрак; но она́
Свои́х поле́й не различа́ет:
Пред не́ю незнако́мый двор,
Конюшня, ку́хня и забо́р.

XLIV

И вот: по ро́дственным обе́дам
Разво́зят Та́ню ка́ждый день
Предста́вить ба́бушкам и де́дам
Её рассе́янную лень.
Родне́, прибы́вшей издале́ча,
Повсю́ду ла́сковая встре́ча,
И восклица́нья, и хлеб-со́ль.
«Как Та́ня вы́росла! Давно́ ль
Я, ка́жется, тебя́ крести́ла?
А я так на́ руки брала́!
А я так за́ уши драла́!
А я так пря́ником корми́ла!»
И хо́ром ба́бушки твердя́т:
«Как на́ши го́ды-то летя́т!»

XLVI

Их дочки Таню обнима́ют.
Младые грации Москвы
Сначала молча озира́ют
Татьяну с ног до головы́;
Её находят что-то странной,
Провинциа́льной и жема́нной,
И что-то бледной и худо́й,
А впрочем, очень недурно́й;
Потом, поко́рствуя приро́де,
Дружа́тся с ней, к себе веду́т,
Целу́ют, нежно руки жмут,
Взбива́ют кудри ей по моде,
И поверя́ют нарасте́в
Серде́чны тайны, тайны дев.

XLVIII

Татья́на вслу́шаться жела́ет
В бесе́ды, в о́бщий разгово́р;
Но всех в гости́ной занима́ет
Тако́й бессвя́зный, по́шлый вздор;
Всё в них так бле́дно, равноду́шно;
Они́ клеве́щут да́же ску́чно;
В бесплодной су́хости речей,
Расспро́сов, спле́тен и вестей
Не вспы́хнет мы́сли в це́лы су́тки,
Хоть невзнача́й, хоть наобу́м;
Не улыбнётся то́мный ум,
Не дро́гнет се́рдце, хоть для шу́тки.
И да́же глу́пости смешно́й
В тебе́ не встре́тишь, свет пусто́й.

LI

Её приво́зят и в Собра́нье.
Там теснота́, волне́нье, жар,
Музы́ки гро́хот, свеч блиста́нье,

предте́ча (предвестник) — eelkäija
(по)реде́ть — hõredamaks muutuma
драть за уши — kõrvust kiskuma, rebima
младо́й — молодой
озира́ть (разгля́дывать) — vaatlema
поко́рствовать (покоря́ться) — alistama
нарасте́в — laulva hääle ga
дева — девушка
пошлый — labane
(о)клевета́ть (т//щ) — laimama
сухость — kuivus
вспыхивать — lõkkele lööma
вспыхнуть *
невзнача́й (нечаянно) — kogemata
томный — бледный
пусто́й свет — tühine (kõrgem) seltskond
теснота́ — kitsus, ruumipuudus
грохот — mürin
блиста́нье (блеск) — sära

Мелька́нье, ви́хорь бы́стрых пар,
Краса́виц лёгкие убо́ры,
Людьми́ пестре́ющие хо́ры,
Невест обши́рный полукру́г —
Всё чу́вства пораже́т вдруг.
Здесь ка́жут фра́нты записны́е
Своё наха́льство, свой жиле́т
И невнима́тельный лорне́т.
Сюда́ гуса́ры отпускны́е
Спеша́т яви́ться, прогреме́ть,
Блесну́ть, плени́ть и улете́ть.

LIII

Шум, хо́хот, беготня́, покло́ны,
Гало́п, мазу́рка, вальс... Меж тем,
Ме́жду двух тёток, у колонны,
Не замеча́ема никем,
Татья́на смо́трит и не ви́дит,
Волне́нье све́та ненави́дит;
Ей ду́шно здесь... она́ мечто́й
Стреми́тся к жи́зни полево́й,
В дере́вню, к бе́дным поселя́нам,
В уединённый уголо́к,
Где льётся све́тлый ручеёк,
К свои́м цвета́м, к свои́м рома́нам
И в су́мрак ли́повых алле́й,
Туда́, где *он* явля́лся ей.

LIV

Так мысль её дале́че бро́дит:
Забы́т и свет и шу́мный бал,
А глаз меж тем с неё не сво́дит
Како́й-то ва́жный генера́л.
Друг дру́гу тётушки мигну́ли,
И ло́ктем Та́ню враз толкну́ли,
И ка́ждая шепну́ла ей:
«Взгляни́ нале́во поскоре́й». —
«Нале́во? где? что там такóе?» —
«Ну, что бы ни́ было, гляди́...
В той ку́чке, ви́дишь? впереди́,
Там, где ещё в му́ндирах двóе...
Вот отошёл... вот бóком стал...» —
«Кто? то́лстый э́тот генера́л?»

Глава восьмая.

Fare thee well, and if for ever,
Still for ever, fare thee well.

Byron.[1]

I

Оне́гин (вновь займу́ся им),
Уби́в на поеди́нке дру́га,
Дожи́в без це́ли, без трудо́в
До двадцати́ шести́ годо́в,
Томя́сь в безде́йствии досу́га
Без слу́жбы, без жены́, без дел,
Ниче́м заня́ться не уме́л.

мелька́нье — vilkumine
уборы (наря́ды, туале́ты) — kleidid, tualetid
хор (балко́н) — rõdu
кажут — пока́зывают
наха́льство — jultumus
жиле́т — vest
пленя́ть *кого? чем?* — võluma ära
плени́ть *
стреми́ться *к чему?* — püüdlema
поселя́нин — крестья́нин
не своди́ть глаз — üksisilmi vaatama
мига́ть — silmi pilgutama
мигну́ть *
локоть — küünarnukk
враз — в одно и то же время
томи́ться — vaevlema
безде́йствие — jõudeolek

[1] «Прощай! и е́сли мы расстаёмся навсегда́, то проща́й навсегда́». *Байрон.*

Им овладе́ло беспоко́йство,
Охо́та к переме́не мест
(Весьма́ мучи́тельное сво́йство,
Немно́гих доброво́льный крест).
Оста́вил он своё селе́нье,
Лесо́в и нив уедине́нье,
Где окрова́вленная тень
Ему́ явля́лась ка́ждый день,
И на́чал стра́нствия без це́ли,
Досту́пный чу́вству одному́;
И путеше́ствия ему́,
Как всё на све́те, надое́ли;
Он возврати́лся и попа́л,
Как Ча́цкий, с корабля́ на бал.

XIV

Но вот толпа́ заколеба́лась,
По за́ле шёпот пробежа́л...
К хозя́йке да́ма приближа́лась,
За не́ю ва́жный генера́л.
Она́ была́ не тороплива,
Не холодна́, не говорли́ва,
Без взо́ра на́глого для всех,
Без притяза́ний на успе́х,
Без э́тих ма́леньких ужи́мок,
Без подража́тельных зате́й...
Всё ти́хо, про́сто бы́ло в ней.
Она́ каза́лась ве́рный сни́мок
Du comme il faut... Шишков,
прости:
Не знаю, как перевести́.

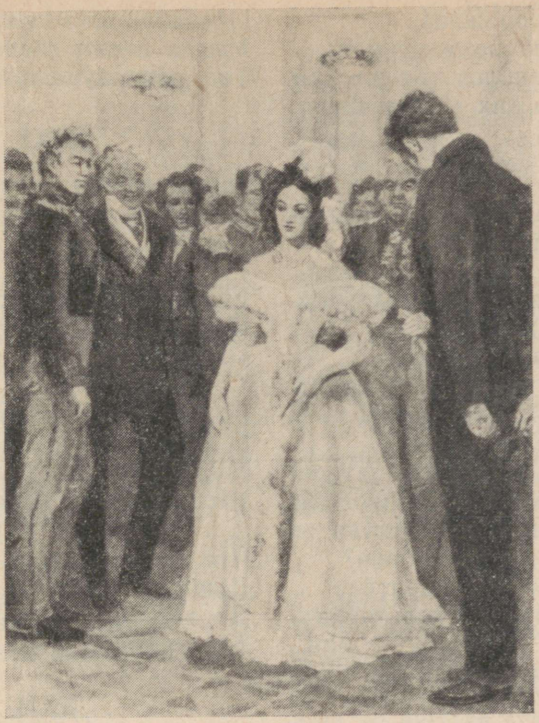
XV

К ней дамы подвига́лись
ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялися ниже,
Ловили взор её очей;
Девицы проходили тише
Пред ней по зале: и всех выше
И нос и плечи подыма́л
Вошёдший с нею генерал.
Никто б не мог её прекра́сной
Назвать: но с головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовла́ст-
ной
В высоком лондонском кругу
Зовётся vulgar. (Не могу...

XVI

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести́;
Оно у нас пока́мест ново,
И вряд ли быть ему в чести́.
Оно б годилось в эпиграмме...)
Но обраща́юсь к нашей даме.
Беспе́чной прелестью мила,
Она сидела у стола
С блестящей Ниной
Воронско́ю,
Сей Клеопа́трою Невы:
И верно б согласи́лись вы,
Что Нина мраморной краcóю
Затми́ть соседку не могла,
Хоть ослепи́тельна была.

мучи́тельный — piinarikas
доброво́льный — vabatahtlik
(за)колеба́ться (зашевелиться) — kõikuma, liikuma
говорли́вый — jutukas
на́глый — jultunud
притяза́ние (желание) — pretensioon, nõudlus
ужи́мка — grimass
du comme il faut (дю ком иль фо) — как надо, образец хорошего вкуса
Шишко́в (1754—1841) — адмирал и литератор, враг употребле́ния иностранных слов
самовла́стный — isevalitsuslik
vulgar (вульга́рный, грубый) — labane, jäme
пока́мест — пока
беспе́чный (беззаботный) — muretu
затмева́ть *кого? чем?* — varju jätma, ületama
затми́ть *
ослепи́тельный — pimestav

XVII

«Ужели, — думает Евгений, —
Ужель она? Но точно... Нет...
Как! из глуши степны́х
селе́ний...»
И неотвя́зчивый лорне́т
Он обраща́ет помину́тно
На ту, чей вид напо́мнил
смутно
Ему забы́тые черты́.
«Скажи мне, князь, не знаешь
ты,
Кто там в мали́новом бере́те
С послом испа́нским говорит?»
Князь на Онегина глядит:
«Ага! давно ж ты не был в
свете.
Посто́й, тебя предста́влю я». —
«Да кто ж она?» — «Жена
моя». —

XVIII

«Так ты жена́т! не знал я ра́не!
Давно́ ли?» — «Около двух
лет». —
«На ком?» — «На Ла́риной». —
«Татья́не!» —
«Ты ей знако́м?» — «Я им
сосе́д». —
«О, так пойдём же». Князь
подхо́дит
К свое́й жене́ и ей подво́дит
Родню́ и дру́га своего́.
Княги́ня смо́трит на него́...
И что ей ду́шу ни смути́ло,
Как си́льно ни была́ она́

уже́ли — неужели
неотвя́зчивый — pealetükkiv
мали́новый — vabarnavärviline
посо́л — saadik

Удивлена́, поражена́,
Но ей ничто́ не измени́ло:
В ней сохрани́лся тот же тон,
Был так же тих её покло́н.

XIX

Ей-е́й! не то чтоб содрогну́лась
Иль ста́ла вдруг бледна́, красна́...
У ней и бровь не шевельну́лась;
Не сжа́ла да́же губ она́.
Хоть он гляде́л нельзя́ прилёжней,
Но и следо́в Татья́ны пре́жней
Не мог Оне́гин обрести́.
С ней речь хоте́л он завести́
И — и не мог. Она́ спроси́ла,
Давно́ ль он здесь, отку́да он
И не из их ли уж сторо́н?
Пото́м к супру́гу обрати́ла
Уста́лый взгляд; скользну́ла вон...
И недвижи́м оста́лся он.

XX

Ужель та самая Татьяна,
Которой он наедине́,
В начале нашего романа,
В глухо́й, далёкой стороне́,
В благо́м пылу нравоуче́нья,
Читал когда-то наставле́нья;
Та, от которой он храни́т
Письмо, где сердце говори́т,
Где всё нару́же, всё на воле,
Та девочка... иль это сон?..
Та девочка, которой он
Пренебрега́л в смиренной доле,
Ужели с ним сейчас была
Так равноду́шна, так смела?

XXI

Он оставля́ет раут тесный,
Домой заду́мчив едет он;
Мечто́й то грустной, то прелёстной
Его встрево́жен поздний сон,
Просну́лся он; ему прино́сят
Письмо: князь N поко́рно просит
Его на вечер. «Боже! к ней!..
О буду, буду!» и скорей
Мара́ет он ответ учти́вый.
Что с ним? в каком он странном сне?
Что шевельну́лось в глубине
Души холо́дной и лени́вой?
Досада? су́етность? иль вновь
Забо́та ю́ности — любо́вь?

XXII

Оне́гин вновь часы́ счита́ет,
Вновь не дождётся дню конца́,
Но де́сять бьёт; он выезжа́ет,
Он полете́л, он у крыльца́,
Он с тре́петом к княги́не вхо́дит;
Татья́ну он одну́ наха́дит,
И вме́сте не́сколько мину́т
Они́ сидя́т. Слова́ нейду́т
Из уст Оне́гина. Угрю́мый,
Нело́вкий, он едва́-едва́
Ей отвеча́ет. Голова́

поража́ть *кого? чем?* — rabama
порази́ть *
содрогну́ться (вздро́гнуть) — võpatama
бровь (ж. р.) — kulm
обрести́ — найти
наедине́ — üksi olles
нравоуче́нье — kõlblusõpetus, moraal
наставле́ние — manitsus, õpetus
пренебрега́ть *кем? чем?* — hülgama
пренебре́чь *
рау́т — званый вечер без танцев
(на)мара́ть (напа́чкать) — määrima
учти́вый (вежливый) — viisakas
доса́да — pahameel
су́етность — edevus
трепет (волне́ние) — värin

Его́ полна́ упря́мой ду́мой.
Упря́мо смо́трит он: она́
Сиди́т поко́йна и вольна́.

XXIII

Прихо́дит муж. Он прерыва́ет
Сей неприя́тный tête-à-tête,
С Оне́гиным он вспомина́ет
Прока́зы, шу́тки пре́жних лет.
Они́ смею́тся. Вхо́дят го́сти.
Вот кру́пной со́лью све́тской
зло́сти
Стал оживля́ться разгово́р;
Перед хозя́йкой лёгкий вздор
Сверка́л без глу́пого жема́нства,
И прерыва́л его́ меж тем
Разу́мный толк без по́шлых
тем,
Без ве́чных и́стин, без
педа́нтства
И не пуга́л ничьи́х ушей
Свобо́дной жи́востью свое́й.

XXVII

Но мой Оне́гин ве́чер це́лый
Татья́ной за́нят был одно́й,
Не э́той де́вочкой несме́лой,
Влюблённой, бе́дной и просто́й,
Но равноду́шною княги́ней,
Но непристу́пною боги́ней
Роско́шной, ца́рственной Невы́.

XXVIII

Как измени́лася Татья́на!
Как твёрдо в роль свою́ вошла́!
Как утесни́тельного са́на
Приёмы ско́ро приняла́!
Кто б смел иска́ть девчо́нки
не́жной
В сей велича́вой, в сей
небре́жной
Законода́тельнице зал?
И он ей се́рдце волнова́л!
Об нём она́ во мра́ке но́чи,
Пока́ Морфе́й не прилети́т,
Быва́ло, де́вственно грусти́т,
К луне́ подъе́млет то́мны о́чи,
Мечта́я с ним когда́-нибудь
Свершить смире́нный жи́зни
путь!

XXX

Сомне́нья нет: увы! Евгений
В Татьяну, как дитя, влюблён;
В тоске любовных помышле́ний
И день и ночь проводит он.
Ума не внемля строгим пеням,
К её крыльцу, стекля́нным
сеням
Он подъезжа́ет каждый день;
За ней он гонится, как тень;
Он счастлив, если ей наки́нет
Боа пуши́стый на плечо,
Или коснётся горячо́
Её руки, или раздви́нет

---

tête-à-tête (тэт-а-тэт) — разговор наедине́
прока́зы (шалости) — vallatused
вздор — mõttetus
жема́нство — peenutsemine
непристу́пный — ligipääsematu
боги́ня — jumalanna
утесни́тельный (трудный, стесняющий) — kitsendav, segav
сан — seisus
велича́вый — suursugune
небре́жный — hooletu
законода́тельница — tooniandja
Морфе́й — бог сна в древнегреческой мифологии
подъе́млет — поднимет
смире́нный (скромный) — tagasihoidlik
сомне́нье — kahtlus
дитя́ — ребёнок
помышле́ние (размышление) — mõtiskelu
не внемля — не слушая
пени (жалобы, укор) — etteheide, kaebus

Пред нею пёстрый полк ливре́й,
Или плато́к подымет ей.

XXXI

Она его не замеча́ет,
Как он ни бейся, хоть умри́.
Свободно дома принима́ет,
В гостях с ним молвит слова три,
Порой одним покло́ном встретит,
Поро́ю вовсе не заме́тит:
Кокéтства в ней ни капли нет —
Его не терпит высший свет.
Бледне́ть Онегин начина́ет:
Ей иль не видно, иль не жаль;
Онегин сохнет, и едва ль,
Уж не чахо́ткою страда́ет.
Все шлют Онегина к врача́м,
Те хором шлют его к вода́м.

XXXII

А он не едет; он зара́не
Писать ко прадедам готов
О скорой встрече, а Татьяне
И дела нет (их пол таков);
А он упрям, отста́ть не хочет,
Ещё надеется, хлопо́чет;
Смеле́й здорового, больно́й
Княгине слабою руко́й
Он пишет страстное посла́нье,
Хоть толку мало вообще́
Он в письмах видел не вотще.
Но, знать, сердечное страда́нье
Уже пришло́ ему не в мочь.
Вот вам письмо его точь-в-точь.

Письмо Онегина к Татьяне.

Предви́жу всё; вас оскорби́т
Печальной тайны объясне́нье.
Какое горькое презре́нье
Ваш гордый взгляд изобрази́т!
Чего хочу? с какою целью
Открою душу вам свою?
Какому злобному веселью,
Быть может, повод подаю!
Случайно вас когда-то встретя́,
В вас искру нежности заме́тя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;
Свою посты́лую свободу
Я потеря́ть не захотел.
Ещё одно нас разлучи́ло...
Несчастной жертвой Ленский пал...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторва́л;
Чужой для всех, ничем не связан,
Я думал: вольность и покой
Заме́на счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как нака́зан!
Нет, помину́тно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движе́нье глаз
Ловить влюблёнными глазами,
Внима́ть вам долго, понима́ть
Душой всё ваше соверше́нство,

ливре́я — teenriülikond, siin: teenijaskond
как ни бе́йся (как ни старайся) — kuidas ka ei püüaks
во́ды — tervisveed
прадеды — esivanemad
пол — sugu
страстный — kirglik
посла́нье (письмо) — läkitus, kiri
вотще́ — напрасно
не в мочь (не под силу) — üle jõu käiv
предви́деть — ette nägema
оскорбля́ть *кого? чем?* — solvama
оскорби́ть *
повод — põhjus, ajend
посты́лый — vastumeelne, tüütav
заме́на — asendamine
внима́ть (слушать) — kuulama
соверше́нство — täiuslikkus

Пред вами в муках замира́ть,
Бледнеть и гаснуть... вот
блаже́нство!
И я лишён того: для вас
Тащу́сь повсю́ду неуда́чу;
Мне дорог день, мне дорог час:
А я в напра́сной скуке трачу
Судьбо́й отсчи́танные дни.
И так уж тягостны они.
Я знаю: век уж мой изме́рен;
Но чтоб продли́лась жизнь моя,
Я утром должен быть уве́рен,
Что с вами днём увижусь я...
Боюсь: в мольбе моей смире́нной
Уви́дит ваш суро́вый взор
Зате́и хитрости презренной —
И слышу гневный ваш укор.
Когда б вы знали, как ужа́сно
Томи́ться жаждою любви,
Пыла́ть — и разумом всеча́сно
Смиря́ть волнение в крови;
Желать обнять у вас коле́ни,
И, зарыда́в у ваших ног
Изли́ть мольбы́, призна́нья,
пени,
Всё, всё, что вы́разить бы мог,
А между тем притво́рным
хладом
Вооружа́ть и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядеть на вас весёлым
взглядом!..
Но так и быть: я сам себе
Проти́виться не в силах боле;
Всё решено; я в вашей воле
И предаю́сь моей судьбе.

XXXIII

Ответа нет. Он вновь
посла́нье:
Второму, третьему письму
Ответа нет. В одно собра́нье
Он едет; лишь вошёл... ему
Она навстречу. Как сурова!
Его не видит, с ним ни слова;
У! как теперь окружена́
Креще́нским холодом она!
Как удержа́ть негодова́нье
Уста упря́мые хотят!
Вперил Онегин зоркий взгляд:
Где, где смяте́нье, сострада́нье?
Где пятна слёз?.. Их нет, их
нет!
На сем лице лишь гнева след...

XXXIV

Да, мо́жет быть, боя́зни та́йной,
Чтоб муж иль свет не угада́л
Прока́зы, сла́бости случа́йной...
Всего́, что мой Оне́гин знал.
Наде́жды нет! Он уезжа́ет,
Своё безу́мство проклина́ет —
И, в нём глубо́ко погружён,
От све́та вновь отрёкся он.
И в молчали́вом кабине́те
Ему́ припо́мнилась пора́,
Когда́ жесто́кая хандра́
За ним гнала́ся в ту́мном
све́те,
Поймала, за́ ворот взяла́
И в тёмный у́гол заперла́.

замира́ть — tarduma
замере́ть *
блаже́нство — õndsus
наудачу — hea õnne peale
(ис)тра́тить — raiskama, kulutama
тягостный (трудный) — raske
зате́я — kavatsus, ettevõte
презре́нный — põlatud, nurjatu
уко́р — etteheide
(за)пыла́ть — leegitsema
притво́рный — teeseldud
хлад — холод
проти́виться (сопротивля́ться) — vastu panema
креще́нский — siin: käre külm
негодова́нье — meelepaha
вперить взгляд — ainiti vahtima
гнев — raev
безу́мство — meeletus
отрека́ться — ära ütlema
отре́чься *
во́рот — krae

XXXIX

Дни мча́лись — в во́здухе
нагре́том
Уж разреша́лася зима́.
И он не сде́лался пое́том,
Не у́мер, не сошёл с ума́.
Весна́ живи́т его́. Впервы́е
Свои́ поко́и запертые,
Где зимова́л он как сурок,
Двойны́е о́кна, камелёк
Он я́сным у́тром оставля́ет,
Несётся вдоль Невы́ в саня́х.
На си́них, иссечённых льдах
Игра́ет со́лнце; гря́зно та́ет
На у́лицах разры́тый снег.
Куда́ по нём свой бы́стрый бег

XL

Стреми́т Оне́гин? Вы зара́не
Уж угада́ли; то́чно так:
Примча́лся к ней, к своей
Татья́не,
Мой неиспра́вленный чудак.
Идёт, на мертвеца́ похо́жий.
Нет ни одно́й души́ в прихо́жей.
Он в за́лу; да́льше. Никого́.
Дверь отвори́л он. Что ж его́
С тако́ю си́лой поража́ет?
Княги́ня перед ним, одна́,
Сиди́т, не у́брана, бледна́,
Письмо́ како́е-то чита́ет
И ти́хо слёзы льёт рекой,
Опе́ршись на́ руку щекой.

XLI

О, кто б немы́х её страда́ний
В сей бы́стрый миг не прочита́л!
Кто пре́жней Та́ни, бе́дной Та́ни
Тепе́рь в княги́не б не узна́л!
В тоске́ безу́мных сожале́ний
К её нога́м упа́л Евге́ний;
Она́ вздрогну́ла и молчи́т,
И на Оне́гина глядит
Без удивле́ния, без гне́ва...
Его́ больно́й, уга́сший взор,
Моля́щий вид, немо́й уко́р,
Ей вня́тно всё. Проста́я де́ва,
С мечта́ми, се́рдцем пре́жних
дней,
Тепе́рь опя́ть воскре́сла в ней.

XLII

Она́ его́ не подыма́ет
И, не сводя́ с него́ оче́й,
От жа́дных уст не отыма́ет
Бесчу́вственной руки́ свое́й...
О чём тепе́рь её мечта́нье?..
Прохо́дит до́лгое молча́нье,
И ти́хо наконе́ц она́:
«Дово́льно; вста́ньте. Я должна́
Вам объясниться откровенно.
Оне́гин, по́мните ль тот час,
Когда́ в саду́, в алле́е нас
Судьба́ свела́, и так смире́нно
Урок ваш выслушала я?
Сегодня очередь моя.

(о)живи́ть — elustama
сурок — ümiseja, koopaorav
камелёк — камин
(ис)сечь — tükkideks raiuma
(раз)рыть — üles kaevama
неиспра́вленный — parandamatu
мертве́ц — surnu
прихо́жая (пере́дняя) — esik
опира́ться *на кого? на что?* — toetuma
опере́ться *
немо́й — vaikiv
(у)га́снуть — kustuma
внятно — поня́тно
отыма́ет — отнимает
бесчу́вственный — tundetu
смире́нно (покорно) — alandlikult

XLIII

Онегин, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была.
И я любила вас; но что же?
Что в сердце вашем я нашла?
Какой ответ? одну суро́вость.
Не правда ль? Вам была не новость
Смире́нной девочки любовь?
И нынче — боже! стынет кровь,
Как только вспомню взгляд холодный
И эту проповедь... Но вас
Я не виню́: в тот страшный час
Вы поступи́ли благоро́дно,
Вы были правы предо мной;
Я благода́рна всей душой...

XLIV

Тогда — не правда ли? — в пусты́не,
Вдали от су́етной молвы́,
Я вам не нравилась... Что ж ныне
Меня́ пресле́дуете вы?
Зачем у вас я на приме́те?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь явля́ться я должна,
Что я богата и знатна́,
Что муж в сраже́ньях изуве́чен,
Что нас за то ласка́ет двор?
Не потому ль, что мой позо́р
Теперь бы всеми был заме́чен
И мог бы в обществе принести
Вам соблазни́тельную честь?

XLVI

А мне Оне́гин, пышность э́та,
Посты́лой жи́зни мишура́,
Мои́ успе́хи в ви́хре све́та,
Мой мо́дный дом и вечера́,
Что́ в них? Сейча́с отда́ть я ра́да
Всю э́ту ве́тошь маскара́да,
Весь э́тот блеск, и шум, и чад
За по́лку книг, за ди́кий сад,
За на́ше бе́дное жили́ще,
За те места́, где в пе́рвый раз,
Оне́гин, ви́дела я вас,
Да за смире́нное кладби́ще,
Где ны́нче крест и тень ветве́й
Над бе́дной ня́нею мое́й...

XLVII

А сча́стье бы́ло так возмо́жно,
Так бли́зко!.. Но судьба́ моя́
Уж решена́. Неосторо́жно,
Быть мо́жет, поступи́ла я:
Меня́ с слеза́ми заклина́ний
Моли́ла мать; для бе́дной Та́ни
Все бы́ли жре́бии равны́...
Я вы́шла за́муж. Вы должны́,
Я вас прошу́, меня́ оста́вить;
Я зна́ю: в ва́шем се́рдце есть

суро́вость — karmus
смире́нный (скромный, покорный) — alandlik
(о)сты́нуть — jahtuma, tarduma
проповедь — jutlus
благоро́дно — suursuguselt
су́етный — tühine, edev
молва́ — kuulujutt
знатный — kuulus
(из)уве́чить — vigastama
двор — õukond
позо́р — häbi
соблазни́тельный — meelitav
пышность — toredus
посты́лый — vastumeelne, tüütu
мишура́ — обманчивый, показной блеск
вихрь света — seltskonnaelu keeris
ветошь (ничего не стоящее) — rämps
чад — ving, suits
заклина́ние — tungiv palve
жребий — liisk

И го́рдость и прямáя честь.
Я вас люблю́ (к чему́ лукáвить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна».

XLVIII

Она ушла. Стоит Евгений,
Как будто громом поражён.
В какую бурю ощуще́ний
Теперь он сердцем погружён!
Но шпор внеза́пный звон раздáлся,
И муж Татьяны показáлся,
И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь остáвим,
Надолго... навсегдá. За ним
Довольно мы путём одним
Броди́ли по свету. Поздрáвим
Друг друга с берегом. Ура!
Давно б (не правда ли) пора!

XLIX

Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг я хочу с тобой
Расста́ться ныне как прия́тель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здесь не искал в строфáх небре́жных,
Воспомина́ний ли мяте́жных,
Отдохнове́нья ль от трудов,
Живы́х картин, иль острых слов,
Иль граммати́ческих ошибок,
Дай бог, чтоб в этой книжке ты
Для развлече́нья, для мечты,
Для сердца, для журнальных сши́бок,
Хотя крупи́цу мог найти.
Заси́м расста́немся, прости!

лукáвить (хитри́ть) — kavaldama
ощуще́ние — tunne
шпоры — kannused
небре́жный — hooletu
мяте́жный (неспоко́йный) — rahutu
отдохнове́нье — отдых
сши́б — спор, ссора
крупи́ца — terakene

ПОВЕСТИ БЕЛКИНА.

МЕТЕЛЬ.

Кони мчатся по бугра́м,
Топчут снег глубо́кий...
Вот, в сторо́нке божий храм
Виден одино́кий.
. . . . . .
Вдруг мете́лица кругом;
Снег валит клока́ми;
Чёрный вран, свистя́ крыло́м,
Вьётся над саня́ми;
Вещий стон гласи́т печа́ль!
Кони торопли́вы
Чутко смотрят в тёмну даль,
Воздыма́я гривы...

Жуковский

В конце 1811 года, в эпо́ху нам достопа́мятную, жил в своём поме́стьи Ненара́дове добрый Гаври́ла Гаври́лович Р**. Он славился во всей округе гостеприи́мством и раду́шием; соседи помину́тно ездили к нему пое́сть, попи́ть, поигра́ть по пяти́ копе́ек в босто́н с его жено́ю, а некоторые для того, чтоб погляде́ть на дочку их, Марью Гаври́ловну, стройную, бледную и семнадцатиле́тнюю деви́цу. Она счита́лась богатой неве́стою, и многие прочили её за себя или за сыновёй.

Марья Гаври́ловна была воспи́тана на францу́зских романах, и следственно была влюблена́. Предме́т, избранный ею, был бедный арме́йский прапорщик, находи́вшийся в отпуску́ в своей деревне. Само́ по себе́ разуме́ется, что молодой человек пыла́л равною страстию и что родители его любе́зной, заме́тя их взаи́мную склонность, запрети́ли дочери о нём и думать, а его принима́ли хуже, нежели отставно́го заседа́теля.

бугор (здесь: сугро́б) — lumehang, küngas
божий храм (церковь) — kirik
мете́лица (мете́ль, вьюга) — lumetuisk
клок — (lume)tort
вран (во́рон) — ronk
вещий — ennustav
стон — oie
гласи́т (предска́зывает) — ennustab
чутко — erksalt
грива — (hobuse)lakk
достопа́мятный (замеча́тельный) — mälestusväärne
поме́стье (име́ние, уса́дьба) — mõis
(про)сла́виться *чем?* — kuulus olema
деви́ца — девушка
неве́ста — pruut
про́чить *за кого?* — määrama (abiellumiseks)
следственно — järelikult
арме́йский — jalaväe-
прапорщик — leitnant
(за)пыла́ть страстью — palavalt armastama
любе́зный (любимый) — armastatu
взаи́мный — vastastikune
склонность (симпа́тия) — poolehoid
запреща́ть *кому?* — keelama
запрети́ть *
отставно́й заседа́тель — kaasistuja erus

Наши любо́вники были в перепи́ске и всякий день вида́лись наедине́ в сосно́вой роще или у старой часо́вни. Там они кля́лися друг другу в вечной любви́, сетовали на судьбу́ и делали разли́чные предложе́ния. Перепи́сываясь и разгова́ривая таким образом, они (что весьма́ есте́ственно) дошли́ до следующего рассужде́ния: если мы друг без друга дыша́ть не можем, а воля жесто́ких родителей препя́тствует нашему благополу́чию, то нельзя́ ли нам будет обойти́сь без неё? Разуме́ется, что эта счастли́вая мысль пришла́ сперва́ в голову молодому человеку и что она весьма понравилась романи́ческому воображе́нию Марьи Гаври́ловны.

Наступи́ла зима и прекрати́ла их свида́ния; но перепи́ска сделалась тем живе́е. Владимир Никола́евич в каждом письме́ умоля́л её преда́ться ему, венча́ться тайно, скрыва́ться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые коне́чно будут тронуты наконец геро́ическим постоя́нством и несча́стьем любо́вников и скажут им непреме́нно: Дети! приди́те в наши объя́тия.

Марья Гавриловна долго колеба́лась; множество планов побе́га было отве́ргнуто. Наконец она согласи́лась: в назна́ченный день она должна была не ужинать и удали́ться в свою комнату под предло́гом головно́й боли. Девушка её была в за́говоре, обе они должны были выйти в сад через заднее крыльцо́, за садом найти гото́вые сани, сади́ться в них и ехать за пять вёрст от Ненара́дова в село́ Жадрино, прямо в церковь, где уж Владимир должен был их ожида́ть.

Накану́не реши́тельного дня Марья Гаври́ловна не спала всю ночь; она укла́дывалась, увя́зывала бельё и платье, написа́ла длинное письмо к одной чувстви́тельной барышне, её подруге, друго́е к своим родителям. Она прощалась с ними в самых трогательных выраже́ниях, извиня́ла свой посту́пок неодоли́мою силою страсти и ока́нчивала тем, что блаже́ннейшею мину́тою жизни почтёт она ту, когда позво́лено будет ей броситься к нога́м дража́йших её родителей. Запеча́тав оба письма тульской

любо́вники (лю́бящие) — armastajad
часо́вня — kabel
клясться *кому? в чём?* — vanduma
кляну́ться *
(по)се́товать *на что?* — kaebama
препя́тствовать *кому? чему?* — takistama
благополу́чие — heaolu
воображе́ние — ettekujutus
(по)венча́ться — laulatama
трогать *кого? чем?* — liigutatud olema
тронуть *
постоя́нство — püsivus
объя́тия — embus
побе́г — põgenemine
отверга́ть — kõrvale lükkama
отве́ргнуть *
за́говор — salanõu
трогательный — liigutav
посту́пок — eksisamm, eksimus
неодоли́мый (непобеди́мый) — ülesaamatu
блаже́нный — õnnis
почита́ть (счита́ть) — pidama, lugema
поче́сть *
дража́йший — очень дорогой
запеча́тывать — kinni pitseerima
запеча́тать *

печáткою, на которой изображены́ были два пыла́ющие се́рдца с прили́чной надписью, она бросилась на постель перед самым рассве́том и задрема́ла; но и тут ужасные мечта́ния помину́тно её пробужда́ли. То казалось ей, что в самую минуту, как она сади́лась в сани, чтоб ехать венча́ться, отец её остана́вливал её, с мучи́тельной быстрото́ю тащи́л её по снегу и броса́л в тёмное, бездо́нное подземе́лие... и она летела стремгла́в с неизъясни́мым замира́нием сердца; то видела́ она Владимира, лежа́щего на траве́, бледного, окрова́вленного. Он, умира́я, моли́л её пронзи́тельным голосом поспеши́ть с ним обвенча́ться... Другие безобра́зные, бессмы́сленные виде́ния несли́сь перед нею одно за другим. Наконе́ц она встала, бледне́е обыкнове́нного и с непритво́рной головною болью. Отец и мать заметили её беспоко́йство; их нежная забо́тливость и беспреста́нные вопросы: что с тобою, Маша? не больна́ ли ты, Маша? раздира́ли её сердце. Она стара́лась их успоко́ить, казаться весёлою, и не могла́. Наступи́л вечер. Мысль, что уже в после́дний раз провожа́ет она день посреди своего семе́йства, стесня́ла её сердце. Она была чуть жива́; она втайне проща́лась со всеми осо́бами, со всеми предме́тами, её окружа́вшими.

Подали ужинать; сердце её сильно заби́лось. Дрожа́щим голосом объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала проща́ться с отцом и матерью. Они её поцелова́ли и, по обыкнове́нию, благослови́ли: она чуть не заплакала. Придя в свою комнату, она кинулась в кресла и залила́сь слеза́ми. Девушка угова́ривала её успокоиться и ободри́ться. Всё было гото́во. Через полчаса Маша должна была навсегда́ оставить родительский дом, свою комнату, тихую деви́ческую жизнь... На дворе была мете́ль; ветер выл, ставни тряслись и стуча́ли; всё казалось ей угро́зой и печа́льным предзнаменова́нием. Скоро в доме всё ути́хло и засну́ло. Маша оку́талась шалью, наде́ла тёплый капо́т, взяла́ в руки шкату́лку свою и вышла на заднее крыльцо́. Служа́нка несла за нею два узла́. Они сошли́ в сад. Метель не утиха́ла; ветер дул навстре́чу, как будто силясь останови́ть молоду́ю престу́пницу. Они наси́лу дошли́ до конца́ сада. На доро́-

---

печáтка — pitsat (sõrmusel)
(об)венчáться — laulatama
подземéлье — maa-alune ruum
стремглáв — очень быстро
с замирáнием сердца — hinge kinni pidades
пронзи́тельный — läbilõikav
непритвóрный — teesklematu
раздирáть (сердце) — lõhki rebima, käristama
разодрать *
стесня́ть сердце — ängistama südant
благословля́ть — õnnistama
благослови́ть *
ободря́ться — julgust võtma
ободри́ться *
ставень (м. р.), ставни — aknaluuk, -luugid
угрóза — ähvardus
предзнаменова́ние — enne
капóт — женская домашняя верхняя одежда
шкату́лка — laegas
узел (р. п. — узлá) — komps
наси́лу — suure vaevaga

ге сани дожида́лись их. Лошади, прозя́бнув, не стояли на месте; кучер Владимира расха́живал перед огло́блями, уде́рживая ети́вых. Он помог барышне и её девушке усе́сться и уложи́ть узлы́ и шкату́лку, взял вожжи, и лошади полете́ли. Поручи́в барышню попече́нию судьбы́ и иску́сству Терёшки-кучера, обрати́мся к молодо́му нашему любо́внику.

Целый день Влади́мир был в разъезде. Утром был он у жадринского свяще́нника; наси́лу с ним уговори́лся; потом поехал иска́ть свиде́телей между сосе́дними поме́щиками. Первый, к кому явился он, отставно́й сорокале́тний корне́т Дравин, согласи́лся с охо́тою. Это приключе́ние, уверя́л он, напомина́ло ему прежнее время и гуса́рские прока́зы. Он уговори́л Владимира остаться у него отобе́дать и уве́рил его, что за другими двумя́ свиде́телями дело не станет. В самом деле, то́тчас после обе́да явились землеме́р Шмит в уса́х и шпорах и сын капита́н-испра́вника, мальчик лет шестна́дцати, недавно поступи́вший в улаы́. Они не только при́няли предложение Владимира, но даже клялѝсь ему в гото́вности жертвовать для него жизнью. Владимир обня́л их с восто́ргом и поехал домой приготовля́ться.

Уже давно смерка́лось. Он отправил своего наде́жного Терёшку в Ненара́дово с свое́ю тройкою и с подро́бным, обстоя́тельным нака́зом, а для себя велел заложи́ть маленькие сани в одну лошадь, и один, без кучера, отпра́вился в Жадрино, куда часа через два должна́ была приехать и Марья Гаври́ловна. Дорога была ему знакома, а езды всего двадцать минут.

Но едва Владимир выехал за око́лицу в поле, как поднялся́ ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло́; окре́стность исче́зла во мгле мутной и желтова́той, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слило́ся с землёю. Владимир очути́лся в поле и напрасно хотел снова попа́сть на дорогу; лошадь ступа́ла наугда́чу и поминутно то взъезжа́ла на сугро́б, то прова́ливалась в яму; сани поминутно опроки́дывались. Владимир стара́лся только не потеря́ть настоя́щего направле́ния. Но ему казалось, что уже прошло́ более получа́са, а он не доезжа́л ещё до жадринской рощи. Прошло́ ещё около десяти́ мину́т; рощи всё было не вида́ть.

огло́бли — aisad
ети́вый (конь) — tuline
поруча́ть *кому?* — kellegi hoolde usaldama
поручи́ть *
попече́ние (забо́та) — hoolitsus
уговори́ться — kokku leppima
корне́т — ratsaväe noorem-leitnant
прока́зы — vallatused
дело не ста́нет *за кем?* — asi ei jää peatuma
землеме́р — maamõõtja
испра́вник — maakonna politseiülem tsaariajal
наде́жный — usaldusväärne
нака́з (прика́з) — käsk
за око́лицу — külast välja, küla taha
мутный — sogane
хлопья — (lume)helbed
наугда́чу — hea õnne peale
опроки́дываться — ümber minema опроки́нуться *

Владимир ехал полем, пересечённым глубо́кими овра́гами. Метель не утиха́ла, небо не проясня́лось. Лошадь начинала устава́ть, а с него пот кати́лся градом, несмотря́ на то, что он помину́тно был по пояс в снегу́.

Наконец он увидел, что едет не в ту сторону. Владимир останови́лся: начал думать, припомина́ть, сообража́ть и уве́рился, что должно́ было взять ему вправо. Он поехал вправо. Лошадь его чуть ступа́ла. Уже более часа был он в дороге. Жадрино должно было быть недалеко́. Но он ехал, ехал, а полю не было конца́. Всё сугробы да овра́ги; поминутно сани опроки́дывались, поминутно он их подыма́л. Время шло; Владимир начинал сильно беспоко́иться.

Наконец в стороне́ что-то стало черне́ть. Владимир поверну́л туда. Приближа́ясь, увидел он рощу. Слава богу, подумал он, теперь близко. Он поехал около рощи, наде́ясь то́тчас попасть на знако́мую дорогу или объе́хать рощу круго́м: Жадрино находи́лось то́тчас за нею. Скоро нашёл он дорогу и въехал во мрак деревьев, обнажённых зимо́ю. Ветер не мог тут свире́пствовать; дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владимир успоко́ился.

Но он ехал, ехал, а Жадрина было не вида́ть; роще не было конца. Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес. Отча́яние овладе́ло им. Он ударил по лошади; бедное живо́тное пошло́ было рысью, но скоро стало приставáть и через четверть часа пошло́ шагом, несмотря́ на все уси́лия несчастного Владимира.

Мало-пома́лу деревья начали реде́ть, и Владимир выехал из лесу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полу́ночи. Слёзы брызнули из глаз его; он пое́хал науда́чу. Погода ути́хла, тучи расходи́лись, перед ним лежа́ла равни́на, устланная белым волни́стым ковро́м. Ночь была дово́льно ясна́. Он увидел невдалеке́ деревушку, состоя́щую из четырёх или пяти дворо́в. Владимир поехал к ней. У первой избу́шки он выпрыгнул из сане́й, подбежа́л к окну и стал стуча́ться. Через несколько минут деревя́нный ста́вень поднялся́, и старик высунул свою седу́ю бороду. «Что те надо?» — «Далеко́ ли Жадрино?» — «Жадрино-то далеко ли?» — «Да, да! Далеко ли?» — «Недале́че; вёрст деся́ток будет». При сем ответе Владимир схвати́л себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговорённый к смерти.

пересека́ть — läbi lõikama
пересе́чь *
овра́г — org
кати́лся градом (пот) — voolas ojana (higi)
по по́яс — vööni
мрак — pimedus
обнажённый — paljastatud
(по)свире́пствовать — raevutsema
отча́яние — meeleheide
уси́лие — pingutus
(по)реде́ть — harvaks muutuma
волни́стый — laineline
приговори́ть к смерти — surmaotsust tegema

«А отко́ле ты?» — продолжа́л старик. Владимир не имел духа отвеча́ть на вопросы. «Можешь ли ты, старик, — сказал он, — доста́ть мне лошаде́й до Жадрина?» — «Каки у нас лошади», — отвечал мужик. — «Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу́, сколько ему будет уго́дно». — «Посто́й, — сказал старик, опуска́я ставень, — я те сына вышлю; он те прово́дит». Владимир стал дожида́ться. Не прошло́ минуты, он опять начал стуча́ться. Ставень поднялся́, борода показа́лась. «Что те надо?» — «Что ж твой сын?» — «Сейчас выдет, обува́ется. Али ты прозя́б? взойди́ погре́ться». — «Благодарю, высылай скорее сына».

Ворота заскрипе́ли: парень вышел с дуби́ною и пошёл вперёд, то указывая, то оты́скивая дорогу, занесённую снеговы́ми сугро́бами. «Который час?» — спросил его Владимир. «Да уж скоро рассве́т», — отвечал молодой мужик. Владимир не говорил уже ни слова.

Пели петухи́, и было уже светло́, как дости́гли они Жадрина. Церковь была запертá. Владимир заплати́л проводни́ку и поехал на двор к свяще́ннику. На дворе́ тройки его не было. Какое изве́стие ожида́ло его!

Но возврати́мся к добрым ненара́довским поме́щикам и посмотрим, что-то у них делается.

А ничего́.

Старики проснулись и вышли в гости́ную. Гаврила Гаврилович в колпаке́ и байковой куртке, Праско́вья Петро́вна в шлафроке на вате. Подали самова́р, и Гаврила Гаврилович послал девчонку узнать от Марьи Гавриловны, каково́ её здоровье и как она почива́ла. Девчонка вороти́лась, объявля́я, что барышня почива́ла-де дурно, но что ей-де теперь легче, и что онаде сейчас придёт в гости́ную. В самом деле дверь отвори́лась, и Марья Гавриловна подошла здороваться с папенькой и с маменькой.

«Что твоя голова́, Маша?» — спросил Гаврила Гаврилович. «Лучше, папенька», — отвечала Маша. «Ты, верно, Маша, вчера́сь угоре́ла», — сказала Праско́вья Петровна. «Может быть, маменька», — отвечала Маша.

День прошёл благополу́чно, но в ночь Маша занемогла́. Посла́ли в город за лекарем. Он приехал к вечеру и нашёл больную в бреду́. Откры́лась сильная горя́чка, и бедная больная две недели находи́лась у края гроба.

Никто в доме не знал о предполо́женном побе́ге. Письма, на-

проводни́к — saatja
дуби́на — teivas
колпа́к — öömüts
байковый — baikast (riide sort)
шлафро́к — pikk hommikukuub
почива́ть — спать
угора́ть — karmust peavalu saama
угоре́ть *
занемо́чь (захвора́ть) — заболе́ть
лекарь — врач
бред — sonimine
горя́чка (лихора́дка) — külmtõbi
гроб — kirst

кану́не ею напи́санные, были сожжены́; её горничная никому́ ни о чём не говорила, опаса́ясь гнева госпо́д. Свяще́нник, отставно́й корне́т, уса́тый землеме́р и маленький ула́н были скромны́, и не даром. Терёшка кучер никогда ничего лишнего не выска́зывал, даже и во хмелю́. Таким образом тайна была сохранена́ более чем полудю́жиною заговóрщиков. Но Марья Гавриловна сама, в беспреста́нном бреду́, высказывала свою тайну. Одна́ко ж её слова были столь несообра́зны ни с чем, что мать, не отходи́вшая от её посте́ли, могла понять из них только то, что дочь её была смерте́льно влюблена́ во Владимира Николаевича и что вероя́тно любовь была причи́ною её боле́зни. Она сове́товалась со своим мужем, с некоторыми соседями, и наконец единогла́сно все решили, что видно такова́ была судьба́ Марьи Гавриловны, что су́женого конём не объе́дешь, что бедность не поро́к, что жить не с бога́тством, а с человеком, и тому подо́бное. Нравственные поговóрки бывают удиви́тельно полезны в тех случаях, когда мы от себя́ мало что можем выдумать себе в оправда́ние.

Между тем барышня стала выздора́вливать. Владимира давно не видно было в доме Гаврилы Гавриловича. Положи́ли послать за ним и объяви́ть ему неожи́данное счастие: согла́сие на брак. Но каково́ было изумле́ние ненара́довских помещиков, когда в ответ на их приглаше́ние получи́ли они от него полусумасше́дшее письмо! Он объявлял им, что нога его не будет никогда́ в их доме, и просил забы́ть о несчастном, для которого смерть остаётся еди́ною наде́ждою. Через несколько дней узнали они, что Владимир уехал в армию. Это было в 1812 году.

Долго не смели объяви́ть об этом выздора́вливающей Маше. Она никогда́ не упоминала о Владимире. Несколько месяцев уже спустя, наше́д имя его в числе́ отличи́вшихся и тяжело́ раненых под Бородины́м, она упала в обморок, и боялись, чтоб горя́чка её не возврати́лась. Однако, слава богу, обморок не имел после́дствия.

Другая печа́ль её посети́ла: Гаврила Гаврилович скончался, оста́вя её насле́дницей всего име́ния. Но насле́дство не утеша́ло её; она разделя́ла искренно горесть бедной Праско́вьи Петровны, кляла́сь никогда с нею не расстава́ться; обе они оставили Ненарадово, место печа́льных воспомина́ний, и поехали жить в ***ское поме́стье.

Женихи́ кружи́лись и тут около милой и богатой неве́сты; но она никому не подава́ла и мале́йшей наде́жды. Мать иногда угова́ривала её выбрать себе друга; Марья Гавриловна кача́ла го-

---

во хмелю́ — purjuspäi
заговóрщик — vandeseltslane
су́женый — saatusest määratud peigmees
поро́к — pahe
оправда́ние — vabandus
отлича́ться — välja paistma
отличи́ться *
упа́сть в обморок — minestama
после́дствие — järeldus
скончáться — умереть
горесть — горе́, несчастье

лово́й и заду́мывалась. Владимир уже не существова́л: он умер в Москве, наканý не вступле́ния французов. Память его казалась свяще́нною для Маши; по крайней мере она берегла́ всё, что могло его напóмнить: книги, им некогда прочи́танные, его рисунки́, ноты и стихи, им перепи́санные для неё. Соседи, узнав обо всём, диви́лись её постоя́нству и с любопы́тством ожида́ли героя, долженствова́вшего наконец восторжествова́ть над печальной верностию этой девственной Артеми́зы.

Между тем война со славою была кончена. Полки́ наши возвраща́лись из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоёванные песни: Vive Henri-Quatre, тирóльские вальсы и арии из Жоконда. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвраща́лись, возмужа́в на бранном воздухе, обве́шанные креста́ми. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминýтно в речь неме́цкие и францу́зские слова́. Время незабве́нное! Время славы и восто́рга! Как сильно билось русское сердце при слове *оте́чество*! Как сладки были слёзы свида́ния! С каким единоду́шием мы соединя́ли чувства народной гордости и любви к госуда́рю! А для него, какая была минута!

Женщины, русские женщины, были тогда бесподóбны. Обыкнове́нная холодность их исче́зла. Восто́рг их был истинно упои́телен, когда, встреча́я победи́телей, кричали они: *ура!*

Кто из тогда́шних офицеров не созна́ется, что русской женщине обя́зан он был лучшей, драгоце́ннейшей награ́дою? . .

В это блиста́тельное время Марья Гавриловна жила с матерью в *** губе́рнии и не видала, как обе столицы праздновали возвраще́ние войск. Но в уездах и деревня́х общий восторг, может быть, был ещё сильне́е. Появле́ние в сих местах офице́ра было для него настоя́щим торжество́м, и любо́внику во фраке плохо было в его сосе́дстве.

Мы уже сказывали, что, несмотря́ на её холодность, Марья Гавриловна всё попрежнему окружена́ была иска́телями. Но все должны были отступи́ть, когда явился в её замке раненый гуса́рский полко́вник Бурми́н, с Гео́ргием в петли́це и с *интере́сной бледностию,* как говори́ли тамошние барышни. Ему было около двадцати шести лет. Он приехал в отпуск в свои поме́стья, находи́вшиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отлича́ла. При нём обыкнове́нная заду́м-

---

постоя́нство (верность) — truudus
девственный — neitsilik
Артеми́за (греч. Артеми́да, рим. — Диа́на) — боги́ня, покрови́тельница женского целому́дрия (voorus)
отрок — nooruk
(воз)мужа́ть — mehiseks muutuma
незабве́нный — незабыва́емый
восто́рг — vaimustus
единоду́шие — üksmeel
бесподóбный — võrratu
упои́тельный — joovastav
торжество́ — праздник
иска́тель (руки́) — püüdleja, kosilane
отступа́ть — taganema
отступи́ть * — taganema
с Гео́ргием в петли́це — Georgi aumärk nööpaugus
тамошний — sealne

чивость её оживля́лась. Нельзя было сказать, чтоб она с ним коке́тничала; но поэт, заме́тя её поведе́ние, сказал бы:

Se amor non è, che dunque? . . .

Бурми́н был, в самом деле, очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум прили́чия и наблюде́ния, безо всяких притяза́ний и беспе́чно насме́шливый. Поведе́ние его с Марьей Гавриловной было просто и свобо́дно; но что б она ни сказала или ни сделала, душа́ и взоры его так за нею и следовали. Он казался нрава тихого и скромного, но молва́ уверя́ла, что некогда был он ужасным пове́сою, и это не вреди́ло ему во мнении Марьи Гавриловны, которая (как и все молодые дамы вообще́) с удово́льствием извиня́ла шалости, обнару́живающие смелость и пылкость хара́ктера.

Но более всего. . . (более его нежности, более приятного разгово́ра, более интересной бледности, более перевя́занной руки́) молча́ние молодого гуса́ра более всего подстрека́ло её любопы́тство и воображе́ние. Она не могла не сознава́ться в том, что она очень ему нравилась; вероя́тно и он, с своим у́мом и опытностию, мог уже заметить, что она отлича́ла его: каким же образом до сих пор не видала она его у своих ног и ещё не слыхала его призна́ния? Что уде́рживало его? робость, неразлу́чная с истинною любо́вию, гордость или коке́тство хитрого волоки́ты? Это было для неё зага́дкою. Доду́мав хорошёнько, она решила, что робость была единственной тому причи́ною, и положи́ла обо́дрить его большею внима́тельностию и, смотря́ по обстоя́тельствам, даже нежностию. Она приуготовля́ла развя́зку самую неожи́данную и с нетерпе́нием ожидала минуты романического объясне́ния. Тайна, какого роду ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Её военные действия име́ли желаемый успех: по крайней мере, Бурмин впал в такую заду́мчивость и чёрные глаза его с таким огнём остана́вливались на Марье Гавриловне, что решительная минута, казалось, уже близка́. Соседи говорили о свадьбе, как о деле уже конченном, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь её наконец нашла себе досто́йного жениха́.

Старушка сидела́ однажды одна в гости́ной, раскла́дывая гран-пасья́нс, как Бурмин вошёл в комнату и то́тчас осве́до-

---

se amor non è, che dunque? — если это не любовь, так что же это? (итал.)
наблюде́ние — vaatlemine, vaatlus
притяза́ние — pretensioon, nõudlus
пове́са — võrukael
пылкость хара́ктера — темперамент
подстрека́ть (любопы́тство) — äratama (uudishimu)
опытность — kogemus
призна́ние — ülestunnistus
робость — arglikkus
волоки́та — naistekütt
смотря́ по обстоя́тельствам — olenevalt olukorrast
развя́зка — lahendus, lõpp
тягостный — трудный
досто́йный — vääriline

мился о Марье Гавриловне. «Она в саду, — отвечала старушка, — поди́те к ней, а я вас буду здесь ожидать». Бурмин пошёл, а старушка перекрести́лась и подумала: «авось дело сегодня же кончится!»

Бурмин нашёл Марью Гавриловну у пруда́, под ивою, с книгою в руках и в белом платье, настоя́щей герои́нею романа. После первых вопросов Марья Гавриловна наро́чно переста́ла подде́рживать разгово́р, уси́ливая таким образом взаи́мное замеша́тельство, от которого можно было изба́виться разве только внеза́пным и реши́тельным объясне́нием. Так и случи́лось: Бурмин, чувствуя затруднительность своего положе́ния, объявил, что иска́л давно случая открыть ей своё сердце, и потре́бовал минуты внима́ния. Марья Гавриловна закрыла книгу и поту́пила глаза в знак согла́сия.

«Я вас люблю, — сказал Бурмин, — я вас люблю страстно...» (Марья Гавриловна покрасне́ла и наклони́ла голову ещё ниже.) «Я поступи́л неосторожно, предава́ясь милой привы́чке, привычке видеть и слышать вас ежедне́вно...» (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St. Preux.) «Теперь уже поздно проти́виться судьбе моей; воспоминание об вас, ваш милый, несравне́нный образ отны́не будет мучением и отрадою жизни моей; но мне ещё остаётся исполнить тяжёлую обя́занность, открыть вам ужасную тайну и положи́ть между нами непреодоли́мую прегра́ду...» — «Она всегда существовала, — прерва́ла с живостию Марья Гавриловна, — я никогда́ не могла быть вашею женою...» — «Знаю, — отвечал он ей тихо, — знаю, что некогда вы любили, но смерть и три года сетований... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лиши́ть меня последнего утеше́ния: мысль, что вы бы согласились сделать моё счастие, если бы... молчите, ради бога, молчите. Вы терза́ете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несча́стнейшее создание... я жена́т!»

Марья Гавриловна взгляну́ла на него с удивле́нием.

«Я женат, — продолжал Бурмин; — я жена́т уже четвертый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидеться с нею когда-нибудь!»

«Что вы говори́те? — воскликнула Марья Гавриловна; — как это странно! Продолжа́йте; я расскажу́ после... но продолжа́йте, сделайте милость».

ива — paju
подде́рживать разгово́р — jutulõnga ülal hoidma
взаи́мный — vastastikune
замеша́тельство — segadus
внеза́пный — ootamatu
потупля́ть глаза́ — langetama silmi
поту́пить *
привы́чка — harjumus
St. Preux — Сен-Пре, герой романа Ж. Ж. Руссо «Новая Элоиза»
проти́виться (сопротивляться) *чему?* — vastu panema
непреодоли́мый — ülesaamatu
прегра́да — takistus
сетование (жалоба) — kurtmine, ahastamine
терза́ть (мучи́ть) — piinama

«В начале 1812 года, — сказал Бурмин, — я спеши́л в Вильну, где находи́лся наш полк. Прие́хав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскоре́е закладывать лошадей, как вдруг подняла́сь ужасная метель, и смотри́тель и ямщики́ советовали мне переждать. Я их послушался, но непоня́тное беспоко́йство овладе́ло мною; казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не унима́лась; я не вытерпел, приказа́л опять закла́дывать и поехал в самую бурю. Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократи́ть нам путь тремя верстами. Берега́ были занесены́; ямщик проехал мимо того места, где выезжа́ли на дорогу, и таким образом очути́лись мы в незнакомой стороне́. Буря не утиха́ла; я увидел огонёк и велел ехать туда. Мы приехали в дере́вню; в деревя́нной церкви был огонь. Церковь была отворена́, за огра́дой стояло несколько сане́й; по паперти ходили люди. «Сюда! сюда!» — закрича́ло несколько голосо́в. Я велел ямщику подъехать. «Помилуй, где ты заме́шкался? — сказал мне кто-то: — неве́ста в обмороке; поп не знает, что делать; мы готовы были ехать назад. Выходи же скоре́е». Я молча выпрыгнул из сане́й и вошёл в церковь, слабо освещённую двумя́ или тремя́ свеча́ми. Девушка сидела на лавочке в тёмном углу церкви; другая тёрла ей виски́. «Слава богу, — сказала эта, — наси́лу вы приехали. Чуть было вы барышню не умори́ли». Старый священник подошёл ко мне с вопро́сом: «Прика́жите начина́ть?» — «Начина́йте, начинайте, батюшка», — отвечал я рассе́янно. Девушку подняли́. Она показа́лась мне недурна́... Непоня́тная, непрости́тельная ветреность... я стал подле неё перед нало́ем; священник торопи́лся; трое мужчин и горничная подде́рживали невесту и заняты были только ею. Нас обвенча́ли. «Поцелу́йтесь», сказали нам. Жена моя обрати́ла ко мне бледное своё лицо. Я хотел было её поцеловать... Она вскрикнула: «Ай, не он! не он!» — и упала без памяти. Свиде́тели устреми́ли на меня испу́ганные глаза. Я повернулся, вышел из церкви, безо всякого препя́тствия, бросился в кибитку и закрича́л: пошёл!»

«Боже мой! — закрича́ла Марья Гавриловна; — и вы не знаете, что сделалось с бедной вашею женою?»

«Не знаю, — отвечал Бурмин, — не знаю, как зовут деревню, где я венча́лся; не помню, с которой станции поехал. В то время я так мало полага́л важности в престу́пной моей прока́зе, что,

---

смотри́тель — postijaama ülem
ямщи́к — postipoiss, küüdimees
паперть — kirikuesine trepiga
заме́шкаться — kinni pidama
лавочка (скаме́йка) — pink
виски́ — meelekohad
умори́ть — surnuks piinama
рассе́янно — hajameelselt
ветреность — kergemeelsus
нало́й — lugemispult (õigeusu kirikus)
упасть без памяти — потеря́ть созна́ние
препя́тствие — takistus
престу́пный — kuritegelik
прока́за (шалость) — vallatus
(ото)мсти́ть — kätte maksma

отъехав от церкви, заснул и проснýлся на другой день поýтру, на третьей уже станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер в похóде, так что я не имею и надéжды отыскáть ту, над которой подшутúл я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена».

«Боже мой, боже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватúв его руку; — так это были вы! И вы не узнаёте меня? ..»

Бурмин побледнéл... и бросился к её ногам...

ИЗ ЖИЗНИ ЛЕРМОНТОВА

По Г. К. Бочарову.

О! чем запла́тишь ты, тира́н,
За эту праведную кровь,
За кровь люде́й, за кровь гражда́н...

(«30 июля. — (Париж) — 1830 года»)

29 января 1837 г. в Петербурге умира́л великий человек, равного которому не было во всей России. У дома его стояла толпа́ люде́й. Люди безмо́лвно гляде́ли в окна квартиры, плотно закрытые шторами. Наде́жды уже не было, но люди стояли и ждали. Вот из подъе́зда вышел человек, потом ещё двое. И поползла́ по толпе́ скорбная весть: Пушкин сконча́лся! Люди не расходи́лись. Их стано́вилось всё больше и больше. Они вгля́дывались в окна квартиры, и многие из них думали одну и ту же думу: «Кто же отомсти́т убийцам за смерть Пушкина? Кто теперь заме́нит его? Найдётся ли в России другой великий поэт?»

В этот день молодой офицер Лермонтов был нездоро́в. Он сидел у себя в комнате и переля́стывал тетради своих стихов. Михаилу Лермонтову было 22 года. Он давно уже писал стихи, но о его стихах знали немно́гие. Лермонтов не хотел их печа́тать. Стихи каза́лись ему плохими. Он учился писать у Пушкина, но не мечта́л сравни́ться с великим поэтом. Теперь он переля́стывал тетради и за каждой строчкой своих стихов видел любимого учителя. Вот первые совсем робкие опыты. Вот «Черке́сы», «Кавка́зский пленник». Это ещё детское подража́ние Пушкину. А вот «Парус», «Два велика́на», «Умира́ющий гладиа́тор», «Бородино́». Это уже своё. Если бы не было Пушкина, разве он мог бы созда́ть эти стихи? Пушкин! Теперь он умира́ет.

плотно — tihedalt
штора — aknaeesriie
скорбный (печа́льный, грустный) — kurb
(ото)мсти́ть *кому? за что?* — kätte maksma
заменя́ть *кого? что? кем? чем?* — asendama
заменить *
сравни́ться *с кем?* — end võrdlema
робкий (несме́лый) — arg
подража́ние — matkimine, jäljendamine

Может быть, его уже нет. Лермонтов вздрогнул. Ему стало холодно. Нет, в такую минуту нельзя сидеть дома.

Лермонтов оделся и вышел. Ему было трудно идти. Стояла оттепель. Было сыро и холодно. Уличный шум казался ему каким-то глухи́м, отдалённым, и в само́м воздухе чувствовалось что-то зловеще́е. На набережной он встретил знако́мого литера́тора.

— Как Пушкин? — спросил Лермонтов.

— Полчаса назад скончался.

Лермонтов прислони́лся к решётке набережной. Силы оста́вили его. Опусти́в голову, он молчал.

Прошло два дня. Мёртвый Пушкин лежал в гробу́, церко́вные подсве́чники чади́ли и пахло воском. Дьячок моното́нно читал псалмы́. В стороне акаде́мик Бруни́ писал последний портрет Пушкина. Люди входили, снимали шапки, крести́лись, говорили шёпотом. Они вглядывались в лицо Пушкина, они стара́лись запо́мнить его черты. Пушкин как будто ушёл в себя. Каза́лось, что он глубоко задумался.

В этот день к Пушкину пришёл и Лермонтов. Он остановился у гроба и словно засты́л. Лермонтов был так же неподви́жен, как и Пушкин. Он думал о том, как часто хоте́лось ему увидеть Пушкина близко, пожа́ть ему руку, ему одному дове́рить свои стихи. Вот теперь Пушкин рядом с ним, но рука его холодна́. Но всё-таки он принёс Пушкину свои стихи. Лермонтов написа́л их вчера кровью сердца. И вот он теперь мысленно читает своему учителю скорбные строки:

Погиб поэт, невольник чести —
Пал, оклеве́танный молво́й,
С свинцо́м в груди и жаждой мести,
Поники́нув гордой голово́й!..
Не вынесла душа поэта
Позо́ра мелочных обид, —
Восста́л он против мнений света
Один, как прежде... И убит!..
...Замо́лкли звуки чудных песен,
Не раздава́ться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на уста́х его печа́ть.

оттепель — sula(ilm)
зловещий — kurjaennustav
решётка — võre
подсвечник — küünlajalg
(за)чадить — suitsu ajama
воск — vaha
(пере)креститься — risti ette löömа
застывать — tarduma
застыть *
невольник — vang
пасть (погибнуть) — hukkuma
(о)клеветать — laimama
молва́ (слухи) — kuulujutud
мелочный — väiklane
мнение (света) — arvamus (seltskonna)
приют — varjupaik
уста́ (губы) — huuled
печать — pitser

Заду́мавшись, стоял Лермонтов у гроба. Он проща́лся с учителем. И никто не знал, что у гроба вели́кого Пушкина стоит его великий насле́дник. Никто не знал, что скоро этот офицер будет гордостью и славой России. Никто не знал, что он повтори́т рокову́ю судьбу́ Пушкина.

Ещё не увезли́ тело Пушкина в Михайловское, а уж весь Петербург повторя́л имя Лермонтова. Нашёлся новый поэт, который бросил дворя́нской знати, уби́вшей Пушкина, прямо в лицо огненные строчки своих стихо́в!

Не вы ль сперва́ так злобно гнали
Его свобо́дный, смелый дар
И для поте́хи раздува́ли
Чуть затаи́вшийся пожа́р.
Что ж! весели́тесь... — он муче́ний
Последних вынести не мог:
Уга́с, как светоч, дивный гений,
Увя́л торже́ственный вено́к.
...Отра́влены его после́дние мгнове́нья
Кова́рным шёпотом насме́шливых неве́жд.
И умер он с напра́сной жаждой мщенья,
С досадой тайною обма́нутых наде́жд.

Эти строчки люди повторя́ли наизу́сть. А потом к ним приба́вились ещё более гневные и беспоща́дные. В них Лермонтов называл убийц «палача́ми свобо́ды, гения и славы».

Так Лермонтов вступи́л на путь Пушкина. Из рук Пушкина выпало светлое знамя русской поэзии. Лермонтов подхвати́л и высоко поднял его.

*

К чему глубо́кие позна́нья, жажда знаний,
Тала́нт и пылкая любо́вь свобо́ды,
Когда мы их употреби́ть не можем.
(«Моноло́г.»)

А лицеме́рная светская знать уже заме́тила своего проти́вника и пригото́вилась к борьбе. В бальных залах уже шептались стару́шки-графи́ни и старички́ в расши́тых золотом мунди́-

---

насле́дник — järeltulija
рокова́й — saatuslik
знать — aristokraatia, kõrgem seltskond
дар (тала́нт) — anne
поте́ха (развлече́ние) — lõbu
(раз)дува́ть — suureks puhuma
(за)тайться — end varjama
светоч (факел) — tõrvik
отравля́ть (в//вл) — mürgitama
отрави́ть *
кова́рный — salakaval
неве́жда — harimatu inimene
мщенье (месть) — kättemaks
гневный (злой, серди́тый) — raevukas
пала́ч — timukas
(вы)пасть — välja kukkuma
подхва́тывать — kinni haarama
подхвати́ть *

рах: «Ну, где же это видано! Слава богу, угомони́лся Пушкин, теперь какой-то новый. Лермонтов, мути́т людей. Как это прави́тельство до сих пор терпит?» Уже светские сплетницы-дамы преподнесли́ нача́льнику жанда́рмов, графу Бенкендорфу, листо́к со стихотворе́нием Лермонтова.

Уже царь Николай I получил от кого-то стихи Лермонтова с припи́ской: «Воззва́ние к революции». Уже над головою Лермонтова собрали́сь тучи.

И вот 20 февраля́ в дом бабушки Лермонтова Елизаве́ты Алексе́евны Арсе́ньевой ворвали́сь царские жанда́рмы. В полчаса они переры́ли весь дом и увезли́ с собою люби́мого её внука, её Мишеля и друга его Святосла́ва Раевского, который распространя́л стихи Лермонтова.

Бабушка осталась одна. Она ходила из комнаты в комнату, она глядела на улицу. Может быть, Мишель возврати́тся. Но наста́ла ночь, а внук не возвраща́лся. Она прислу́шивалась, не стукнет ли внизу дверь. Бабушка вспоминала детство Мишеля, деревенское приво́лье в Тарха́нах, где рос её внук, потом благоро́дный пансион в Москве. Здесь Мишель стал писать стихи. Потом — университе́т. Ноча́ми проси́живал он за книгами, сочиня́л стихи. Потом военная школа, мунди́р офице́ра и снова книги, и снова стихи. Если бы она знала, что стихи принесу́т беду́, разве она нанима́ла бы ему дорогих, образо́ванных гувернёров. Это они приви́ли ему страсть к стихам. Прокля́тые стихи! До рассве́та просидела бабушка в глубоком кресле. Слёзы жгли ей глаза́.

А её Мишель в эту ночь ходил из угла в угол, запертый в тесной камере гауптва́хты. Выла мете́ль. За окном бушева́л снег. Часово́й за дверью напева́л унылую солда́тскую песню.

Жандармы не медлили. Уже через пять дней военный министр переда́л Бенкендорфу решение царя: «Лейб-гвардии гуса́рского полка корне́та Лермонтова за сочинение известных Вашему Сиятельству стихо́в переве́сть тем же чином в Нижегоро́дский драгу́нский полк, а губернского секретаря́ Раевского за распростране́ние сих стихов... отпра́вить в Олоне́цкую губернию».

«Переве́сть тем же чином в Нижегоро́дский драгу́нский полк»... Что же это значило? Нижегородский полк воева́л с горцами на Кавказе. Это значило: убрать Лермонтова подальше, под пули черке́сов.

угомони́ться (успоко́иться) — rahunema
мути́ть — ässitama
сплетница — keelepeksja
воззва́ние — üleskutse
врыва́ться *куда?* — sisse tungima ворваться *
(пере)ры́ть — läbi tuhnima
прививать — külge pookima, kasvatama
привить *
прокля́тый — neetud
камера — kamber
гауптва́хта — peavaht
часово́й — tunnimees
унылый — kurb

Михаил Лермонтов не унывáл. Напротив, он был горд. Он знал теперь, что идёт по дороге Пушкина.

Весною 1837 года Лермонтов ехал на Кавказ. Это была уже не первая поездка на Кавказ: давны́м-давно́, ещё в детстве, бабушка два раза возúла его туда. Он хорошó помнил кудря́вую гору Машук, покрытую лесом и похожую на персúдскую шапку. Остроконéчный пятиглáвый Бэштау с голыми скалами. Далёкий двуглáвый Эльбрус. На заре его снеговы́е вершúны кажутся розовыми, а в полдень они ослепúтельно белые. Он помнил горцев в папáхах и чёрных мохнáтых бурках. Зимóю, в Тарханах, он рисовал Кавказские горы и лепúл горцев из воска.

Это было давно.

Теперь он ехал на Кавказ, в ссылку, ехал по тем же дорогам, по которым семнадцать лет тому назад ехал в ссылку и Пушкин.

По дороге Лермонтов заболéл ревматúзмом. Пришлóсь заехать в Пятигорск лечúться. Пятигорск. Он всё такой же. Новенький, чистенький городóк. Шумя́т целéбные ключи, шумит разноязы́чная толпá, а там, дальше, амфитеáтром громоздя́тся горы, всё синée и тумáннее... Воздух чист и свеж. В этом чудéсном солнечном городе ревматизм скоро как рукой сняло. Снова надо собира́ться в путь далёкий, разы́скивать свой полк.

Лермонтов пробира́лся в Тифлис. А там, далеко на севере, в Петербурге, действовала бабушка Арсеньева. Она спасала своего внука. Трудно было обива́ть поро́ги влия́тельных знакомых в её годы. Но чего не сделаешь для любимого внука? К счастью, у бабушки Арсеньевой большие знако́мства. Она дошла даже до самого Бенкендорфа и вымолила-таки проще́ние внуку. И вот в Тифли́се Лермонтов узнал, что его перево́дят в Гродненский гуса́рский полк. Теперь надо ехать в Новгород. Снова длинный путь назад, по Воéнно-Грузúнской дороге, через Владикавка́з, Ста́врополь.

Но недолго пришлось пробы́ть Лермонтову в Новгороде. Бабушка не успоко́илась. Она выхлопотала своему Мише́лю перево́д почти в самый Петербу́рг, в Царское село́, снова в тот же лейб-гварде́йский полк. Ссылка око́нчилась.

Только надолго ли?

*

пятиглáвый — viie tipuga
мохнáтый — karvane
бурка — вичка (viltriidest ja kitsevillast mantel)
(вы)лепить — voolima
целéбный — tervise-
амфитеáтр — ring- või amfiteater
(на)громоздúться — end kuhjama
обивáть порóги — ukseläve kulutama

О, как мне хочется смути́ть весёлость их
И дерзко бросить им в глаза желе́зный стих,
обли́тый горечью и злостью...

В Петербург вернулся уже не прежний Мише́ль Лермонтов. Его встретили как известного, люби́мого поэта. Перед ним откры́лись двери светских гости́ных и сало́нов. Поэта беспреры́вно приглаша́ли на балы́ и праздники.

Полтора́ года тому наза́д эта слава ослепи́ла бы Мишеля и вскружи́ла бы ему голову. А теперь он был равноду́шен к славе. Он помнил о Пушкине и знал, что за похвала́ми та́йтся клевета́, он знал, что враго́в у него больше, чем друзе́й.

Его не тяну́ло в бальные залы. Было душно и тоскли́во в Петербурге. Его окружа́ла праздная, лени́вая, чванли́вая толпа́. Часто, просыпа́ясь утром, он с отвраще́нием вспомина́л, что вечером придётся быть на балу, учти́во кланяться, шаркать ногой, танцевать. Лермонтову хотелось большого дела. Каза́лось, что время прохо́дит бесполе́зно. Хотелось вырваться из Петербурга, уе́хать. Поэт хотел пойти́ в отста́вку, но ему отказа́ли. Тогда он сам попроси́л, чтобы его отпра́вили на Кавказ. Но и в этом отказа́ли да ещё пристыди́ли: «Что же вы свою бабушку в гроб свести́ хоти́те? Хлопота́ла, хлопотала, а теперь снова на Кавказ».

Наступи́л 1840 год. В новогоднюю ночь в дворя́нском благоро́дном собра́нии был блестя́щий бал-маскара́д. Греме́ла музыка, звене́ли шпоры гусар, проноси́лись ряженые турча́нки, испа́нцы, рыцари. Лермонтов не танцева́л. Он стоял, прислони́вшись к коло́нне и равноду́шно глядел на танцу́ющих. Ему было скучно.

В переры́ве между танцами к нему подошли́ две дамы: одна в розовом домино́, другая — в голубо́м. Лица обе́их дам были скрыты масками. Они насме́шливо заговори́ли с ним по-францу́зски. Лермонтов отвеча́л скупо и всем своим видом показывал, что он был бы рад, если бы его оста́вили в поко́е.

Дамы поспе́шно отошли́. Перед ними почти́тельно расступа́лись. Лермонтов хорошо знал, кто были эти дамы. Это осо́бы из царской фами́лии, а одна из них — дочь Николая I. Ну, что

ослепля́ть (п//пл) — pimestama
ослепи́ть *
клевета́ — laim
(по)тяну́ть *куда?* — tõmbama
душно — umbne
праздный — jõude-
чванли́вый — kõrk, ülbe, upsakas
отвраще́ние — vastikus, tülgastus
учти́во — aupaklikult
шаркать ногой — jalaga kraapsama (kummardades tervitama)
шаркнуть *
пойти в отста́вку — erru minema
(при)стыди́ть — häbistama
дворя́нское благоро́дное собра́ние — место, где собира́лось аристократи́ческое общество
ряженый — maskeeritud
турок, турча́нка — türklane
скупо — napilt, napisõnaliselt
почти́тельно (учтиво) — aupaklikult
расступа́ться — teed andma
расступи́ться *
осо́ба — isik

ж, тем лучше! Это дерзкое невнима́ние не было забы́то и не было прощено́ Лермонтову.

Верну́вшись с бала, Лермонтов не мог спать. Его души́ло чувство тоски́, одино́чества. В его уме́ складывались стихи «обли́тые горечью и зло́стью». И, как три года назад, ему хотелось бросить эти стихи́ прямо в глаза́ светским безде́льникам.

О дерзком офице́ре Лермонтове снова заговори́ли. Припо́мнились его смелые стихи́. Его называ́ли «выскочкой». Его собира́лись проучи́ть. Нужен был только подходя́щий случай. Но разве трудно было найти́ повод? Светская знать хорошо владе́ла ору́жием, которым можно было убить любо́го гига́нта. Это оружие — клевета́ и сплетни. Этим ору́жием уби́ли Пушкина. Это оружие пусти́ли в ход против Лермонтова.

*

На Петербу́ргских бала́х часто появля́лся иностра́нец де-Бара́нт, сын францу́зского посла́нника. Клеветники́ реши́ли сделать из него нового Дантеса. Они отыска́ли старую эпигра́мму, маленькое насме́шливое стихотворе́ние, которое Лермонтов давно написа́л на одного из товарищей по юнкерской школе. Бара́нту сказали, будто эта эпигра́мма высме́ивает его.

И вот на балу́ Барант потре́бовал объясне́ний и оскорби́л Лермонтова.

— Если бы я был в своём оте́честве, — сказал он, — я знал бы, как кончить дело.

— Пове́рьте, — отвечал Лермонтов, — в России следуют правилам чести так же, как и везде́. Мы, русские, не позволя́ем оскорбля́ть себя безнака́занно.

Этот разгово́р кончился дуэ́лью. Но расчёты врагов Лермонтова не оправда́лись. Дуэль око́нчилась пустяка́ми. Бара́нт промахну́лся, а Лермонтов совсем не хотел ни убива́ть, ни ранить и выстрелил в воздух.

За такую дуэль обыкнове́нно не нака́зывали. Но Лермонтова нужно было убра́ть во что́ бы то ни ста́ло. Через несколько дней его арестова́ли.

Дело тяну́лось целый месяц. Жанда́рмы были в очень труд-

дерзкий — julgunud
(за)души́ть — lämmatama
обли́тый — täis
горечь — kibedus
злость — viha
безде́льник — päevavaras
выскочка — ninatark
проу́чивать — karistama, õpetama
проучи́ть *
повод (причи́на) — põhjus
сплетни — laimujutt
пусти́ть в ход — käiku laskma
посла́нник — saadik
клеветни́к — laimaja
оскорбля́ть — solvama
оскорби́ть *
безнака́занно — karistamatult
расчёты — arvestused
опра́вдываться — õigeks osutuma
оправда́ться *
промахну́ться — mööda laskma
во что́ бы то ни ста́ло — iga hinna eest

ном положе́нии. Надо было обяза́тельно засуди́ть Лермонтова. Но суди́ть было не́ за что, тем более, что проти́вники помири́лись.

Вое́нный суд снача́ла даже вынес суро́вое реше́ние: лиши́ть Лермонтова дворя́нского звания и разжа́ловать в солда́ты. Но нашли́сь люди поумне́е. Они посове́товали Бенкендорфу и царю́ не делать этого. Заче́м столько шума? Ведь Лермонтов — изве́стный поэт. Его ставят наравне́ с Пушкиным. Пойду́т разгово́ры, что в России пресле́дуют поэтов. Не лучше ли опять убра́ть Лермонтова, но убрать так, чтобы он не возврати́лся, посла́ть его на передовы́е пози́ции, под пули?

Николай согласи́лся и подписа́л прика́з: «Пору́чика Лермонтова перевести́ в Тенги́нский пехо́тный полк тем же чином».

«Ну, что́ же, — думал Лермонтов, — на Кавказ, так на Кавказ! Пода́льше от светской ску́ки, от сплетен, от надое́вших бало́в. Ведь хотелось же мне на Кавказ! Вот и испо́лнилось.» Так утеша́л себя Лермонтов.

И снова Кавказ. Тенги́нский полк участвовал в самых жарких битвах. Полк наступа́л по ущ́ельям, перебира́лся через перева́лы и горные реки. Каждый день стычки с горцами. Лермонтов не щади́л себя. Он собра́л отря́д, который так и называ́ли: «Лермонтовским». С горстью люде́й он броса́лся на большие отря́ды горцев и побежда́л. Пули не брали его. О его удали рассказывали в полка́х. И кома́ндующий, князь Голи́цын, даже предста́вил его к золотой сабле за храбрость. Но в Петербурге Лермонтова вычеркнули из наградны́х списков. Ему разреши́ли только короткий отпуск в Петербург.

И вот в январе 1841 года Лермонтов поехал в столицу. Ему хотелось повида́ть бабушку, друзе́й.

В Петербурге его встретили восто́рженно. Его венча́ли славой как вели́кого поэта. Но это были друзья. А в Петербурге были ещё и враги́. Их было больше, они были сильне́е, они следи́ли за каждым его шагом.

Несколько недель пролете́ли быстро. Одна́жды Лермонтов яви́лся на блестя́щий бал в своём скромном арме́йском мунди́ре. Его заме́тил брат царя Михаил Павлович.

«Как? Опя́ть Лермонтов! И как он смеет пока́зываться на

засуди́ть — karmilt kohut mõistma
дворя́нское звание — aadliseisus
разжа́ловать (в солда́ты) — degradeerima, alandama
передовы́е пози́ции — eesliin
чин — aukraad
надоевший — tüüdanud
утеша́ть — tröösti|ma
утеши́ть *
ущ́елье — mäekitsus
перева́л (горный) — mäekuru
стычка — kokkupõrge
(по)щади́ть — armu heitma
горсть — peotäis
удаль (смелость) — uljus, julgus
представля́ть *к чему?* — esitama (millegi saamiseks)
предста́вить *
сабля (шашка) — mõõk
восто́рженно — vaimustatult
венча́ть славой — kroonima kuulsusega

балу́, да ещё в арме́йском мунди́ре с коро́ткими фалдами? Выгнать неме́дленно!» Хозя́йка дома, графиня Воронцо́ва-Дашко́ва, незаме́тно увела́ Лермонтова в задние комнаты и через чёрный ход выпустила на улицу. А через несколько дней он получи́л прика́з: поки́нуть столи́цу в 24 часа́.

И снова он ехал на Кавказ. В груди́ клокота́ла не́нависть. Его, поэта, опять заброса́ли камнями. Ненависть сменя́лась тоско́й. Казалось, что и жи́ть-то не стоит, не́зачем.

Лермонтов прие́хал в Геóргиевск вместе с другом Алексе́ем Столы́пиным. Отсю́да нужно было отправля́ться в Шуру, в Тенги́нский полк. Но так хотелось ещё раз зае́хать в Пятигóрск. Теперь нача́ло лета. Пятигорск полон друзе́й и знако́мых.

— Послу́шай, — взмоли́лся Лермонтов Столы́пину, — едем в Пятигорск.

— Нельзя, я должен доста́вить тебя в полк.

— Можно! Ну, только на неде́лю, на три дня, если хочешь. Знаешь что? Пусть реши́т случай. Броса́ю моне́ту. Если орёл — так и быть, едем в полк. Если решётка — в Пятигóрск.

Высоко подбро́шенная моне́тка упа́ла и покати́лась в угол. Через час дру́зья́ мчались в Пятигорск: выпала решётка.

*

И вы не смоете всей вашей чёрной кровью
Поэ́та праведную кровь. . . .

(«На смерть поэта».)

В Пятигорске, действи́тельно, было немало петербу́ргских знако́мых. Прие́хал брат Пушкина — Лев. Здесь был старый товарищ Лермонтова ещё по вое́нной школе — Марты́нов. Лермонтов называ́л его «марты́шкой». Марты́нов не был ни другом, ни врагóм. Этот молодой офицер любил похва́стать, наряди́ться, укра́сить себя ору́жием. Собира́ясь на бал, он вылива́л на себя флако́н духóв. Он не был зол, но у него нехвата́ло своего ума́ и своей воли. Лермонтов часто дразни́л его. Мартынов, быва́ло, наду́ется, но скоро забу́дет.

Молодёжь собира́лась в Пятигорске в доме атама́на каза́чьих

фалды (мундира) — (mundri)hõlmad
через чёрный ход — tagaukse kaudu
(за)клокота́ть — keema
взма́ливаться — anuma, tungivalt paluma
взмоли́ться *
доставля́ть — kohale toimetama
доста́вить *
моне́та — münt
орёл — kull (siin: mündil)
решётка — mündi kirjapool
действи́тельно — tõepoolest
марты́шка — pärdik
(по)хва́стать — hooplema
наряжа́ться — end ehtima
наряди́ться *
украша́ть *чем?* — kaunistama
укра́сить *
флако́н духóв — pudel lõhnaõli
воля — tahtejõud
(по)дразни́ть — narrima
(на)ду́ться — mossitama
атама́н — kasakapealik

войск Верзи́лина. У Верзи́линых были взрослые дочери. Танцева́ли, пели, рисовали, устра́ивали прогу́лки. Жизнь как будто шла беззабо́тно. Но тоска́ не покида́ла сердца Лермонтова. Он видел, что враги не оставили его даже здесь, в Пятигорске. В эти летние месяцы сюда, на во́ды съехалась светская знать. Здесь был сын повели́теля жанда́рмов, юнкер Бенкендорф. Здесь был глупый зади́ра и горде́ц, молодой князь Васильчиков. Здесь была пятиго́рская генера́льша Мерлини, которая спокойно не могла видеть Лермонтова. Иногда́, проходя, он слышал, как вслед называли его «выскочкой», «ядови́той га́диной». Он чувствовал, что против него составля́ется заговор; видел, как вокруг Васильчикова собираются его недруги. Среди них Лермонтов заметил и Марты́нова. Васильчиков о чём-то шептался с ним.

Тогда он сам бросил вызов своим врагам. Васи́льчикова он уничто́жил меткой эпигра́ммой:

Наш князь Васи́ль
Чико́в по батюшке,
Шеф простофи́ль, глупцо́в по дядюшке.

Лермонтов оконча́тельно убеди́лся, что его приятель Мартынов в стане врагов. Поэт стал ещё язви́тельнее. Одна́жды Мартынов пришёл к Верзилиным с двумя кинжа́лами по бока́м. «Мартынов похо́ж сразу на двух го́рцев», — заметил Лермонтов. Этого было доста́точно. Случай предста́вился, и Мартынов вызвал Лермонтова на дуэль.

15 июля 1841 года. В этот последний день жизни Лермонтова раннее утро было необыча́йно голубо́е и свежее. Лермонтов ехал верхо́м по узкой тропи́нке мимо Машука́. Он вспомнил: вечером дуэль. Может быть, это — коне́ц. И вдруг ему захоте́лось жить. Он увидел зелёные листья виногра́дника и блещущие на солнце капельки росы и почу́вствовал, как любит приро́ду, как дорога́ ему жизнь. Нет, он не умрёт сегодня! Лермонтов пришпо́рил лошадь и поскока́л рысью.

К вечеру собрала́сь гроза́. Грома́дная туча медленно ползла́

во́ды — tervisveed
повели́тель — käskija
юнкер — junkur
зади́ра — tülinorija, riiukukk
горде́ц — kempleja, kõrk isik
выскочка — ninatark
ядови́тый — mürgine
га́дина — kõlvatu olend, reo
заговор — vandeselts
недруг — враг
вызов — väljakutse
уничтожа́ть — hävitama
уничто́жить *
меткий — tabav
по ба́тюшке — isanime järgi
простофи́ля — tohman, tobu
глупе́ц — lollpea, tobu
стан враго́в — vaenlaste leer
виногра́дник — viinamarjaistandus
роса́ — kaste
(при)шпо́рить — kannustama
рысью — traavi

с восто́ка. Она была грозная и синяя. Казалось, она предвеща́ет несча́стье.

Проти́вники и секунда́нты спеши́ли к подно́жью Машука́. А туча ползла. Она уже закры́ла небо. Где-то за горо́ю грохота́л гром.

У подно́жья Машука выбрали площа́дку. Поспе́шно отме́тили барье́р и поста́вили проти́вников. Лермонтов стоял у барье́ра. В правой руке он держал пистоле́т.

«Сходи́тесь», — торопи́ли секунда́нты. Лермонтов поднял пистоле́т дулом вверх и сказал: «Мартынов, я буду стреля́ть, но только не в тебя́». И выстрелил в воздух. Мартынов с по́днятым пистоле́том пошёл прямо на Лермонтова. У барье́ра он останови́лся и нереши́тельно посмотре́л на Васи́льчикова. Поднялся́ ветер. Падали крупные капли дождя.

«Стреля́й!» — крикнул Васильчиков. Мартынов прице́лился в сердце Лермонтова и выстрелил. Страшный удар грома. В свете молнии секунда́нты уви́дели, как пистоле́т Лермонтова летит вверх, а сам он падает на́взничь. Хлынул дождь. Будто сама приро́да пришла в ярость от того, что произошло́. Гневно греми́т гром, хлещет дождь, страшно блещет молния. Она освеща́ет убийц, в ужасе склони́вшихся над телом поэта.

А в этот самый час почта везла́ на Кавказ секре́тный приказ царя: поручи́ка Лермонтова ни в каком случае не отдаля́ть от передовы́х пози́ций и поруча́ть ему самые опа́сные дела. В этом прика́зе уже не было надобности.

В душную ию́льскую ночь под Петербургом, в Павловском парке, был устро́ен пышный праздник. Греме́ли орке́стры. По алле́ям парка, разукра́шенным цветны́ми фона́риками, снова́ла разоде́тая толпа. Взлета́ли в воздух фейерверки. Петербургский свет весели́лся.

В одной из бесе́док парка сидел Николай I. Против него стоял граф Бенкендорф.

«Ваше вели́чество, — говорил Бенкендорф, — полу́чены изве́стия о том, что на Кавказе убит на дуэли поэт Лермонтов».

Николай засмея́лся:

грозный — ähvardav, julm
предвеща́ть — ennustama
подно́жье — jalam
поспе́шно (быстро) — kiiresti
дуло пистоле́та — püstolitoru
прице́ливаться — sihtima
прицели́ться *
навзничь (лицом вверх, на спину) — selili
ярость (гнев) — raev
убийца — mõrtsukas
надобность — vajadus
душный — lämmatav
фона́рик — väike latern
снова́ть — sagima
разоде́тый — hästi riietatud
фейерверк — ilutulestik
бесе́дка — lehtla

«Вы хотели сказать, граф, поручик Лермонтов. Ну что ж? Туда́ ему и дорога. Вычеркнуть из списков».

Бенкендорф почти́тельно наклони́л голову.

Треща́ли фейерверки. Из павильо́на неслись танцева́льные мело́дии. Праздник продолжа́лся.

В июле 1841 года полковы́е писари вычёркивали имя поручика Лермонтова из списков Тенгинского пехо́тного полка. Но в эти же самые дни Россия вноси́ла имя великого поэта Лермонтова в списки бессме́ртных своих сынов.

БЕГЛЕ́Ц.

(Горская леге́нда.)

(1838.)

Гару́н бежал быстрее лани,
Быстрей, чем заяц от орла́;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черке́сская текла́;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли,
И под пято́й у супоста́та
Лежат их го́ловы в пыли́.
Их кровь течёт и просит мщенья,
Гару́н забыл свой долг и стыд;
Он растеря́л в пылу́ сраже́нья
Винто́вку, шашку — и бежит! —

И скрылся день; клубя́сь тума́ны
Оде́ли тёмные поля́ны
Широ́кой белой пелено́й;
Пахну́ло холодом с восто́ка,
И над пусты́нею проро́ка
Встал тихо месяц золото́й! . .

туда́ ему и дорога — see on talle paras
вычёркивать *откуда?* — läbi tõmbama, kustutama
вы́черкнуть *
почти́тельно — aupaklikult
(за)треща́ть — praksuma
полково́й писарь — polgukirjutaja
вноси́ть *куда?* — sisse kandma
внести́ *
бегле́ц — jooksik
лань (ж. р.) — emahirv
поле брани — поле битвы, поле сраже́ния
пята́, пятка — kand
супоста́т — враг
мщенье (месть) — kättemaks
шашка (сабля) — mõõk
пыл — tuhin, ägedus
(за)клуби́ться — pilvena keerlema
пелена́ — kate, loor
проро́к — prohvet

Уста́лый, жаждою томи́мый,
С лица стира́я кровь и пот,
Гарун меж скал аул родимый
При лунном свете узнаёт;
Покра́лся он никем не зримый...
Кругом молчанье и покой,
С крова́вой битвы невреди́мый
Лишь он один пришёл домой;

И к сакле он спеши́т знако́мой,
Там блещет свет, хозя́ин дома;
Скрепя́сь душо́й как только мог,
Гарун ступи́л через поро́г;
Селима́ звал он прежде другом,
Селим прише́льца не узнал;
На ложе мучимый неду́гом
Один, — он, молча, — умира́л...
«Велик алла́х! от злой отра́вы
Он светлым ангелам своим
Веле́л бере́чь тебя для славы!» —

«Что нового?» — спросил Селим,
Подня́в слабе́ющие ве́жды,
И взор блеснул огнём наде́жды!..
И он привста́л, и кровь бойца
Вновь разыгра́лась в час конца́.
«Два дня мы бились в тесни́не;
Отец мой пал, и братья с ним;
И скрылся я один в пусты́не
Как зверь, пресле́дуем, гони́м,
С окровавле́нными ногами
От острых камней и кустов,
Я шёл безве́стными тропа́ми
По следу вепрей и волко́в;
Черке́сы гибнут — враг повсю́ду.
Прими́ меня, мой старый друг;
И вот проро́к! твоих услу́г
Я до моги́лы не забу́ду!..»

томи́ть (мучить) *кого? чем?* — piinama
ау́л — селе́ние в гора́х
(под)кра́сться *к кому? к чему?* — hiilima
незри́мый — неви́димый
блещет — блести́т
скрепя́сь душо́й — südant rindu võttes
поро́г — lävi
прише́лец — тот, кто пришёл
ложе — посте́ль, крова́ть
неду́г — болезнь
отра́ва — яд; здесь: беда
ве́жды (веки) — silmalaud
тесни́на (ущелье) — mäekitsus, mäekuru
пал — погиб, был убит
пресле́довать *кого?* — jälitama
вепрь (кабан) — metssiga
услу́га — teene

И умирающий в ответ...
«Ступа́й — досто́ин ты презре́нья.
Ни крова, ни благослове́нья
Здесь у меня́ для труса нет!..»
Стыда́ и тайной муки полный,
Без гнева вытерпев упрёк,
Ступи́л опять Гарун безмо́лвный
За неприве́тливый поро́г.
И саклю новую мину́я,
На миг останови́лся он,
И прежних дней лету́чий сон
Вдруг обдал жаром поцелу́я
Его холо́дное чело́.
И стало сладко и светло́
Его душе́; во мраке ночи,
Казалось, пламенные очи
Блесну́ли ласково пред ним,
И он подумал: я люби́м,
Она лишь мной живёт и дышит...
И хочет он войти — и слышит,
И слышит песню старины́...
— И стал Гарун бледне́й луны́:

Месяц плывёт
И тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идёт.
Ружьё заряжа́ет джигит,
А дева ему говорит:
Мой милый, смелее
Вверя́йся ты року,
Моли́ся восто́ку,
Будь верен проро́ку,
Будь славе верне́е.
Своим измени́вший
Изме́ной крова́вой,
Врага́ не срази́вши,
Поги́бнет без славы,

презре́нье — põlgus
благослове́нье — õnnistus
минова́ть (пройти мимо) — möödu-ma
лету́чий (легкий) — kerge
жар — kuumus
чело́ (лоб) — laup, otsmik
пла́менный — leegitsev
очи (глаза́) — silmad
заряжа́ть ружьё — laadima püssi
джигит — ловкий наездник (на Кавказе)
де́ва (девушка) — neiu
рок (судьба́) — saatus
изменя́ть *кому? чему?* — reetma изменить *
изме́на — reetmine
сразить * — tapma, rabama

Дожди его ран не обмóют.
И звери костей не зарóют.
Месяц плывёт
И тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идёт.

Главóй поникнув, с быстротóю
Гарун свой продолжáет путь,
И крупная слезá порóю
С ресни́цы падает на грудь...
Но вот от бури наклонённый
Пред ним роднóй белеет дом;
Надéждой снова ободрённый,
Гарун стучи́тся под окном.
Там, верно, тёплые моли́твы
Восхóдят к небу за него,
Старуха мать ждёт сына с битвы,
Но ждёт его не одного!..

«Мать — отвори́! я странник бедный,
Я твой Гару́н, твой младший сын;
Сквозь пули русские безвре́дно
Пришёл к тебе!» — Один? — «Один!..»
— А где отец и братья? — «Пали!
Проро́к их смерть благослови́л,
И ангелы их души взяли».
— Ты отомсти́л? — «Не отомсти́л...
Но я стрелóй пустился в горы,
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твои уте́шить взоры
И утере́ть слезу твою...»
— Молчи́, молчи! гяур лука́вый,
Ты умере́ть не мог со славой,
Так удали́сь, живи один.
Твоим стыдóм, беглец свобóды,
Не омрачу́ я стары годы,
Ты раб и трус — и мне не сын!..»
Умолкло слово отверже́нья,
И всё кругом объя́то сном.

поники́нуть (опустить голову) — langetama
ресни́ца — ripse
ободря́ть *кого? чем?* — ergutama, julgustama
ободрить *
моли́тва — palve
стра́нник — rändur
ангел — ingel
утеша́ть — tröösti ma
уте́шить *
гяур — не магомета́нин
лука́вый (хитрый) — salakaval, kaval
омрача́ть *что? чем?* — tumestama
омрачить *
отверже́нье — needmine
объя́ть (обня́ть) *чем?* — hõlmama

Прокля́тья, стоны и моле́нья
Звуча́ли долго под окно́м;
И наконе́ц удар кинжа́ла
Пресе́к несча́стного позор...
И мать поутру увида́ла...
И хладно отверну́ла взор.
И труп, от праведных изгна́ний,
Никто́ к кладби́щу не отнёс,
И кровь с его глубо́кой раны
Лиза́л рыча дома́шний пёс;
Ребята малые руга́лись
Над хладным телом мертвеца́,
В преда́ньях вольности оста́лись
Позо́р и гибель беглеца́. —
Душа его от глаз проро́ка
Со страхом удали́лась прочь;
И тень его в горах восто́ка
Поны́не бродит в тёмну ночь,
И под окно́м поутру рано
Он в сакли просится стуча́,
Но внемля громкий стих Кора́на
Бежи́т опять под сень тума́на,
Как прежде бегал от меча́.

прокля́тье — needus
пресе́чь (кончить) — lõpetama
позо́р (стыд) — häbi
труп — laip
праведный — нравственно чи́стый
изгоня́ть (прогоня́ть) — äga ajama изгнать *
кладби́ще — kalmistu
(с)лиза́ть — lakkuma
(за)рыча́ть — urisema
пёс — собака
мертве́ц — koolnu
вольность (свобода) — vabadus
внемля (услы́ша) — kuuldes
кора́н — свяще́нная книга мусульма́н
сень тума́на — udu kate

СОСНА.

На севере диком стои́т одино́ко
На голо́й верши́не сосна́
И дремлет, кача́ясь, и снегом сыпу́чим
Оде́та как ризой она́.
И снится ей всё, что в пусты́не далёкой
В том крае, где солнца восхо́д,
Одна́ и грустна́ на утёсе горю́чем
Прекра́сная пальма растёт.

(за)дрема́ть — tukkuma
сыпучий — sõre
риза — rüü, rõivas
утёс — kalju
горю́чий (жаркий, горя́чий) — kuum

УТЁС.

Ночева́ла тучка золота́я
На груди́ утёса-велика́на,
Утром в путь она умча́лась рано,
По лазу́ри весело игра́я;

Но оста́лся влажный след в морщи́не
Старого утёса. Одино́ко
Он стои́т, заду́мался глубо́ко,
И тихо́нько плачет он в пусты́не.

ТРИ ПАЛЬМЫ.

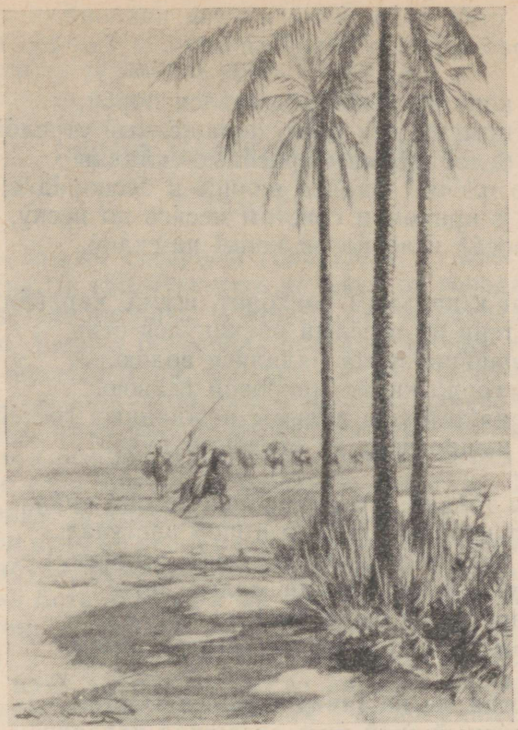
(Восто́чное сказа́ние.)

В песча́ных степя́х арави́ской земли́
Три гордые пальмы высо́ко росли́.
Родни́к между ними из почвы беспло́дной,
Журча́, пробива́лся волно́ю холо́дной,
Храни́мый, под сенью зелёных листо́в,
От знойных лучей и лету́чих песко́в.

И многие годы неслы́шно прошли;
Но странник уста́лый из чуждой земли́
Пыла́ющей грудью ко влаге студёной
Ещё не склоня́лся под кущей зелёной,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роско́шные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога ропта́ть:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увяда́ть?
Без пользы в пусты́не росли и цвели́ мы,
Коле́блемы вихрем и зноем пали́мы,

велика́н — hiiglane
лазу́рь — светлоси́ний цвет (неба, моря)
морщи́на — kurd
восто́чный (восток) — ida-
сказа́ние (предание; легенда) — muistend
родни́к (источник, ключ, ручей) — läte, allikas
беспло́дный (плод) — viljatu
(про)журча́ть — vulisema
пробива́ться *откуда?* — läbi tungima пробиться *
сень листо́в (покро́в листьев) — lehtede vari, kate
знойный (жаркий, горя́чий) — kuum
лету́чий — lendav
странник (путник) — rändaja
(за)пылать — leegitsema
влага (вода́, сырость) — niiskus, vesi
студёный (холо́дный) — külm
куща (шатёр, сень) — vari, telk, kate
(за)ропта́ть *на кого? на что?* — nurisema
увяда́ть — närbuma
увянуть *
(за)колеба́ть (кача́ть) — kõigutama, kiigutama
пали́ть (обжига́ть) — kõrvetama

Ничéй благосклóнный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговóр!»
И только замóлкли — в дали́ голубóй

Столбóм уж крути́лся песок золотóй,
Звонкóв раздава́лись нестрóйные звуки,
Пестре́ли ковра́ми покры́тые вьюки,
И шёл, колыха́ясь, как в море челнóк,
Верблю́д за верблю́дом, взрыва́я песок.

Мота́ясь, висе́ли меж твёрдых горбов
Узóрные полы похóдных шатрóв;
Их смуглые ручки порóй подыма́ли,
И чёрные очи оттуда сверка́ли...

благосклóнный (благожела́тельный) — heatahtlik
приговóр — (kohtu)otsus
вьюк — kandam, pakk
челнóк (лодка) — paat
верблю́д — kaamel
мота́ться (кача́ться) — kõikuma, rappuma
горб — küür
узóрный (с рисýнком) — mustriline
пола́ — hõlm
шатёр (род палатки) — telk, vari
смуглый — tõmmu

И, стан худоща́вый к луке наклоня́,
Араб горячи́л ворона́го коня.

И конь на дыбы подыма́лся поро́й,
И прыгал, как барс, поражённый стрело́й;
И белой оде́жды краси́вые складки
По пле́чам фари́са вились в беспоря́дке;
И, с криком и свистом несясь по песку́,
Броса́л и лови́л он копьё на-скаку́.

Вот к пальмам подхо́дит, шумя́, карава́н:
В тени их весёлый раски́нулся стан.
Кувши́ны звуча́ налили́ся водо́ю,
И, гордо кива́я махро́вой главо́ю,
Приве́тствуют пальмы нежда́нных госте́й,
И щедро пои́т их студёный ручей.

Но только что сумрак на землю упа́л,
По корням упру́гим топор застуча́л,
И пали без жизни пито́мцы столе́тий!
Оде́жду их со́рвали малые дети,
Изру́блены были тела́ их пото́м,
И медленно жгли их до у́тра огнём.

Когда же на запад умча́лся тума́н,
Уро́чный свой путь соверша́л карава́н,
И следом печа́льным на почве беспло́дной
Виднéлся лишь пепел седо́й и холо́дный,
И солнце оста́тки сухи́е дожгло́,
А ветром их в степи пото́м разнесло́.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с грему́чим ключо́м:
Напра́сно пророка о тени он просит —

стан (талия) — piht
худоща́вый — kõhn, sale
лук — vibu, amb
ворона́й конь (чёрный) — must ratsu
на дыбы́ — tagumistele jalgadele püsti
барс (панте́ра) — panter
фари́с — здесь: наéздник
стан (лагерь) — laager
махро́вый (состоя́щий из множества листьев) — leherikas
глава́ (голова́) — pea, latv
щедро — ohtralt, heldelt
упру́гий (твёрдый, но эласти́чный) — vetruv, elastne
пасть (поги́бнуть) — hukkuma
пито́мец — kasvandik
уро́чный (устано́вленный, определённый) — kindlaksmääratud
пепел (зола́) — tuhk
грему́чий (звонко шумя́щий) — mürisev, kõlisev, kohisev

Его лишь песо́к раскалённый зано́сит,
Да коршун хохла́тый, степно́й нелюди́м,
Добы́чу терза́ет и щиплет над ним.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

ТАМАНЬ.

Тама́нь — самый скверный городи́шка из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер от голода, да ещё вдоба́вок меня хотели утопи́ть. Я приехал на перекладно́й теле́жке поздно ночью. Ямщик останови́л усталую тройку у ворот единственного каменного дома, что при въезде. Часово́й, черномо́рский каза́к, услышав звон колоко́льчика, закричал спросо́нья диким голосом: «Кто идёт?» Вышел уря́дник и деся́тник. Я им объяснил, что я офице́р, еду в действующий отря́д по казённой надобности, и стал требовать казённую квартиру. Деся́тник нас повёл по городу. К которой избе́ ни подъе́дем — занята́. Было холодно, я три ночи не спал, изму́чился и начал серди́ться. «Веди меня куда-нибудь, разбо́йник! хоть к чорту, только к месту!» — закрича́л я. — Есть ещё одна фате́ра, — отвечал деся́тник, почёсывая заты́лок: — то́лько вашему благоро́дию не понравится; там нечи́сто! — Не поняв точного значе́ния после́днего слова, я велел ему идти вперёд, и после долгого странствования по грязным переу́лкам, где по сторона́м я видел одни только ветхие забо́ры, мы подъехали к небольшой хате, на самом берегу́ моря.

Полный месяц свети́л на камышо́вую крышу и белые стены моего нового жили́ща; на дворе, обведённом огра́дой из булы́жника, стояла другая лачу́жка, менее и древне́е первой. Берег

раскалённый (горя́чий от солнца) — kuum
коршун — kull
хохла́тый — tutiga
нелюди́мый (любящий одино́чество, угрю́мый) — inimestepelglik, seltsimatu
терза́ть (рва́ть на части) — rebima, kiskuma
(вы)щипа́ть (п//пл) — katkuma, näppima
скверный (плохо́й) — halb, räbal
приморский (при море) — mereäärne
(у)топи́ть — uputama
спросо́нья — une pealt
дикий — metsik
уря́дник — maakordnik (tsaristlikul Venemaal)
деся́тник — kümnik
казённый — kroonu-
надобность — vajadus
разбо́йник — röövel
фатера (квартира) — korter
заты́лок — kukal
ваше благоро́дие — teie suursugusus
нечи́сто — ebapuhas, ebaaus
ветхий (старый) — vana
хата — крестья́нский дом на юге Росси́и, на Украине
камышо́вый — pilliroo-
обводи́ть *что? чем?* — ümbritsema
обвести́ *
огра́да (забор) — tara
булы́жник (круглый камень) — munakivi
лачу́жка (маленькая хата) — onnike
древний (ветхий, старый) — vana

обры́вом опуска́лся к морю почти у самых стен её, и внизу беспрерывным ропотом плеска́лись тёмноси́ние волны. Луна тихо смотрела на беспоко́йную, но поко́рную ей стихи́ю, и я мог различи́ть при свете её, далеко́ от берега, два корабля́, которых чёрные снасти, подо́бно паути́не, неподви́жно рисовались на бледной черте небоскло́на. «Суда́ в пристани есть, — подумал я: — завтра отпра́влюсь в Геленджи́к».

При мне исправля́л должность денщика́ линейский казак. Велев ему выложить чемодан и отпустить извозчика, я стал звать хозя́ина — молчат; стучу́ — молчат... что это? Наконец из сене́й выполз мальчик лет 14-ти.

«Где хозя́ин?» — «Не-ма». — «Как? совсем нету?» — «Совсим». — «А хозяйка?» — «Поби́гла в слобо́дку». — «Кто ж мне отопрёт дверь?» — сказал я, уда́рив в неё ногою. Дверь сама отвори́лась; из хаты пове́яло сыростью. Я засвети́л серную спичку и поднёс её к носу мальчика: она озари́ла два белые-белые гла́за. Он был слепо́й, соверше́нно слепой от приро́ды. Он стоял передо мною неподви́жно, и я начал рассма́тривать лицо слепого; но что прика́жете прочитать на лице́, у которого нет глаз?.. Долго я глядел на него с невольным сожале́нием, как вдруг едва приме́тная улыбка пробежа́ла по тонким губам его, и, не знаю отчего, она произвела́ на меня самое неприя́тное впечатле́ние. В голове моей родилось подозре́ние, что этот слепой не так слеп, как оно кажется; напра́сно я стара́лся уверить себя, что бельмы подде́лать невозможно, да и с какой целью? Но что делать? я часто склонен к предубежде́ниям...

«Ты хозя́йский сын?» — спросил я его наконец. — «Ни». — «Кто же ты?» — «Сирота́, убо́гий. — «А у хозя́ина есть дети?» — «Ни; была дочь, да убежала за море с тата́рином». — «С каким татарином?» — «А бис его знает! крымский татарин, лодочник из Керчи».

Я вошёл в хату: две лавки и стол, да огромный сунду́к возле печи составля́ли всю её мебель. В разби́тое стекло́ врывался морско́й ветер. Я вытащил из чемода́на свечу, и засветив

обры́в — järsak
ропот — (mere)kohin
плеска́ться — laksuma
поко́рный — alistuv
стихи́я — stiihia, ürg-, loodusjõud
снасти — purjestik
паути́на — ämblikuvõrk
небоскло́н — taevavõlv
сени (коридо́р) — esik, koridor
поби́гла — побежала
слобо́дка (большо́е село́, селе́ние) — küla
отпира́ть (открыва́ть) — avama
отпере́ть *
(по)ве́ять — õhkuma
озаря́ть (освеща́ть) — valgustama
озари́ть *
сожале́ние — kahjutunne
подозре́ние — kahtlus
бельмо́ — kae
подде́лывать — järele tegema
подде́лать *
предубежде́ние — eelarvamus
убо́гий — sant, armetu
лавка — широкая скамейка
сунду́к — kirst, kohver
врыва́ться *куда?* — sisse tungima
ворва́ться *
засвети́ть (зажечь) — süütama

её, стал раскла́дывать вещи, поставил в угол шашку и ружьё, пистоле́ты положил на стол, разостла́л бурку на лавке, казак свою на другой; через десять минут он захрапе́л, но я не мог засну́ть: передо мною во мраке всё верте́лся мальчик в белыми глаза́ми.

Так прошло около часа. Месяц свети́л в окно, и луч его играл по земляно́му полу́ хаты. Вдруг на яркой полосе́, пересека́ющей пол, промелькну́ла тень. Я привста́л и взгляну́л в окно: кто-то втори́чно пробежал мимо его и скрылся бог знает куда. Я не мог полага́ть, чтоб это существо́ сбежа́ло по отве́су берега; однако иначе ему не́куда было дева́ться. Я встал, наки́нул бешме́т, опоя́сал кинжа́л и тихо-тихо вышел из хаты; навстре́чу мне слепой мальчик. Я притаи́лся у забо́ра, и он верной, но осторо́жной поступью прошёл мимо меня. Под мышкой он нёс какой-то узел, и, поверну́в к пристани, стал спускаться по узкой и круто́й тропинке. Я следовал за ним в таком расстоя́нии, чтоб не теря́ть его из вида.

Между тем луна начала́ одева́ться тучами, и на море поднялся́ туман; едва сквозь него свети́лся фона́рь на корме́ ближнего корабля́; у берега сверкала пена валуно́в, ежеминутно грозя́щих его потопи́ть. Я, с трудом спуска́ясь, пробира́лся по крутизне́, и вот вижу: слепой приостанови́лся, потом поверну́л низом направо; он шёл так близко от воды, что, каза́лось, сейчас волна его схватит и унесёт; но видно это была не первая его прогу́лка, судя по уверенности, с которой он ступа́л с камня на камень и избега́л рытвин. Наконец он остановился, будто прислу́шиваясь к чему-то, присел на землю и положил возле себя узел. Я наблюдал за его движе́ниями, спрятавшись за выдавшеюся скало́ю берега. Спустя несколько минут, с противоположной стороны показалась белая фигура; она подошла к слепому и села возле него. Ветер по времена́м приноси́л мне их разговор.

«Что, слепо́й? — сказал женский голос: — буря сильна́; Янко не будет». — «Янко не боится бури», — отвечал тот. — «Туман густе́ет», — возрази́л опять женский голос, с выраже́нием печа́ли.

расстила́ть *где?* — laiali laotama
разостла́ть *
бурка (плащ из войлока и козьей шерсти на Кавка́зе) — вичка
(за)храпе́ть — norskama
мрак (тьма, темнота́) — pimedus
пересека́ть — läbi lõikama
пересе́чь *
втори́чно — второй раз
отве́с (обры́в) — järsak
бешме́т (стёганный полукафта́н) — bešmett
опоя́сывать — vööle panema
опоя́сать *
(при)тайться — end varjama
поступь (похо́дка) — kõnnak
под мышкой — kaenla all
узел — komps
круто́й — järsk
корма́ (задняя часть судна) — laevapära
пена — vaht
валу́н — большой округлый камень
потопи́ть (утопи́ть) — uputama
крутизна́ (круто́й спуск) — järsak
выдава́ться — välja ulatuma
выдаться *
рытвина (канава) — kraav
(по)густе́ть — tihedamaks muutuma

— В тумане лучше пробра́ться мимо сторожевы́х суде́в, — был ответ. «А если он утонет?» — «Ну что ж? в воскресенье ты пойдёшь в церковь без новой ленты».

После́довало молча́ние; меня однако порази́ло одно: слепой говорил со мной малороссийским наре́чием, а теперь изъясня́лся чисто по-русски.

— Видишь, я прав, — сказал опять слепой, уда́рив в ладо́ши: — Янко не боится ни моря, ни ветров, ни тумана, ни береговы́х сторже́й; прислу́шайся-ка: это не вода плещет, меня не обма́нешь, — это его длинные вёсла.

Женщина вскочи́ла и стала всматриваться в даль с видом беспоко́йства.

— Ты бредишь, слепой, — сказала она: — я ничего не вижу.

Признаю́сь, сколько я ни стара́лся различи́ть вдалеке́ что-нибудь наподо́бие лодки, но безуспе́шно. Так прошло́ минут десять; и вот показа́лась между горами волн чёрная точка: она то увели́чивалась, то уменьша́лась. Медленно поднима́ясь на хребты́ волн, быстро спуска́ясь с них, приближалась к берегу лодка. Отва́жен был пловец, решившийся в такую ночь пусти́ться через проли́в на расстоя́ние 20 вёрст, и важная должна быть причи́на, его к тому побуди́вшая! Думая так, я, с нево́льным бие́нием сердца, глядел на бедную лодку; но она, как утка, ныря́ла, и потом, быстро взмахну́в вёслами, будто крыльями, выска́кивала из пропасти среди брызг пены; и вот, я думал, она ударится с разма́ха о берег и разлети́тся вдре́безги, но она ловко поверну́лась боком и вскочи́ла в маленькую бухту невреди́ма. Из неё вышел человек среднего роста, в тата́рской бара́ньей шапке; он махну́л рукою, и все трое приняли́сь вытаскивать что-то из лодки; груз был так вели́к, что я до сих пор не понимаю, как она не потону́ла. Взяв на плечи каждый по узлу́, они пусти́лись вдоль по берегу, и скоро я потеря́л их из вида. Надо было верну́ться домой; но, признаю́сь, все эти странности меня трево́жили, и я наси́лу дожда́лся утра.

Казак мой был очень удивлён, когда, просну́вшись, увидал меня совсем одетого; я ему одна́ко ж не сказал причины. Полю-

---

сторожево́й — valve-
судно, суда́ — laev, laevad
церковь (ж. р.) — kirik
ле́нта — lint, patsipael
пораже́ть — rabama
поразить * (очень удивить)
наре́чие — (keele)murre
плеска́ть (ск//щ) — loksuma
бредить — sonima
хребе́т — (lainte)hari
отва́жный (смелый) — julge
проли́в — väin
побужда́ть *к чему?* — ergutama, virgutama
побуди́ть *
ныря́ть — sukelduma
нырну́ть *
пропасть — kuristik
брызги — pritsmed
с разма́ха — hooga
вдребезги — kildudeks, pilbasteks
бухта — merelaht
груз — laadung
(по)теря́ть из вида — silmist kaotama

бова́вшись несколько времени из окна на голубо́е небо, усе́янное разо́рванными облачками, на дальний берег Крыма, который тянется лило́вой полосо́й и кончается утёсом, на верши́не коего беле́ется маячная башня, я отправился в крепость Фанаго́рию, чтоб узнать от коменданта о часе моего отъе́зда в Геленджи́к.

Но, увы! комендант ничего не мог сказать мне реши́тельного. Суда́, стоящие в пристани, были все — или сторожевы́е, или купе́ческие, которые ещё даже не начина́ли нагружа́ться. «Может быть, дня через три, четыре, придёт почто́вое судно, — сказал комендант: — и тогда — мы увидим». Я вернулся домой угрюм и серди́т. Меня в дверя́х встретил казак мой с испуганным лицом.

— Плохо, ваше благоро́дие! — сказал он мне.

— Да, брат, бог знает, когда мы отсю́да уедем! — Тут он ещё больше встрево́жился и, наклоня́сь ко мне, сказал шёпотом:

— Здесь нечи́сто! Я встретил сегодня черномо́рского уря́дника; он мне знаком, — был прошлого года в отря́де; как я ему сказал, где мы остановились, а он мне: «Здесь, брат, нечи́сто, люди недо́брые!..» Да и в самом деле, что это за слепой! ходит везде один, и на база́р, за хлебом, и за водой... уж видно здесь к этому привы́кли.

— Да что ж? по крайней мере, показа́лась ли хозя́йка?

— Сегодня без вас пришла старуха и с ней дочь.

— Какая дочь? у неё нет дочери.

— А бог её знает, кто она, коли не дочь; да вон старуха сидит теперь в своей хате.

Я вошёл в лачу́жку. Печь была жарко нато́плена, и в ней вари́лся обед довольно роско́шный для бедняко́в. Старуха на все мои вопро́сы отвеча́ла, что она глуха́, не слышит. Что было с ней делать? Я обрати́лся к слепому, который сидел перед печью и подкла́дывал в огонь хворост. «Ну-ка, слепой чертёнок, — сказал я, взяв его за́ ухо: — говори, куда ты ночью таска́лся с узлом, а?» Вдруг мой слепе́ц заплакал, закрича́л, заохал: «Куды́ я ходи́в?.. никуды́ не ходи́в... с узло́м? яки́м узло́м?» Старуха на этот раз услышала и стала ворча́ть: «Вот выдумают, да ещё на убогого! за что вы его? что он вам сделал?» Мне это надое́ло, и я вышел, твёрдо реши́вшись достать ключ этой зага́дки.

Я заверну́лся в бурку и сел у забо́ра на камень, погля́дывая в даль; предо мной тяну́лось ночно́ю бурею взволно́ванное море, и однообра́зный шум его, подо́бный ропоту засыпа́ющего города, напомнил мне старые годы, перенёс мои мысли на север, в нашу холодную столи́цу. Волну́емый воспомина́ниями, я забы́лся... Так прошло́ около часа, может быть и более... Вдруг что-то похо́жее на песню порази́ло мой слух. Точно, это была песня,

---

утёс — kaljurahn
роско́шный (бога́тый) — rikkalik
бедня́к (бедный челове́к) — vaene
(за)ворча́ть — torisema
однообра́зный — üksluine

и женский, свежий голосок, — но откуда? .. Прислу́шиваюсь — напе́в странный, то протя́жный и печальный, то быстрый и живой. Огля́дываюсь — никого нет кругом; прислу́шиваюсь снова — звуки как будто падают с неба. Я поднял глаза: на крыше хаты моей стоя́ла девушка в полоса́том платье, с распу́щенными косами, настоя́щая руса́лка. Защити́в глаза ладо́нью от лучей солнца, она пристально всматривалась в даль, то смеялась и рассужда́ла сама с собо́ю, то запева́ла снова песню.

Я запо́мнил эту песню от слова до слова:

Как по вольной волюшке —
По зелёну морю,
Ходят всё кора́блики
Белопа́русники.

Промеж тех кора́бликов
Моя лодочка.
Лодка неснащённая,
Двухве́сельная.

напе́в — viis
полоса́тый — jooneline
ладо́нь (ж. р.) — peopesa

Буря ль разыгра́ется —
Старые кора́блики
Приподы́мут крылышки,
По морю разме́чутся.

Стану морю кланяться
Я низёхенько:
«Уж не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:

Везёт моя лодочка
Вещи драгоце́нные,
Правит ею в тёмну ночь
Буйная голо́вушка».

Мне нево́льно пришло на мысль, что ночью я слышал тот же голос; я на минуту задумался, и когда снова посмотре́л на крышу, девушки там не было. Вдруг она пробежа́ла мимо меня, напева́я что-то другое, и, прищёлкивая пальцами, вбежала к старухе, и тут начался между ними спор. Старуха сердилась, она громко хохота́ла. И вот вижу, бежит опять вприпры́жку моя ундѝна; поровня́вшись со мной, она останови́лась и пристально посмотрела мне в глаза́, как будто удивлённая моим прису́тствием; потом небре́жно оберну́лась и тихо пошла к пристани. Этим не кончилось: целый день она верте́лась около моей кварти́ры: пенье и прыганье не прекраща́лись ни на минуту. Странное существо́! На лице её не было никаких признаков безу́мия; напро́тив, глаза её с бойкою проница́тельностию остана́вливались на мне, и эти глаза, казалось, были одарены́ какою-то магнети́ческою властью, и всякий раз они как будто бы ждали вопроса. Но только я начинал говорить, она убега́ла, кова́рно улыба́ясь.

Реши́тельно я никогда подо́бной женщины не видывал. Она далеко́ не красавица, но в ней было много поро́ды... Моей певу́нье, казалось, не более 18 лет. Необыкнове́нная гибкость её стана, особенное, только ей свойственное наклоне́ние головы́, длинные русые волосы, какой-то золоти́стый отлив её слегка загоре́лой кожи на шее и плеча́х, и особенно, правильный нос, — всё это было для меня обворожи́тельно. Хотя в её косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозри́тельное, хотя в её улыбке было что-то неопределённое, но такова́ сила предубежде́ний: правильный нос свёл меня с ума; я вообразил, что нашёл

буйная голо́вушка (непоко́рный, своево́льный челове́к) — tuisupea
вприпры́жку — hüpeldes
ундѝна — русалка — образ, созданный литературой
при́стально — teraselt
проница́тельность (ж. р.) — teravus
кова́рно — salakavalalt
гибкость — paindlikkus
стан (талия) — piht
русый (светлый) — hele (juuste kohta)
обворожи́тельно — ahvatlev
подозри́тельный — kahtlane

Гётеву Миньо́ну, — и точно, между ими было много сходства: те же быстрые перехо́ды от велича́йшего беспоко́йства к полной неподви́жности, те же зага́дочные речи, те же прыжки́, странные песни...

Под-вечер, останови́в её в дверя́х, я завёл с нею следующий разговор:

«Скажи-ка мне, краса́вица, — спросил я: — что ты делала сегодня на кровле?» — «А смотрела, откуда ветер дует». — «Зачем тебе?» — «Откуда ветер, оттуда и счастье». — «Что же? разве ты песнею зазывала счастье?» — «Где поется, там и счастливится». — «А как неравно напоёшь себе горе?» — «Ну что ж? где не будет лучше, там будет хуже, а от худа до добра опять не далеко». — «Кто же тебя выучил эту песню?» — «Никто не выучил; вздумается — запою; кому услыхать, тот услышит; а кому не должно слышать, тот не поймет». — «А как тебя зовут, моя певунья?» — «Кто крестил, тот знает». — «А кто крестил?» — «Почему я знаю». — «Экая скрытная! а я вот кое-что про тебя узнал» (она не измени́лась в лице, не пошевельну́ла губа́ми, как будто не об ней дело). «Я узнал, что ты вчера ночью ходила на берег». И тут я очень важно пересказа́л ей всё, что видел, думая смути́ть её; нима́ло! Она захохота́ла во всё горло. — «Много видели, да мало знаете; а что не знаете, так держи́те под замо́чком». — «А если б я, например, вздумал донести́ коменданту?» — и тут я сделал очень серьёзную, даже строгую мину. Она вдруг прыгнула, запела и скрылась, как птичка, выпугнутая из куста́рника. После́дние слова мои были вовсе не у места; я тогда не подозрева́л их важности, но впосле́дствии имел случай в них раска́яться.

Только что смерклось, я велел казаку́ нагре́ть чайник по-похо́дному, засвети́в свечу́ и сел у стола, поку́ривая из дорожной трубки. Уж я дока́нчивал второй стакан чая, как вдруг дверь скрипнула, лёгкий шорох платья и шагов послы́шался за мной; я вздрогнул и оберну́лся, — то была она, моя ундина! Она села против меня тихо и безмо́лвно и устреми́ла на меня глаза свои, и, не знаю почему, но этот взор показа́лся мне чудно-нежен; он мне напомнил один из тех взглядов, которые в старые годы так самовла́стно играли мое́ю жизнью. Она, каза́лось, ждала́ вопроса, но я молчал, полный неизъясни́мого смуще́ния.

Гёте (Goethe) — немецкий писатель
Миньона — героиня произведения Гёте «Вильгельм Мейстер»
перехо́д — üleminek
зага́дочный — mõistatuslik
кровля — крыша
крести́ть — ristima
скрытная — kinnine
держа́ть под замо́чком — endale hoidma
доноси́ть — ette kandma, kaebama
донести́ *
раска́иваться — kahjatsema
раска́яться *

Лицо её было покрыто тусклой бледностью, изобличáвшей волнéние душéвное; рука её без цели бродúла по столу́, и я заметил в ней лёгкий трепет; грудь её то высоко подымáлась, то, казáлось, она удерживала дыхáние. Эта комéдия начинáла мне надоедáть, и я готов был прервáть молчáние самым прозаíческим образом, то есть предложить ей стакан чая, как вдруг она вскочúла, обвилá руками мою шею, и огненный поцелу́й прозвучáл на губáх моих. В глазах у меня потемнéло, голова закружúлась, я сжал её в моих объя́тиях со всею силою юношеской страсти, но она как змея́ скользну́ла между моими руками, шепну́в мне на ухо: «нынче ночью, как все уснут, выходи на берег» и стрелою выскочила из комнаты. В сеня́х она опрокúнула чайник и свечу́, стоя́вшую на полу. «Экий бес-девка!» — закричал казак, расположúвшийся на солóме и мечтáвший согрéться остáтками чая. Только тут я опóмнился.

Часа через два, когда всё на пристани умолкло, я разбудил своего казака: «Если я выстрелю из пистолéта, — сказал я ему: — то беги на бéрег». Он выпучил глаза и машинáльно отвечал: «Слушаю, ваше благородие». Я заткну́л за пояс пистолéт и вышел. Она дожидáлась меня на краю спуска; её одежда была более нежели лёгкая, небольшóй платóк опоя́сывал её гибкий стан.

— Идúте за мной! — сказала она, взяв меня за руку, и мы стали спускáться. Не понимáю, как я не сломúл себе шеи; внизу мы повернули направо и пошли по той же дороге, где накану́не я следовал за слепым. Месяц ещё не вставал, и только две звёздочки, как два спасúтельных маякá, сверкáли на тёмносúнем своде. Тяжёлые волны мерно и ровно катúлись одна за другой, едва приподнимáя одинокую лодку, причáленную к берегу. «Взойдём в лодку», — сказала моя спутница. Я колебáлся — я не охотник до сентимента́льных прогу́лок по морю; но отступáть было не время. Она прыгнула в лодку, я за ней, и не успел ещё опóмниться, как заметил, что мы плывём. «Что это значит?» — сказал я сердито. — «Это значит, — отвечала она, сажая меня на скамью́ и обви́в мой стан руками: — это значит, что я тебя люблю́»... И щека её прижáлась к моéй, и я почувствовал на лице моём её пламенное дыхáние. Вдруг что-то шумно упáло в воду: я хвать за пояс — пистолéта нет. О, тут ужасное подозрéние закрáлось мне в душу, кровь хлынула мне в голову!

тусклый — tuhm
бледность — kahvatus
трепет (дрожáние) — värisemine
огненный — kuum, leegitsev
объя́тие — embus
опрокúдывать — ümber ajama
опрокúнуть *
(вы)пучить глазá — silmi pungi ajama, jõllitama
причáливать — randuma, maanduma
причáлить *
(за)колебáться — kõhklema, kõikuma
хватать за пояс — (kiiresti) vööst haarama
хлынуть — voogama

Огля́дываюсь — мы от берега около пяти́десяти сажен, а я не умею плавать! Хочу оттолкну́ть её от себя — она как кошка вцепи́лась в мою оде́жду, и вдруг сильный толчо́к едва не сбросил меня в море. Лодка закача́лась, но я справился, и между нами начала́сь отча́янная борьба́; бешенство придава́ло мне силы, но я скоро заметил, что уступа́ю моему проти́внику в ловкости... «Чего ты хочешь?» — закричал я, крепко сжав её маленькие руки; пальцы ее хруще́ли, но она не вскрикнула: её змеи́ная нату́ра выдержала эту пытку.

— Ты видел, — отвечала она: — ты донесёшь! — и сверхъесте́ственным уси́лием повали́ла меня на борт; мы оба по пояс свесились из лодки; её волосы каса́лись воды; минута была реши́тельная. Я упёрся коле́нкою во дно, схвати́л её одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою оде́жду, и я мгновенно сбросил её в волны.

Было уже дово́льно темно; голова её мелькну́ла раза два среди морско́й пены, и больше я ничего́ не вида́л...

На дне лодки я нашёл полови́ну старого весла́ и кое-как, после долгих уси́лий, причали́л к пристани. Пробира́ясь берегом к своей хате, я нево́льно всматривался в ту сторону, где наканý не слепой дожида́лся ночно́го пловца; луна уже кати́лась по небу, и мне показа́лось, что кто-то в белом сидел на берегу́; я подкра́лся, подстрекаемый любопы́тством, и прилёг в траве́ над обры́вом берега; высунув немно́го голову, я мог хорошо видеть с утёса всё, что внизу́ делалось, и не очень удиви́лся, а почти обра́довался, узнав мою русалку. Она выжима́ла морску́ю пену из длинных воло́с своих; мокрая руба́шка обрисо́вывала гибкий стан ее и высокую грудь. Скоро показа́лась вдали лодка, быстро приблизи́лась она; из неё, как наканý не, вышел человек в татарской шапке, но остри́жен он был по-каза́цки, и за ременным поясом его торча́л большой нож. «Янко, — сказала она: — всё пропа́ло!» Потом разговор их продолжался, но так тихо, что я ничего не мог расслу́шать. — «А где же слепой!» — сказал наконец Янко, возвы́ся голос. «Я его послала», — был ответ. Через несколько минут явился слепой, таща́ на спине́ мешо́к, который положили в лодку.

«Послу́шай, слепой! — сказал Янко: — ты береги́ то место... знаешь? там богатые това́ры... скажи́ (имени я не расслу́шал), что я ему больше не слуга́; дела́ пошли худо, он меня больше не уви́дит; теперь опа́сно; поеду искать работы в другом месте,

---

сажень — süld
отча́янный — meeleheitlik
бе́шенство — raev
ловкость — osavus
хруще́ть — ragisema
хрустнуть *
пытка — piin
борт — parras
свешиваться — üle rippuma
свеситься *
упира́ться — toetuma, nõjatuma
упере́ться *
подстрека́ть *чем?* — tagant ässitama
выжима́ть — välja väänama
выжать *

а ему уж такого удальца́ не найти. Да скажи, кабы он полу́чше платил за труды́, так и Янко бы его не поки́нул; а мне везде дорога, где только ветер дует и море шумит! — После некоторого молча́ния Янко продолжал: — Она поедет со мною; ей нельзя здесь остава́ться; а старухе скажи, что, дескать, пора умира́ть, зажила́сь, надо знать и честь. Нас же больше не уви́дит».

— А я? — сказал слепой жалобным голосом.

— На что мне тебя? — был ответ.

Между тем моя ундина вскочила в лодку и махну́ла товарищу рукою; он что-то положи́л слепому в руку, промолвив: «На, купи себе пряников». — «Только?» — сказал слепой. — «Ну, вот тебе ещё» — и упа́вшая монета зазвене́ла, ударя́сь о камень. Слепой её не поднял. Янко сел в лодку; ветер дул от берега: они подняли маленький парус и быстро понесли́сь. Долго при свете месяца мелька́л белый парус между тёмных волн; слепой всё сидел на берегу́, и вот мне послы́шалось что-то похо́жее на рыдание: слепой мальчик точно плакал, и долго, долго... Мне стало грустно. И зачем было судьбе́ кинуть меня в мирный круг ч е с т н ы х к о н т р а б а н д и с т о в? Как камень, брошенный в гладкий исто́чник, я встрево́жил их спокойствие, и как камень едва сам не пошёл ко дну.

Я возврати́лся домой. В сеня́х треща́ла догоре́вшая свеча в деревя́нной тарелке, и казак мой, вопреки́ приказа́нию, спал крепким сном, держа ружьё обе́ими руками. Я его оставил в поко́е, взял свечу́ и пошёл в хату. Увы! моя шкату́лка, шашка с серебряной опра́вой, дагеста́нский кинжа́л, — подарок прия́теля, — всё исчезло. Тут-то я догадался, какие вещи тащил проклятый слепой. Разбуди́в казака́ довольно неве́жливым толчко́м, я побрани́л его, посердился, а делать было нечего! И не смешно́ ли было бы жаловаться нача́льству, что слепой мальчик меня обокра́л, а восемнадцатилетняя девушка чуть-чуть не утопи́ла? Слава богу, поутру́ явилась возмо́жность ехать, и я оставил Тамань. Что сталось с старухой и с бедным слепым — не знаю. Да и какое дело мне до радостей и бедствий челове́ческих, мне, странствующему офицеру, да ещё с подоро́жной по казённой надобности!..

удале́ц — uljas inimene
надо знать честь — tarvis lõpp teha, asjal olgu kord juba lõpp
рыда́ние — nuuksumine
исто́чник (ручей, ключ) — läte
шкату́лка — kastike, laegas
опра́ва — ilustus

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ.

(1818—1883)

ЖИВЫЕ МОЩИ.

Край родной долготерпе́нья —
Край ты русского народа!
Ф. Тютчев

Французская поговóрка гласи́т «сухой рыбак и мокрый охотник явля́ют вид печальный». Не имев никогда пристра́стия к рыбной ловле, я не могу суди́ть о том, что испы́тывает рыбак в хорошую ясную погоду и насколько, в нена́стное время, удовольствие, доставля́емое ему обильной добы́чей, перева́шивает неприятность быть мокрым. Но для охотника дождь — сущее бедствие. Именно такому бедствию подве́рглись мы с Ермола́ем в одну из наших пое́здок за тетерева́ми в Белевский уезд. С самой утренней зари дождь не переставáл. Уж чего-чего мы не делали, чтобы от него избáвиться! И резиновые плащики чуть не на самую голову надевали, и под деревья станови́лись, чтобы поме́ньше капало... Непромока́емые плащики, не говоря уже о том, что мешали стреля́ть, пропуска́ли воду самым бесты́дным образом; а под деревьями — точно, на первых пора́х, как будто и не капало, но потом вдруг накопи́вшаяся в листве́ влага прорыва́лась, каждая ветка обдава́ла нас как из дождевой трубы́,

---

мощи — (pühaku) säilmed
живы́е мощи — elav surnu (kõhna inimese kohta)
край долготерпе́нья — paljukannatanud maa
гласи́т — говорит
пристра́стие — kiindumus
испы́тывать (чувствовать) — tundma
испыта́ть *
нена́стный — vihmane
оби́льный (богатый) — rikkalik
перева́шивать — üle kaaluma
перева́сить *
бедствие (несчастье) — õnnetus, häda
тетерев — teder
пропуска́ть — läbi laskma
пропусти́ть *
бесты́дным образом — häbematul kombel
влага (вода) — niiskus, vesi
обдава́ть *чем*? — üle uhtuma, üle valama
обда́ть *

холодная струйка забира́лась под галстук и текла́ вдоль спинно́го хребта́... А уж это последнее дело! как выражался Ермолай. — Нет, Пётр Петрович, — воскликнул он, наконец. — Эдак нельзя!.. Нельзя сегодня охотиться. Собакам ч у т ь ё заливает, ружья осека́ются... Тьфу! Задача!

— Что же делать? — спросил я.

— А вот что. — Поедем-те в Алексе́евку. Вы, может, не знаете — хуторо́к такой есть, — матушке вашей принадлежи́т; отсюда вёрст восемь. Переночу́ем там, а завтра...

— Сюда вернёмся?

— Нет, не сюда... Мне за Алексе́евкой места́ известны... многим лучше здешних для тетеревов!

Я не стал расспрашивать моего верного спутника, зачем он не повёз меня прямо в те места, и в тот же день мы добрались до матушкина хуторка́, существова́ния которого я и не подозревал до тех пор. При этом хуторке́ оказался флигелёк, очень ветхий, но нежило́й и потому чистый; я провёл в нем довольно споко́йную ночь.

На следующий день я просну́лся ранёхонько. Солнце только что встало; на небе не было ни одного облачка; всё кругом блесте́ло сильным двойны́м блеском: блеском молоды́х утренних лучей и вчера́шнего ливня. Пока́ мне закла́дывали тарата́йку, я пошёл поброди́ть по небольшо́му, некогда фрукто́вому, теперь одича́лому саду, со всех сторон обступи́вшему флигелёк своей паху́чей, сочной глушью. Ах, как было хорошо на вольном воздухе, под ясным небом, где трепета́ли жаворонки, откуда сыпался серебряный бисер их звонких голосо́в! На крыльях своих они наве́рно унесли капли росы́, и песни их казались орошёнными росо́ю. Я даже шапку снял с головы и дышал радостно — всею грудью... На склоне неглубо́кого оврага, возле са́мого плетня́, виднелась пасека; узенькая тропи́нка вела к ней, извива́ясь змейкой между сплошны́ми стенами бурья́на и крапи́вы, над которыми высились, бог ведает откуда занесённые, остроконе́чные стебли темнозелёной конопли́.

струйка (струя́) — nire
спинно́й хребе́т — selgroog
чутьё — haistmine
осека́ться (ружьё) — mitte lahti minema
осе́чься *
хуторо́к (хутор) — talu
подозрева́ть — aimama
флигелёк (флигель) — tiibhoone, hoovimaja
нежило́й — tühi, asustamata
двойно́й — kahekordne
ливень (р. п. — ливня) — paduvihm
тарата́йка — kaarik
одича́лый — metsistunud
паху́чий (душистый) — lõhnav
глушь (ж. р.) — padrik
жа́воронок — lõoke
бисер — klaashelmed
орошать — niisutama
оросить *
склон — nõlvak
овра́г — org
плете́нь (р. п. — плетня) — põimitud tara
пасека — mesila
извива́ться — looklema
змейка (змея́) — uss, madu
бурья́н — umbrohi
крапи́ва — nõges
конопля́ — kanep

Я отправился по этой тропи́нке; дошёл до пасеки. Рядом с нею стоял плетёный сара́йчик, куда ставят ульи на́ зиму. Я загляну́л в полуоткры́тую дверь: темно́, тихо, сухо; пахнет мятой. В углу приспосо́блены подмо́стки и на них, прикры́тая одея́лом, какая-то маленькая фигура... Я пошёл было прочь...

— Барин, а барин! Пётр Петро́вич! — послы́шался мне голос, слабый, медленный и сиплый, как шелест болотной осо́ки.

Я остановился.

— Пётр Петрович! Подойди́те, пожа́луйста! — повтори́л голос. Он доноси́лся до меня из угла́ с тех, заме́ченных мною, подмо́стков.

Я прибли́зился и остолбене́л от удивле́ния. Передо мною лежа́ло живое челове́ческое существо́, но что это было такое?!

Голова соверше́нно высохшая, одноцве́тная, бронзовая, — ни дать, ни взять — ико́на стари́нного письма́; нос узкий, как ле́звие ножа; губ почти не вида́ть, — только зубы беле́ют и глаза, да из-под платка́ выбива́ются на лоб жидкие пряди жёлтых воло́с. У подборо́дка, на складке одея́ла, движутся, медленно перебира́я пальцами, как палочками, две крошечные руки тоже бронзового цвета. Я вглядываюсь попри́стальнее: лицо не только не безобра́зное, даже краси́вое, — но страшное, необыча́йное. И тем страшне́е кажется мне это лицо́, что по нём, по металли́ческим его щека́м, я вижу — силится... силится и не может распла́ться улыбка.

— Вы меня не узнаёте, барин? — прошепта́л опять голос; он словно испаря́лся из едва шевели́вшихся губ. — Да и где узнать! — Я — Луке́рья... Помните, что хорово́ды у матушки у вашей в Спасском води́ла... помните, я еще запева́лой была?

— Луке́рья! — вскликнул я. — Ты ли это? Возмо́жно ли?

— Я, да, барин, — я. Я — Лукерья.

Я не знал, что́ сказать, и как ошеломлённый глядел на это тёмное, неподви́жное лицо, с устремлёнными на меня светлыми и ме́ртвенными глазами. Возможно ли? Эта мумия — Лукерья,

---

плетёный — punutud
мята — piparmünt
подмо́стки — narid
сиплый — kähe
шелест — kahin
осо́ка — tarn
остолбене́ть (*от чего?*) — tarduma (nagu post)
бронзовый — pronks-
ико́на стари́нного письма́ — vana-aegne, antiikne ikoon
лезвие — tera
жидкий — harv
прядь (ж. р.) — salk
перебира́ть пальцами — liigutama sõrmi
крошечный — tilluke
необыча́йный — ebaharilik
силиться (стара́ться) — püüdma
расплыва́ться (улыбка) — laiali valguma
распла́ться *
води́ть хорово́ды — ringmänge mängima
запева́ла — eeslaulja
ошеломля́ть — rabama
ошеломи́ть *
устремля́ть (глаза́, взгляд) — suunama
устреми́ть *
мертвенный — tardunud (silmad)

первая краса́вица во всей нашей дворне́, — высокая, полная, белая, румя́ная, — хохоту́нья, плясу́нья, певу́нья! Лукерья, умница Лукерья, за которою ухаживали все наши молодые парни, по которой я сам втайне вздыха́л, я — шестнадцатиле́тний мальчик!

— Поми́луй, Лукерья, — проговорил я наконе́ц, — что это с тобой случи́лось?

— А беда́ такая остряла́сь! Да вы не побре́згуйте, барин, не погнуша́йтесь несча́стием моим, — сядьте вон на кату́шечку — поближе, а то вам меня не слышно будет... вишь, я какая голоси́стая стала!.. Ну, уж и рада же я, что увида́ла вас! Как это вы в Алексе́евку попа́ли?

Лукерья говорила очень тихо и слабо, но без остано́вки.

— Меня Ермола́й-охотник сюда завёз. Но расскажи же ты мне...

— Про беду́-то мою рассказать? — Извольте, барин. — Случи́лось это со мной уже давно́, лет шесть или семь. Меня тогда только что помо́лвили за Василья Полякова — помните, такой из себя статный был, кудря́вый, — ещё буфе́тчиком у матушки у вашей служи́л? Да вас уже тогда в деревне не было; в Москву уехали учи́ться. — Очень мы с Васи́лием слюби́лись; из головы́ он у меня не выходи́л; — а дело было весно́ю. Вот раз ночью... уж и до зари́ недалеко́... а мне не спится: соловей в саду таково́ удиви́тельно поёт сладко!.. Не вытерпела я, встала и вышла на крыльцо его послу́шать. Залива́ется он, залива́ется... и вдруг мне почу́дилось: зовёт меня кто-то Васиным голосом, тихо так: — Луша!.. Я глядь в сторону, да знать спросо́нья — оступи́лась, так прямо и полете́ла вниз — да о землю хлоп! И, кажи́сь, не сильно я расши́блась, потому — скоро подняла́сь и к себе в комнату верну́лась. Только словно у меня что внутри́ — в утро́бе — порвало́сь... Дайте дух перевести́... с мину́точку... барин.

Лукерья умо́лкла, а я с изумле́нием гляде́л на неё. Изумля́ло меня собственно то, что она рассказ свой вела́ почти весело, без охов и вздохов, ниско́лько не жалуясь и не напра́шиваясь на участие.

— С са́мого того случая, — продолжала Лукерья, — стала

дворня́ — mõisa teenijaskond
румя́ный — punapõseline
стряслась беда́ — случилось несчастье
(по)бре́зговать — põlgama, jälgiks pidama
(по)гнуша́ться — põlastavaks pidama
кату́шечка (кадка, кату́шка) — pütt, kirn
голоси́стый — kõlava häälega
помо́лвить — kihlama
статный — sihvakas
буфе́тчик — teenija puhveti juures
мне почу́дилось — mulle näis
спросо́нья — une pealt
оступа́ться — mööda astuma
оступи́ться *
расшиби́ться — end ära lööma
утро́ба — sisikond
дух перевести́ — hinge tõmbama
напра́шиваться *на что?* — vägisi tahtma, provotseerima
напроси́ться *

я сохнуть, чахнуть; чернота́ на меня нашла́, трудно мне стало ходи́ть, а там уже — полно и нога́ми владе́ть; ни стоять, ни сидеть не могу: всё бы лежала. И ни пить, ни есть не хочется; всё хуже, да хуже. Матушка ваша по доброте́ своей и лекаря́м меня пока́зывала, и в больни́цу посыла́ла. Одна́ко, облегче́нья мне никакого не вышло. И ни один лекарь даже сказать не мог, что́ за боле́знь у меня такая. Чего они со мной только ни делали: желе́зом раскалённым спину жгли, в колотый лёд сажа́ли — и всё ничего. Совсем я окостене́ла под коне́ц... Вот и порешили́ господа́, что лечи́ть меня больше нечего, а в барском доме держа́ть кале́к неспосо́бно... ну, и переслали́ меня сюда́ — потому тут у меня родственники есть. Вот я и живу́, как видите.

Лукерья опять умолкла и опять си́лилась улыбнуться.

— Это, одна́коже, ужасно, твоё положе́ние! — воскли́кнул я... и не зная, что́ приба́вить, спросил: — а что же Поляко́в Василий? — Очень глуп был этот вопрос.

Лукерья отвела́ глаза немного в сторону.

— Что Поляко́в? — Потужи́л, потужи́л — да и жени́лся на другой, на девушке из Гли́нного. Зна́ете Глинное? От нас недалеко. Аграфе́ной её звали. Очень он меня люби́л, — да ведь человек молодой — не остава́ться же ему холосты́м. И какая уж я ему могла быть подруга? А жену он нашёл себе хорошую, добрую, — и детки у них есть. Он тут у сосе́да в прика́зчиках живёт: матушка ваша по паспорту его отпусти́ла, и очень ему, слава богу, хорошо.

— Итак, ты всё лежишь да лежишь? — спросил я опять.

— Вот так и лежу, барин, седьмо́й годо́к. Летом-то я здесь лежу, в этой плету́шке, а как холодно станет — меня в предба́нник перенесу́т. Там лежу.

— Кто же за тобой ходит? Присма́тривает кто?

— А добрые люди здесь есть тоже. Меня не оставля́ют. Да и ходьбы́ за мной немного. Есть-то, почитай, что не ем ничего́, а вода — вон она в кружке-то: всегда стоит припасённая, чистая, ключева́я вода. До кружки-то я сама дотяну́ться могу: одна рука у меня ещё действовать може́т. Ну, девочка тут есть, сиро́тка; нет, нет — да и наве́дается, спасибо ей. Сейчас тут была... Вы её не встретили? Хорошенькая такая, беленькая. Она

(за)ча́хнуть — kiduraks muutuma
лекарь (врач) — arst
облегче́нье — kergendus
раскаля́ть — kuumaks ajama
раскали́ть *
(о)костене́ть — luustuma
кале́ка — sant, vigane
неспосо́бно — здесь: неудобно
(по)тужи́ть — kurtma
холосто́й — poissmees
прика́зчик — (mõisa) kubjas
плету́шка — плетёный сарайчик
предба́нник — sauna eesruum
ходи́ть *за кем*? — ухаживать *за кем*?
ходьба́ — siin: hoolitsemine
припаса́ть — varuma
припасти́ *
ключево́й — allika (vesi)
сиро́тка — vaeslaps
наве́дываться (посещать) — külastama
наве́даться *

цветы мне носит; большая я до них охо́тница, до цвето́в-то. Садовых у нас нет, — были да перевели́сь. Но ведь и полевы́е цветы хороши́; пахнут ещё лучше садо́вых. Вот хоть бы ландыш... на что прия́тнее!

— И не скучно, не жутко тебе, моя бедная Лукерья?

— А что будешь делать? Лгать не хочу — сперва очень трудно было; а потом привы́кла, обтерпе́лась — ничего; иным ещё хуже быва́ет.

— Это каким же образом?

— А у ино́го и приста́нища нет! А иной — слепо́й или глухо́й! А я, слава богу, вижу прекрасно и всё слышу, всё. Крот под землёю роется — я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Грачи́ха в поле зацветёт или липа в саду — мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерко́м оттуда потяну́ло. Нет, что бога гневи́ть? — многим хуже моего́ бывает. Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согреши́ть может: а от меня сам грех отошёл. Да я, должно быть, и этим самым мысленным грехо́м не больно грешна́, — продолжала Лукерья, — потому я так себя приучи́ла: не думать, а пуще того — не вспомина́ть. Время скорей прохо́дит.

Я, признаю́сь, удивился. — Ты всё одна да одна, Лукерья; как же ты можешь помеша́ть, чтобы мысли тебе в голову не шли? Или ты всё спишь?

— Ой, нет, барин! Спать-то я не всегда́ могу. Хоть и больших болей у меня нет, а ноет у меня там, в самом нутре́, и в костя́х тоже; не даёт спать, как следует. Нет... а так лежу я себе, лежу-полёживаю, — и не думаю; чу́ю, что жива́, дышу́ — и вся я тут. Смотрю, слушаю. Пчёлы на пасеке жужжа́т да гудя́т; голубь на крышу сядет и заворку́ет; курочка-насе́дочка зайдёт с цыпля́тами крошек поклева́ть; а то воробе́й залетит или бабочка — а мне очень прия́тно. В позапро́шлом году так даже ласточки вон там в углу гнездо́ себе свили и детей вывели. Уж как же оно было заня́тно! — Одна влети́т, к гнёздышку припадёт,

---

большая охотница *до чего?* — väga armastav
переводи́ться — ära kaduma, välja surema
перевести́сь *
жутко — õudne
обтерпе́ться — harjuma (õnnetusega, valuga)
приста́нище — peavari
крот — mutt
грачи́ха — tatar
(про)гневи́ть — pahandama kedagi
(со)греши́ть — patustama
грех — patt
грешный — patune
приуча́ть *к чему?* — harjutama, õpetama
приучи́ть *
(за)ны́ть (но́ю, но́ешь) — valutama, tuikama
нутро́ — sisikond
(по)чу́ять (чувствовать) — tundma
(за)воркова́ть — kudrutama
насе́дка (насе́дочка) — hauduja (kana)
позапро́шлый — tunamullune (aasta)
заня́тно — интересно

деток накормит — и вон. Глядишь — уж на смену ей другая. Иногда не влетит, только мимо раскры́той двери пронесётся, а детки тотчас — ну пища́ть, да клювы раззева́ть... Я их и на следующий год поджида́ла, да их, говорят, один здешний охотник из ружья́ застрели́л. И на что́ покоры́стился? Вся́-то она, ласточка, не больше жука́... Какие вы, господа́-охотники, злые!

— Я ласточек не стреля́ю, — поспеши́л я заме́тить.

— А то раз, — начала опять Лукерья, — вот смеху-то было! Заяц забежа́л, право! Собаки, что ли, за ним гнались, только он прямо в дверь как прика́тит!.. Сел близёхонько — и долготаки сидел, — все носом води́л и уса́ми дёргал — настоящий офице́р! И на меня смотре́л. Понял, значит, что я ему не страшна́. Наконец встал, прыг-прыг к двери, на поро́ге огляну́лся — да и был тако́в. Смешно́й такой!

Лукерья взглянула на меня... аль, мол, не заба́вно? Я, в уго́ду ей, посмеялся. Она покуса́ла пересо́хшие губы.

— Ну, зимо́ю, конечно, мне хуже — потому — темно; свечку зажечь жалко, да и к чему́? Я хоть грамоте знаю и читать всегда охотница была, но что читать? Книг здесь нет никаких, да хоть бы и были, как я буду держа́ть её книгу-то? Отец Алексей мне, для рассе́янности, принёс календа́рь; да видит, что пользы нет, взял да унёс опять. Однако, хоть и темно, а все слушать есть что: сверчо́к затрещи́т, али мышь где скрести́сь станет. — Вот тут-то хорошо: не думать!

— А то я моли́твы читаю, — продолжа́ла, отдохну́в немного, Лукерья. — Только немного я знаю их, этих самых моли́тв. Да и на что я стану господу богу наскучать? О чём я его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Посла́л он мне крест — значит меня он любит. Так нам велено это понима́ть.

Прошло́ минуты две. Я не наруша́л молча́нья и не шевели́лся на узенькой каду́шке, служи́вшей мне сиде́ньем. Жесто́кая, каменная неподви́жность лежа́вшего передо мною живого, несчастного существа́ сообщи́лась и мне: я тоже словно оцепене́л.

— Послушай, Лукерья, — начал я наконец. — Послушай, какое я тебе предложе́ние сделаю. Хочешь, я распоряжу́сь: тебя в больни́цу перевезу́т, в хорошую, городску́ю больницу? Кто знает, быть может, тебя ещё вылечат? Во всяком случае ты одна не будешь...

Лукерья чуть-чуть двинула бровя́ми. — Ох, нет, барин, —

раззева́ть — laiali ajama (nokka)
(по)кори́ться — ahnitsema
усы́ — vurrud
поро́г — lävi
да и был тако́в! — ja kadus!
заба́вно — интересно
ей в уго́ду — tema meeleheaks
для рассе́янности — siin: meelelahutuseks
сверчо́к — kilk
моли́тва — palve
наскучать (надоедать) *кому*? — tüütama
сиде́нье — istekoht
неподви́жность (ж. р.) — liikumatus
оцепене́ть — tarduma
бровь (ж. р.) — kulm

промо́лвила она́ озабо́ченным шёпотом, — не переводи́те меня в больницу, не трогайте меня. Я там только больше му́ки приму́. — Уж куда меня лечи́ть!.. Вот как-то раз доктор сюда приезжа́л; осма́тривать меня захотел. Я его прошу: не трево́жьте вы меня, христа ра́ди. Куда! Перевора́чивать меня стал, руки, ноги размина́л, разгиба́л; говорит: это я для учёности делаю; на то я служащий человек, учёный! И ты, говорит, не проти́вься мне, потому что мне за мои труды́ орден на шею дан, и я для вас же, дурако́в, стара́юсь. Потормоши́л, потормоши́л меня, назвал мне мою болезнь — мудрено́ таково́ — да с тем и уехал. А у меня потом целую неделю все косточки ныли. Вы говорите: я одна бываю, всегда одна. Нет, не всегда. Ко мне ходят. Я смирная — не меша́ю. Девушки крестья́нские зайдут, поговоря́т; странница забредёт, станет про Иерусалим рассказывать, про Киев, про святы́е города́. Да мне и не страшно одной быть. Даже лучше, ей-ей! Барин, не трогайте меня, не вози́те в больницу... Спасибо вам, вы добрый, только не трогайте меня, голу́бчик.

— Ну, как хочешь, как хочешь, Лукерья. Я ведь для твоей же пользы полага́л...

— Знаю, барин, что для моей пользы. Да, барин, милый, кто другому помочь может? Кто ему в душу войдёт? Сам себе человек помога́й! Вы вот не пове́рите — а лежу я иногда так-то одна... и словно никого в целом свете кроме меня нету. Только одна я — жива́я! И чудится мне, будто что меня осени́т... Возьмёт меня размышле́ние — даже удивительно!

— О чём же ты тогда размышля́ешь, Лукерья?

— Этого, барин, тоже никак нельзя́ сказать: не растолку́ешь. Да и забыва́ется оно потом. Придёт, словно как тучка, прольётся, свежо́ так, хорошо станет, а что такое было — не поймёшь! Только думается мне: будь около меня люди — ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, кроме своего несча́стья.

Лукерья вздохну́ла с трудом. Грудь ей не повинова́лась — так же, как и остальны́е члены.

— Как погляжу́ я, барин, на вас, — начала она снова, — очень вам меня жалко. А вы меня не слишком жале́йте, право! Я вам, например, что скажу: я иногда и теперь... Вы ведь помните, какая я в свое время была весёлая? Бой-девка!.. так знаете что? Я и теперь песни пою.

— Песни?.. Ты?

озабо́ченный — murelik
му́ка — piin
христа́ ра́ди — jumala pärast, jumala nimel
размина́ть — painutama, sõtkuma
разгиба́ть — lahti painutama
разогну́ть *
проти́виться — vastu panema
(по)тормоши́ть — väntsutama
стра́нница — (palve-)rändaja
осеня́ть — sähvatama (mõte)
осени́ть *
размышле́ние — mõtisklus
бой-девка — terane tüdruk

— Да, песни, старые песни, хорово́дные, всякие! Много я их ведь знала и не забыла. Только вот плясовы́х не пою. В теперешнем моём звании — оно не годи́тся.

— Как же ты поёшь их... про себя?

— И про себя и голосом. Громко-то не могу, а всё — понять можно. Вот я вам сказывала — девочка ко мне ходит. Сиро́тка, значит, поня́тливая. Так вот я её выучила; четыре песни она уже у меня переняла. Аль не верите? Постойте, я вам сейчас...

Лукерья собрала́сь с духом... Мысль, что это полумёртвое существо́ гото́вится запе́ть, возбуди́ла во мне нево́льный ужас. Но прежде, чем я мог промо́лвить слово, — в ушах моих задрожа́л протя́жный, едва слышный, но чистый и верный звук... за ним после́довал другой, третий. «Во лузях» пела Лукерья. Она пела, не измени́в выражения своего окамене́лого лица, у́стави́в даже глаза. Но так трогательно звене́л этот бедный, как струйка дыма, колеба́вшийся голосок, так хотелось ей всю душу вылить... Уже не ужас чувствовал я: жалость неска́занная стиснула мне сердце.

— Ох, не могу! — проговори́ла она вдруг, — силушки не хвата́ет... Очень уж я вам обра́довалась.

Она закрыла глаза.

Я положил руку на её крошечные, холодные пальчики... Она взгляну́ла на меня — и её тёмные веки, опушённые золоти́стыми ресни́цами, как у древних ста́туй, закрылись снова. Спустя мгнове́нье, они заблиста́ли в полутьме́... Слеза́ их смочи́ла.

Я не шевелился по-пре́жнему.

— Экая я! — проговори́ла вдруг Лукерья с неожи́данной силой, и, раскры́в широко́ глаза́, постара́лась смигну́ть с них слезу́. — Не стыдно ли? Чего я? Давно этого со мной не случа́лось... с са́мого того дня как Поляко́в Вася у меня был прошлой весно́й. Пока́ он со мной сидел да разгова́ривал — ну, ничего; а как ушёл он — попла́кала я-таки в одино́чку! Откуда брало́сь!.. Да ведь у нашей сестры́ слёзы неку́пленные. — Барин, — прибавила Лукерья, — чай у вас плато́чек есть... Не побре́згуйте, утри́те мне глаза.

Я поспеши́л испо́лнить её желание — и платок ей оставил. Она сперва отка́зывалась... на что, мол, мне такой пода́рок? Платок был очень просто́й, но чистый и белый. Потом она охва-

---

плясово́й — tantsu-
в моём зва́нии (в моём положе́нии) — siin: minu olukorras
поня́тливый — terane, arusaaja
собра́ться с духом — jõudu koguma
ужас — õudus
трогательно — liigutavalt
струйка дыма — suitsu viirg
жалость — haledus, hale meel
неска́занный — ütlemata, tugev
стискивать (жать) — kokku pigistama, suruma
стиснуть *
веки — laud
опушённый — äärestatud
ресни́цы — ripsmed
смигну́ть — ära pilgutama
чай — наверно
(по)бре́зговать — jälgiks pidama

ти́ла его своими слабыми пальцами и уже не разжа́ла их более. Привы́кнув к темноте́, в которой мы оба находи́лись, я мог ясно различи́ть её черты, мог даже заме́тить тонкий румя́нец, проступи́вший сквозь бронзу её лица, мог откры́ть в этом лице, так по крайней мере мне каза́лось, — следы́ его быва́лой красоты́.

— Вот вы, ба́рин, спрашивали меня, — заговори́ла опять Лукерья, — сплю ли я? Сплю я точно редко, но всякий раз сны вижу, — хорошие сны! Никогда я больно́й себя не вижу: такая я всегда во сне здоровая да молодая... Одно горе: проснусь я — потяну́ться хочу хорошенько — ан я вся как скованная. Раз мне какой чуде́сный сон присни́лся! Хотите расскажу вам? — Ну, слушайте. — Вижу я, будто стою я в поле, а кругом рожь, такая высокая, спелая, как золота́я!.. И будто со мной соба́чка рыженькая, злющая-презлю́щая — всё укуси́ть меня хочет. И будто в рука́х у меня серп, и не просто́й серп, а самый как есть месяц, вот когда он на серп похо́ж бывает. И этим самым месяцем должна я эту самую рожь сжать до́чиста. Только очень меня от жары́ растоми́ло, и месяц меня слепи́т, и лень на меня нашла́; а кругом васильки растут, да такие крупные! И все ко мне головками повернулись. И думаю я: нарву́ я этих васильков; Вася прийти обеща́лся — так вот я себе вено́к сперва совью́; жать-то я ещё успею. Начинаю я рвать васильки́, а они у меня промеж пальцев тают да тают, хоть ты что! И не могу я себе венок свить. А между тем я слышу — кто-то уж идёт ко мне, близко таково́, и зовёт: Луша! Луша!.. Ай, думаю, беда́ — не успела! Всё равно́, наде́ну я себе на го́лову этот месяц, заме́сто васильков. Надеваю я месяц, ровно как кокошник, и так сама сейчас вся засия́ла, всё поле кругом осветила́. Глядь — по самым верху́шкам коло́сьев катит ко мне скорёхонько — только не Вася — а сам Христо́с! И почему я узнала, что это Христос — сказать не могу, — таким его не пишут, — а только он! Безборо́дый, высокий, молодой, весь в белом, — только пояс золото́й, — и ручку мне протя́гивает. — «Не бойся, говорит, неве́ста моя разу́бранная, ступа́й за мною; ты у меня в царстве небе́сном хорово́ды води́ть будешь и песни играть райские». — И я к его ручке как прильну́! — собачка моя сейчас меня за ноги... Но тут мы взвились! Он впереди́... Крылья у него по-всему небу развернулись, длинные, как у чайки, — и я за ним! И собачка должна

румя́нец — punа
потяну́ться — end sirutama
(с)кова́ть — aheldama
злю́щий — очень злой
месяц — noorkuu
растоми́ть — väsitama
(о)слепи́ть — pimestama
василёк (р. п. — василька) — rukkilill
хоть ты что́! — tee mis tahes!
кокошник — kokošnik, vene naiste peaehe
разу́бранный (украшенный) — ehitud
царство небе́сное — taevariik
райский — paradiisi-
(при)льну́ть — liibuma
(вз)ви́ться — õhku tõusma
развернуться — laiali laotuma
чайка — kajakas

отста́ть от меня. Тут только я поняла́, что эта собачка — боле́знь моя и что в царстве небе́сном ей уже места не будет.

Лукерья умолкла на минутку.

— А то ещё видела я сон, — начала она снова, — а быть может это было мне виде́ние — я уж и не знаю. Почу́дилось мне, будто я в самой этой плету́шке лежу и прихо́дят ко мне мои поко́йные родители — батюшка да матушка — и кланяются мне низко, а сами ничего не говорят. И спрашиваю я их: зачем вы, батюшка и матушка, мне кланяетесь? А затем, говорят, что так как ты на сем свете много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчи́ла, но и с нас большую тяжесть сняла́. И нам на том свете стало много спосо́бнее. Со своими грехами ты уже поко́нчила; теперь наши грехи побежда́ешь. И, сказа́вши это, родители мне опять поклони́лись — и не стало их видно: одни стены видны́. Очень я пото́м сомнева́лась, что́ это такое со мною было. Даже батюшке рассказа́ла. Только он так полага́ет, что это было не виде́ние, потому что видения бывают одному духо́вному чину.

— А то вот ещё какой мне был сон, — продолжала Лукерья. — Вижу я что сижу я эдак будто на большой доро́ге под раки́той, палочку держу остру́ганную, кото́мка за плеча́ми и голова платком оку́тана — как есть странница! И идти мне куда-то далеко́-далеко на богомо́лье. И прохо́дят мимо меня всё странники; идут они тихо, словно не́хотя, всё в одну сторону; лица у всех уны́лые и друг на дружку все очень похо́жи. И вижу я: вьётся, мечется между ними одна женщина, целой голово́й выше других, и платье на ней осо́бенное, словно не наше, не русское. И лицо тоже особенное, строгое. И будто все другие от неё сторо́нятся; а она вдруг верть — да прямо ко мне. Останови́лась и смотрит; а глаза у ней, как у сокола, жёлтые, большие и светлые-пресве́тлые. И спрашиваю я её: кто ты? — А она мне говорит: «Я смерть твоя». Мне чтобы испуга́ться, а я напротив — рада-радёхонька. И говорит мне та женщина, смерть моя: «Жаль мне тебя, Лукерья, — но взять я тебя с собо́ю не могу. — Прощай!» Господи! как мне тут грустно стало!.. «Возьми меня», говорю, «матушка, голу́бушка, возьми!» — И смерть моя оберну́лась ко мне, стала мне выгова́ривать... Понимаю я, что назначает она мне мой час, да непоня́тно так, неясно... После, мол, петро́вок... С этим я просну́лась... Такие-то у меня бывают сны удиви́тельные!

виде́ние — nägemus
(по)чу́диться — näima
(по)му́читься — piinlema
полага́ть — oletama
духо́вный чин — vaimulik
раки́та — paju
(о)струга́ть — vestma
кото́мка — leivakott
стра́нник — (palve-)rändur
(за)мета́ться — visklema
(по)стороня́ться — kõrvale hoidma
со́кол — pistrik (kull)
выгова́ривать — noomima
петро́вки — paast enne peetri päeva

Лукерья подня́ла глаза кверху... заду́малась...

— Только вот беда моя: случается, целая неделя пройдёт, а я не засну́ ни разу. В прошлом году барыня одна проезжа́ла, увидела меня да и дала мне скляночку с лека́рством против бессо́нницы; по десяти капель приказа́ла принима́ть. Очень мне помога́ло, и я спала́; только теперь давно та скляночка выпита... Не знаете ли, что́ это было за лекарство и как его получи́ть?

Проезжа́вшая барыня очевидно дала Лукерье опиума. Я обещался доста́вить ей такую же скляночку и опять-таки не мог не подиви́ться вслух ее терпе́нью.

— Эх, барин! — возрази́ла она. — Что вы это? Какое такое мое терпе́ние? Вот Симеона Столпника́ терпе́ние было точно великое: тридцать лет на столбу простоя́л! А другой уго́дник себя в землю зарыть велел по самую грудь, и муравьи́ ему лицо ели... А то вот ещё мне рассказывали: была некая страна, и ту страну агаряне завоева́ли, и всех жителей они мучили и уби́вали; и что ни делали жители, освободи́ть себя никак не могли. И появи́сь тут между теми жителями святая девственница; взяла́ она меч великий, латы на себя возложи́ла двухпудо́вые, пошла на агаря́н и всех их прогнала́ за море. А только прогна́вши их, говорит им: теперь вы меня сожги́те, потому что такое было мое обеща́ние, чтобы мне огненною смертью за свой народ помере́ть. — И агаряне её взяли и сожгли́, а народ с той поры навсегда освободи́лся! Вот это подвиг! А я что!

Подиви́лся я тут про себя, куда и в каком виде зашла́ леге́нда об Иоанне д'Арк, и, помолча́в немного, спросил Лукерью: сколько ей лет?

— Двадцать восемь... али девять... Тридцати́ не будет. Да что их считать, года́-то! Я вам ещё вот что доложу...

Лукерья вдруг как-то глухо кашлянула, охнула...

— Ты много говоришь, — заме́тил я ей, — это может тебе повреди́ть.

— Правда, — прошепта́ла она едва слышно, — разговору нашему конец; да куда ни шло! Теперь, как вы уедете, намолчу́сь я вволю. По крайности, душу отвела́...

Я стал проща́ться с нею, повтори́л ей моё обещание прислать ей лека́рство, попросил её ещё раз хорошо́нько подумать и сказать мне — не нужно ли ей чего?

— Ничего мне не нужно; всем дово́льна, слава богу, —

скля́нка — (скля́ночка) — pudel
бессо́нница — unepuudus
столб — post
уго́дник — pühak
агаря́не — türklased, muhameedlased
девственница — neitsi
латы — raudrüü
огненный — tule-
докла́дывать — ette kandma, jutustama
доложи́ть *
(по)вреди́ть — kahjustama
отводи́ть душу — kergendama südant
отвести́ * душу

с величáйшим усúлием, но умилённо произнослá она. — Дай бог всем здоровья! А вот вам бы, барин, матушку вашу уговорúть — крестьяне здешние бедные — хоть бы малость обрóку с них она сбавила! Землú у них недостáточно... Они бы за вас богу помолúлись... А мне ничего не нужно, — всем довóльна.

Я дал Лукерье слово испóлнить её просьбу, и подходúл уже к дверям... она подозвалá меня опять.

— Помните, барин, — сказала она — и чудное что-то мелькнýло в её глазах и на губах, — какая у меня была косá? Помните — до самых колéн! Я долго не решáлась... Эдакие волосы!.. Но где же их было расчёсывать? В моем-то положéнии!.. Так уж я их и обрезала... Да... Ну, простúте, барин! Больше не могу...

В тот же день, прежде чем отпрáвиться на охóту, был у меня разговор о Лукерье с хуторским десятским. Я узнал от него, что её в деревне прозывáли «Живые Мощи», что, впрочем, от неё никого не видать беспокóйства; ни рóпота от неё не слыхать ни жалоб. — «Сама ничего не требует, а напротив — за все благодáрна; тихóня, как есть тихоня, так сказать надо. Богом убúтая» — так заключил десятский — «стало быть, за грехú; но мы в это не входим. А чтобы, например, осуждать её — нет, мы её не осуждáем. Пущай её!»

*

Несколько недель спустя́, я узнал, что Лукерья скончáлась. Смерть пришлá-таки за ней... и «после петрóвок». Рассказывали, что в самый день кончúны она всё слышала колоко́льный звон, хотя от Алексéевки до церкви считáют пять вёрст с лишком и день был будничный. Впрочем, Лукерья говорúла, что звон шёл не от церкви, а «сверху». — Вероя́тно она не посмéла сказать: с неба.

умилённо — heldinult
обрóк — kruntrent, obrok
десятский — (küla)kümnik
ропот — nurin
тихóня — vagur
осуждáть — hukka mõistma
осудúть *
скончáться (умереть) — surema
день кончúны — surmapäev
будничный — argipäev
звон — helin

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

(1828—1889)

ОСОБЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК.

(Отры́вок из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».)

... Таки́х люде́й, как Рахме́тов, мало: я встретил до сих пор только восемь образцо́в этой поро́ды (в том числе́ двух женщин) ... Рахме́тов был из фами́лии, изве́стной с XIII века, то есть одной из древне́йших не только у нас, а и в целой Европе... Отец (его) служи́л без уда́чи и без паде́ний, в сорок лет вышел в отста́вку генера́л-лейтена́нтом и посели́лся в одном из свои́х поме́стий, разбро́санных по верхо́вью Медве́дицы. Поме́стья были, одна́кож, не очень вели́ки, всего душ тысячи две с полови́ною, а детей на деревенском досу́ге яви́лось много, человек восемь; наш Рахметов был предпосле́дний, моло́же его была́ одна сестра; потому́ наш Рахметов был уже́ человек не с бога́тым насле́дством: он получи́л около четырёхсот душ да семь тысяч десяти́н земли́. Как он распоряди́лся с душами и с пятью́ тысячами пятьюста́ми десяти́нами земли, это не было изве́стно никому, не было изве́стно и то, что за собо́ю оста́вил он тысячу пятьсо́т десяти́н, да не было изве́стно и вообще́ то, что он поме́щик и что, отдава́я в аре́нду оста́вленную за собо́ю долю земли, он име́ет всё-таки ещё до трёх тысяч рублей дохо́да... Это мы узна́ли после, а тогда полага́ли, коне́чно, что он одной фами́лии с теми Рахметовыми, между которыми много бога́тых поме́щиков, у которых, у всех однофами́льцев вместе, до семи́десяти пяти́ тысяч душ по верхо́вьям Медве́дицы, Хопра, Суры и Цны, кото́рые бессме́нно быва́ют уе́здными предводи́телями тех мест, и не тот, так другой постоя́нно быва́ют губе́рнскими предводи́телями то в той, то

поро́да — sugu, liik, rass
паде́ние — langus
поме́стье — имение
разброса́ть — laiali pilduma
разбро́сить *
верхо́вье — jõe ülemvool
предпосле́дний — eelviimane
насле́дство — pärandus
десяти́на — 1,092 ha
распоряжа́ться — korraldusi andma, toimima
распоряди́ться *
бессме́нно — vahetpidamata, alaliselt

в другой из трёх губе́рний, по которым теку́т их крепостны́е верхо́вья рек. И знали мы, что наш знако́мый Рахметов прожива́ет в год рублей четыреста; для студе́нта это было тогда очень не мало, но для поме́щика из Рахметовых уже́ слишком мало...

Теперь ему было двадцать два года, а студе́нтом он был с шестна́дцати лет; но почти на три года он покида́л университе́т. Вышел из второ́го курса, пое́хал в поме́стье, распоряди́лся, победи́в сопротивле́ние опеку́на, заслужи́в ана́фему от братьев и дости́гнув того, что мужья́ запрети́ли его сёстрам произноси́ть его имя; пото́м скита́лся по России разными мане́рами: и сухи́м путём, и водо́ю, и тем и другою по-обыкнове́нному и по-необыкнове́нному, — наприме́р, и пешко́м, и на расши́вах, и на лодках, имел много приключе́ний, которые все сам устра́ивал себе́; между прочим, отвёз двух человек в Казанский, пятеры́х в Московский университе́т, — это были его стипендиа́ты, а в Петербург, где сам хотел жить, не привёз никого, и потому́ никто из нас не знал, что у него не четыреста, а три тысячи рублей дохо́да...

Но если никому́ из петербургских знако́мых Рахметова не были изве́стны его родственные и денежные отноше́ния, зато́ все, кто его знал, знали его под двумя́ прозвищами; одно из них... «ригори́ст»; его он принима́л с обыкнове́нною свое́ю лёгкою улы́бкою мрачнова́того удово́льствия. Но когда его называ́ли Ники́тушкою, или Ломовым, или по полному прозвищу Никитушкою Ломовым, он улыба́лся широко́ и сладко и имел на то справедли́вое основа́ние, потому́ что не получи́л от приро́ды, а приобрёл твёрдостью воли право носи́ть это славное между миллио́нами люде́й имя. Но оно греми́т славою только на полосе́ в сто вёрст ширино́ю, иду́щей по восьми губе́рниям; чита́телям остально́й России надобно объясни́ть, что это за имя. Ники́тушка Ломов, бурлак, ходивший по Волге лет двадцать-пятнадцать тому наза́д, был гига́нт геркуле́совской силы; пятнадцати вершко́в ростом, он был так широ́к в груди́ и в плеча́х, что весил пятнадцать пудо́в, хотя́ был человек только плотный, а не толстый. Какой он был силы, об этом дово́льно сказа́ть одно: он получа́л плату за четырёх человек. Когда́ судно приставало́ к городу, и он шёл на рынок, по-во́лжскому на база́р, по дальним переу́лкам раздава́лись крики парне́й: «Никитушка Ломов идёт, Никитушка Ломов идёт!» — и все бежа́ли на улицу,

---

сопротивле́ние — vastuseis
опеку́н — hooldaja
заслужи́ть ана́фему — ära teenima needmist
(по)скита́ться — rändama, ümber hulkuma
расши́ва — большая лодка
прозвище — hüüdnimi
ригори́ст — здесь: революционер
мрачнова́тый — süngevõitu
плотный — tüse

веду́щую с пристани к база́ру, и толпа́ народа вали́ла вслед за свои́м богатырём.

Рахметов в шестнадцать лет, когда прие́хал в Петербург, был с этой стороны́ обыкнове́нным юношею дово́льно высо́кого роста, дово́льно крепким, но далеко не замеча́тельным по силе: из десяти́ встречных его сверстников, наве́рное двое сладили бы с ним. Но на полови́не семнадцатого года он вздумал, что нужно приобрести́ физическое бога́тство, и начал рабо́тать над собо́ю. Стал очень усе́рдно занима́ться гимна́стикою; это хорошо, но ведь гимна́стика только соверше́нствует материа́л, надо запаса́ться материа́лом. И вот на время, вдвое бо́льшее заня́тий гимна́стикою, на несколько часо́в в день, он становился чернорабо́чим по работам, требующим силы: вози́л воду, таска́л дрова́, руби́л дрова, пили́л лес, тесал камни, копа́л землю, кова́л железо; много работ он проходи́л и часто меня́л их, потому́ что от каждой новой работы, с каждой переме́нной, получа́ют новое разви́тие какие-нибудь мускулы. Он принял боксёрскую дие́ту: стал корми́ть себя, — именно кормить себя, — исключи́тельно вещами, име́ющими репута́цию укрепля́ть физи́ческую силу, больше всего бифште́ксом, почти́ сыры́м, и с тех пор всегда жил так. Через год после нача́ла этих заня́тий он отпра́вился в своё странствование и тут имел ещё больше удо́бства занима́ться разви́тием физи́ческой силы: был пахарем, плотником, перево́зчиком и работником всяких здоро́вых промыслов; раз даже прошёл бурлако́м всю Волгу, от Дубо́вки до Рыбинска. Сказать, что он хочет быть бурлако́м, показа́лось бы хозя́ину судна и бурлака́м верхом нелепости, и его не приняли бы; но он сел просто пассажи́ром, подружи́вшись с арте́лью, стал помога́ть тяну́ть лямку и через неде́лю запря́гся в неё, как следует настоя́щему рабо́чему; скоро заме́тили, как он тянет, начали пробовать силу, — он перетя́гивал трои́х, даже четверы́х самых здоро́вых из своих товарищей; тогда ему было двадцать лет, и товарищи его по лямке окрестили его Никитушкою Ломовым, по памяти геро́я, уже сошедшего тогда со сцены. На следующее лето он ехал на парохо́де; один из простонаро́дия, толпившегося на палубе, оказа́лся его прошлого́дним сослужи́вцем по лямке и таким-то образом его спутники студенты узна́ли, что его следует

пристань — sadam
(по)вали́ть *за кем? за чем?* — murruna tormama
богатырь — vägilane
сверстник — ühevanune
сладить *с кем?* — jagu saama kellestki
тесать камни — kive tahuma
странствование — rändamine
нелепость — mõttetus
лямка — õlapael
запрягаться — end ette rakendama
запрячься *
(о)крестить — ristima
сошедший со сцены — kadunud, tegevusalalt lahkunud
простонародие — lihtrahvas
сослуживец — kaasteenija

звать Ники́тушкою Ломовым. Действи́тельно, он приобрёл и, не щадя́ вре́мени, подде́рживая в себе непоме́рную силу.

«Так нужно, — говорил он, — это даёт уваже́ние и любовь просты́х люде́й. Это поле́зно, может пригоди́ться».

Это ему засе́ло в голову с полови́ны семна́дцатого года, потому что с этого времени и вообще́ начала развива́ться его осо́бенность. Шестнадцати лет он прие́хал в Петербург обыкнове́нным, хоро́шим, кончившим курс гимнази́стом, обыкновенным добрым и честным юношею и провёл месяца три, четыре по-обыкнове́нному, как прово́дят начина́ющие студе́нты. Но стал он слышать, что есть между студе́нтами осо́бенно умные головы, которые думают не так, как другие, и узна́л с пято́к имён таких люде́й, — тогда их было ещё мало. Они заинтересова́ли его, он стал иска́ть знако́мства с кем-нибудь из них; ему случи́лось сойти́сь с Кирса́новым, и начало́сь его перерожде́ние в осо́бенного человека, в будущего Никитушку Ломова и ригори́ста. Жадно слушал он Кирсанова в первый вечер, плакал, прерыва́л его слова́ восклица́ниями прокля́тий тому́, что должно поги́бнуть, благослове́ний тому́, что должно жить. «С каких же книг мне нача́ть чита́ть?» Кирсанов указа́л. Он на другой день уже́ с восьми́ часо́в утра́ ходи́л по Невскому, от Адмиралтейской до Полице́йского моста, выжида́я, како́й немецкий или французский книжный магази́н первый откро́ется, взял, что нужно, и чита́л больше трёх суток сряду, — с одиннадцати часов утра́ четверга́ до девяти́ часо́в вечера воскресе́нья, — восемьдесят два часа́; первые две ночи не спал так, на третью выпил восемь ста-ка́нов крепча́йшего кофе, до четвёртой ночи нехвати́ло силы ни с каким кофе, он повали́лся и проспа́л на полу́ часо́в пятнадцать. Через неде́лю он пришёл к Кирсанову, потре́бовал указа́ний на новые книги, объясне́ний; подружи́лся с ним, пото́м через него подружи́лся с Лопуховым. Через полго́да, хоть ему было только семнадцать лет, а им уж по двадцать одному́ году, они уж не счита́ли его молоды́м человеком сравни́тельно с собою, и уж он был осо́бенным человеком.

Какие зада́тки для того лежа́ли в его прошлой жизни? Не очень большие, но лежа́ли. Отец его был челове́к деспоти́ческого хара́ктера, очень умный, образованный, и ультра-консерва́тор, но честный. Ему, коне́чно, было тяжело. Это одно ещё ничего бы. Но мать его, женщина дово́льно делика́тная, страда́ла от тяжёлого хара́ктера мужа, да и видел он что в дере́вне!.. За несколько времени перед тем, как вышел он из университе́та и отпра́вился в своё поме́стье, пото́м в странствование по России, он

не щадя́ времени — aega arvestamata
непоме́рный — очень большой
засе́сть в голову — pähe kindlasti püsima jääma
перерожде́ние — ümbersünd
прокля́тие — needus
благослове́ние — õnnistus
(по)вали́ться — ümber kukkuma
зада́ток — eeldus

уже принял оригина́льные при́нципы и в материа́льной, и в нравственной, и в умственной жизни, а когда он возврати́лся, они уже разви́лись в зако́нченную систе́му, которой он держа́лся неуклонно. Он сказал себе: «Я не пью ни капли вина́. Я не прикаса́юсь к женщине». А нату́ра была кипу́чая. «Зачем это? Такая кра́йность вовсе не нужна́». — «Так нужно. Мы требуем для люде́й полного наслажде́ния жизнью, — мы должны своею жизнью свидетельствовать, что мы требуем этого не для удовлетворе́ния свои́м личным страстя́м, не для себя лично, а для человека вообще́, что мы говори́м только по принципу, а не по пристра́стию, по убежде́нию, а не по личной на́добности».

Поэтому же он стал и вообще́ вести самый суро́вый образ жизни. Чтобы сделаться и продолжа́ть быть Никитушкою Ломовым, ему нужно было есть говя́дину, много говя́дины, — и он ел её много. Но он жале́л каждой копе́йки на какую-нибудь пищу, кроме говя́дины; говя́дину он веле́л хозя́йке брать самую отли́чную, наро́чно для него самые лучшие куски́, но остально́е ел у себя дома всё только самое дешёвое. Отказа́лся от белого хлеба, ел только чёрный за свои́м столо́м. По целым неде́лям у него не быва́ло во рту куска́ сахару, по целым месяцам никако́го фрукта, ни куска́ теля́тины или пуля́рки. На свои деньги он не покупа́л ничего подо́бного: «Не име́ю права тратить деньги на при́хоть, без кото́рой могу обойти́сь», — а ведь он воспи́тан был на роско́шном столе́ и имел тонкий вкус, как видно было по его замеча́ниям о блюдах; когда он обе́дал у кого-нибудь за чужи́м столо́м, он ел с удово́льствием многие из блюд, от которых отка́зывал себе в своём столе, других не ел и за чужи́м столо́м. Причи́на различе́ния была основа́тельная: «То, что ест, хотя́ по временам, просто́й народ, и я могу́ есть при случае. Того, что никогда недосту́пно простым людям, и я не должен есть! Это нужно мне для того, чтобы хотя несколько чувствовать, наско́лько стеснена́ их жизнь сравни́тельно с мое́ю». Поэтому, если подава́лись фрукты, он абсолю́тно ел яблоки, абсолю́тно не ел абрико́сов; апельси́ны ел в Петербурге, не ел в провинции, — видите, в Петербурге просто́й народ ест их, а в прови́нции не ест. Паште́ты ел потому, что «хороший пиро́г не хуже паште́та, и слоёное тесто знако́мо просто́му народу», но сарди́нок не ел. Одева́лся он очень бедно, хоть люби́л изя́щество, и во всём

при́нцип — põhimõte
неуклóнно — kindlalt
(при)каса́ться — puutuma
кипу́чий — keev
наслажде́ние — nauding
пристра́стие — tuju, kapriis
убежде́ние — veendumus
на́добность (ж. р.) — vajadus
суро́вый — karm
образ жизни — eluviis, elulaad
говя́дина — loomaliha
теля́тина — vasikaliha
пуля́рка — kanaliha
при́хоть — kapriis, tuju
роско́шный стол — rikkalik toit (laud)
блю́до — roog, liud
стесня́ть — kitsendama
стесни́ть *
слоёное тесто — muretaigen
изя́щество — elegants

остально́м вел спарта́нский о́браз жизни: например, не допускал тюфяка́ и спал на войло́ке, даже не разреша́я себе сверну́ть его вдвое.

Было у него угрыз е́ние совести, — он не бросил кури́ть: «Без сига́ры не могу думать; если действи́тельно так, я прав; но, быть может, это слабость воли». А дурны́х сига́р он не мог кури́ть, — ведь он воспи́тан был в аристократи́ческой обстано́вке. Из четырёхсот рубле́й его расхо́да до ста пяти́десяти выходи́ло у него на сига́ры. «Гнусная слабость», как он выража́лся. Только она и дава́ла некоторую возмо́жность отбива́ться от него: если уж начнёт слишком доезжа́ть свои́ми обличе́ниями, доезжа́емый скажет ему: «Да ведь соверше́нство невозмо́жно, — ты же куришь», — тогда Рахметов приходи́л в двойну́ю силу обличе́ния, но большую полови́ну укори́зн обраща́л уже́ на себя, облича́емому всё-таки доставалось меньше, хоть он не вовсе забыва́л его из-за себя.

Он успева́л делать страшно много, потому что и в распоряже́нии временем положи́л на себя точно такое же обузда́ние прихотей, как и в материа́льных веща́х. Ни четверти часа́ в месяц не пропада́ло у него на развлече́ние, отдыха ему не было нужно. «У меня заня́тия разнообра́зны; переме́на заня́тия есть отдых». В кругу́ прия́телей, сборные пункты кото́рых находи́лись у Кирсанова и Лопухова, он быва́л ника́к не чаще того, сколько нужно, чтобы оста́ться в тесном отноше́нии к нему: «Это нужно; ежедне́вные случаи дока́зывают пользу име́ть тесную связь с каки́м-нибудь кругом люде́й, — надобно име́ть под рука́ми всегда откры́тые исто́чники для разных справок». Кроме как в собра́ниях этого кружка́, он никогда ни у кого не быва́л ина́че, как по делу, и ни пятью́ мину́тами больше, чем нужно по делу; и у себя никого́ не принима́л и не допуска́л остава́ться ина́че, как на том же правиле; он без околи́чностей объявлял гостю: «Мы переговори́ли о вашем деле; теперь позво́льте мне заня́ться други́ми дела́ми, потому что я должен дорожи́ть временем».

В первые месяцы своего́ перерожде́ния он почти́ всё время проводи́л в чтении, но это продолжа́лось лишь немно́го более полго́да; когда он уви́дел, что приобрёл систематический образ мыслей в том духе, принципы кото́рого нашёл справедли́выми, он тотчас же сказал себе: «теперь чтение стало делом второстепе́нным; я с этой стороны́ гото́в для жизни», и стал отдава́ть книгам только время, свобо́дное от других дел, а тако́го времени остава́лось у него мало. Но, несмотря́ на это, он расширя́л круг

тюфя́к — magamiskott
войлок — vilt
угрыз е́ние совести — südametunnistusepiin
слабость воли — tahtejõu nõrkus
расхо́д — väljaminek
гнусный — kõlvatu, jälk
доезжа́ть — siin: ründama
обличе́ние — paljastamine
укори́зна — etteheide
обузда́ние — taltsutamine
исто́чник — läte
без околи́чностей — otseteed

своего́ знания с изуми́тельною быстрото́ю: теперь, когда ему было двадцать два года, он был уже́ человеком замеча́тельно основа́тельной учёности. Это потому́, что он тут поста́вил себе правилам: роскоши и прихоти — никако́й: исключи́тельно то, что нужно. А что нужно? Он говорил: «По каждому предме́ту капита́льных сочине́ний очень немного; во всех остальны́х только повторя́ется, разжижа́ется, портится то, что всё гора́здо полне́е и ясне́е заключено́ в этих немногих сочине́ниях. Надобно читать только их; всякое другое чтение — только напра́сная трата времени. Берём русскую беллетри́стику. Я говорю́: прочита́ю всего прежде Гоголя. В тысячах других повестей я уже́ вижу по пяти́ строка́м с пяти́ разных страни́ц, что не найду́ ничего кроме испо́рченного Гоголя, — зачем я стану их читать? Так и в нау́ках, — в нау́ках даже ещё резче эта грани́ца...» «Каждая прочтённая мною книга такова́, что избавля́ет меня от надобности читать сотни книг», — говорил он.

Гимнастика, работа для упражне́ния силы, чтение — были личными заня́тиями Рахметова; но, по его возвраще́нии в Петербург, они брали у него только четвёртую долю его времени, остально́е время он занима́лся чужи́ми дела́ми, или ничьи́ми в осо́бенности дела́ми, постоя́нно соблюда́я то же правило, как в чтении: не тратить времени над второстепе́нными дела́ми и с второстепе́нными людьми́, занима́ться только капита́льными, от которых уже́ и без него изменя́ются второстепе́нные дела́ и руководи́мые люди. Наприме́р, вне своего́ круга он знако́мился только с людьми́, име́ющими влия́ние на други́х. Кто не был авторите́том для нескольких други́х люде́й, тот никаки́ми способами не мог даже войти́ в разгово́р с ним. Он говори́л: «Вы меня извини́те, мне некогда», — и отходи́л. Но точно так же, никаки́ми средствами не мог избежа́ть знако́мства с ним тот, с кем он хотел познако́миться. Он просто явля́лся к вам и говорил, что ему было нужно, с таким предисло́вием: «Я хочу быть знако́м с ва́ми; это нужно. Если вам тепе́рь не вре́мя, назна́чьте другое». На мелкие ваши дела он не обраща́л никако́го внима́ния, хотя́ бы вы были ближа́йшим его знако́мым и упра́шивали его вникнуть в ваше затрудне́ние: «Мне некогда», — говорил он и отвора́чивался. Но в важные дела́ вступа́лся, когда это было нужно, по его мнению, хотя бы никто этого не жела́л: «Я должен», — говорил он...

Вот как он говорил и вёл свои дела́, а дел у него была бездна, и всё дела́, не каса́вшиеся лично до него; личных дел у него не было, это все знали; но какие дела́ у него, этого кру-

---

роскошь — ülikŭllus, rikkus
разжижа́ть — vedelaks tegema
разжи́жить *
трата времени — ajaraiskamine
(ис)по́ртить (т//ч) — rikkuma
на́добность (ж. р.) — vajadus
второстепе́нное дело — kõrvalasi
влия́ние — mõju
предисло́вие — eessõna
вника́ть *во что?* — tungima
вни́кнуть *
бездна (дел) — очень много

жо́к не знал. Видно было только, что у него множество хлопо́т. Он мало быва́л дома, всё ходи́л и разъезжа́л, больше ходи́л. Но и у него беспреста́нно быва́ли люди, то всё одни и те же, то всё новые; для этого у него было поло́жено: быть всегда дома от двух до трёх часо́в; в это время он говорил о дела́х и обе́дал. Но часто по нескольку дней его не быва́ло дома. Тогда вместо него сиде́л у него и принима́л посети́телей один из его прия́телей, преданный ему душо́ю и телом и молчали́вый, как моги́ла.

Года через два, после того как мы видим его сидя́щим в кабине́те Кирсанова за Ньюто́новым толкова́нием на Апока́липсис, Рахметов уе́хал из Петербурга, сказа́вши Кирсанову и ещё двумтрём самым близким друзья́м, что ему здесь нечего делать больше; что он сделал всё, что мог, что больше делать можно будет только года через три, что эти три года теперь у него свобо́дны, что он думает воспо́льзоваться ими, как ему кажется нужно для будущей деятельности. Мы узна́ли пото́м, что он прое́хал в своё бывшее поме́стье, продал оста́вшуюся у него землю, получи́л тысяч тридцать пять, зае́хал в Казань и Москву, роздал около пяти́ тысяч свои́м семи́ стипендиа́там, чтобы они могли кончить курс, тем и конча́лась его достове́рная история. Куда он дева́лся из Москвы, неизве́стно. Когда прошло́ несколько месяцев без всяких слухов о нём, люди, знавшие о нём что-нибудь кроме изве́стного всем, переста́ли скрыва́ть вещи, о которых по его просьбе молча́ли, пока он жил между нами. Тогда-то узна́л наш кружо́к и то, что у него были стипендиа́ты, узна́л большую часть из того о его личных отноше́ниях, что я рассказа́л, узна́л множество историй, далеко́, впрочем не разъясня́вших всего, даже ничего не разъясня́вших, а только делавших Рахметова лицо́м ещё более зага́дочным для всего кружка́, историй, изумля́вших свое́ю странностью или соверше́нно противоре́чивших тому поня́тию, какое кружо́к име́л о нём, как о человеке соверше́нно чёрством для личных чувств, не име́вшем, если можно так выразиться, личного сердца, кото́рое билось бы ощуще́ниями личной жизни. Расска́зывать все эти истории было бы здесь неуме́стно. Приведу́ лишь две из них, по одной на каждый из двух родо́в: одну дикого сорта, другую — сорта, противоре́чившего прежнему поня́тию кружка́ о нём. Выбира́ю из историй, расска́занных Кирсановым.

За год перед тем, как во второй и, вероя́тно, оконча́тельный раз пропа́л из Петербурга, Рахметов сказал Кирсанову: «Дайте мне поря́дочное коли́чество мази для заживле́ния ран от острых

хлопоты — askeldused
беспреста́нно — всё время
моги́ла — haud
толкова́ние — seletus
Апока́липсис — Johannese ilmutusraamat
достове́рный — tõetruu
зага́дочный — saladuslik
противоречи́вый — vastukäiv
чёрствый (челове́к) — kalk
мазь — määre
для заживле́ния ран — haavade parandamiseks

оруди́й». Кирсанов дал огро́мнешую банку, думая, что Рахметов хочет отнести́ лека́рство в какую-нибудь арте́ль плотников или других мастеровы́х, которые часто подверга́ются поре́зам. На другое утро хозя́йка Рахметова в страшном испу́ге прибежа́ла к Кирсанову: «Батюшка-лекарь, не знаю, что с мои́м жильцо́м сделалось: не выхо́дит долго из свое́й комнаты, дверь запер, я загляну́ла в щель: он лежи́т весь в крови́; я как закричу́, а он мне говорит сквозь дверь: «Ничего, Аграфе́на Анто́новна». Какое, ничего! Спаси́, батюшка-лекарь, бою́сь смертного случаю. Ведь он такой до себя безжа́лостный». Кирсанов поскака́л. Рахметов отпер дверь с мрачною широ́кою улы́бкою, и посети́тель уви́дел вещь, от которой и не Аграфена Антоновна могла развести́ рука́ми: спина и бока́ всего белья́ Рахметова (он был в одном бельё) были обли́ты кровью, под крова́тью была́ кровь, войлок, на кото́ром он спал, также в крови́; в войлоке были наты́каны сотни мелких гвозде́й шляпками исподнизу, остриями вверх, они высо́вывались из войлока чуть не на полвершка́; Рахметов лежа́л на них ночь. «Что это такое, поми́луйте, Рахметов?» — с ужасом проговори́л Кирсанов. — «Проба. Нужно. Неправдоподо́бно, коне́чно; одна́ко же на всякий случай нужно. Вижу, могу». Кроме того, что видел Кирсанов, видно из этого также, что хозя́йка, вероя́тно, могла бы рассказа́ть много разного любопы́тного о Рахметове; но простоду́шная стару́ха была́ без ума́ от него, и уж, коне́чно, от неё нельзя́ было бы ничего доби́ться. Она и в этот-то раз побежа́ла к Кирсанову потому́ только, что сам Рахметов дозво́лил ей это для её успокое́ния: она слишком плакала, думая, что он хочет уби́ть себя.

Месяца через два после этого, дело было в конце́ мая, Рахметов пропада́л на неде́лю или больше, но тогда никто́ этого не заме́тил, потому что пропада́ть на несколько дней случа́лось ему нере́дко. Теперь Кирсанов рассказа́л следующую историю о том, как Рахметов провёл эти дни. Они составля́ли эротический эпизо́д в жизни Рахметова. Любовь произошла́ из собы́тия, досто́йного Никитушки Ломова. Рахметов шёл из Первого Парголова в город, заду́мавшись и больше глядя в землю, по своему́ обыкнове́нию, по сосе́дству Лесно́го институ́та. Он был пробуждён от раздумья отча́янным криком женщины; взгляну́л: лошадь понесла́ даму, ката́вшуюся в шараба́не, дама сама правила, и не справилась, вожжи волочи́лись по земле — лошадь была́ уже́ в двух шага́х от Рахметова; он бросился на середи́ну доро́ги, но

поре́з — sisselõikehaav
щель — pilu, pragu
безжа́лостный — halastamatu
развести́ рука́ми — käsi laotama
(на)ты́кать — (täis)torkima
шляпка гвоздя — naelapea
исподни́зу — alt
остриё — teravik
неправдоподо́бно — uskumatu
отча́янный — meeleheitlik
шараба́н — saraban, toolvanker
вожжи — ohjad
(по)волочи́ться — lohisema

лошадь уж пронесла́сь мимо, он не успе́л поймать повода, успе́л только схвати́ться за заднюю ось шараба́на — и останови́л, но упа́л. Подбежа́л народ, помогли́ даме сойти́ с шараба́на, подняли Рахметова; у него была́ несколько разби́та грудь, но, главное, колесо́м вырвало ему поря́дочный кусо́к мяса из ноги. Дама уже́ опо́мнилась и приказала отнести́ его к себе на дачу, в какой-нибудь полуверсте́. Он согласи́лся, потому́, что чувствовал слабость, но потре́бовал, чтобы посла́ли непреме́нно за Кирсановым, ни за каким другим медиком. Кирсанов нашёл уши́б груди́ нева́жным, но самого́ Рахметова уже́ очень ослабе́вшим от поте́ри крови. Он пролежа́л дней десять. Спасённая дама, коне́чно, уха́живала за ним сама. Ему ничего́ друго́го нельзя было делать от слабости, а потому он говорил с нею, — ведь всё равно, время пропада́ло бы даром, — говорил и разгвори́лся. Дама была́ вдова́ лет девятна́дцати, женщина не бедная, и вообще́ соверше́нно незави́симого положе́ния, умная, поря́дочная женщина. Огненные речи Рахметова, коне́чно не о любви, очарова́ли её. «Я во сне вижу его, окружённого сия́нием», — говорила она Кирсанову. Он также полюбил её. Она, по платью и по всему́, счита́ла его человеком, не име́ющим соверше́нно ничего, потому первая призна́лась и предложила ему венча́ться, когда он, на оди́ннадцатый день, встал и сказал, что может ехать домо́й. «Я был с вами откро́веннее, чем с други́ми; вы ве́рите, что такие люди, как я, не име́ют права связывать чью-нибудь судьбу́ с своёю». — «Да, это правда, — сказа́ла она: — вы не можете жени́ться. Но пока вам придётся бросить меня, до тех пор люби́те меня». — «Нет, и этого я не могу приня́ть, — сказал он, — я должен подави́ть в себе любовь: любовь к вам связывала бы мне руки, они и так не скоро развя́жутся у меня, — уж связаны. Но развяжу́. Я не должен любить». Что было пото́м с этой дамою? В её жизни должен был произойти́ перело́м; по всей вероя́тности, она и сама сделалась осо́бенным челове́ком. Мне хоте́лось узна́ть. Но я этого не знаю. Кирсанов не сказал мне её имени, а сам тоже не знал, что с нею: Рахметов проси́л его не вида́ться с нею, не справля́ться с ней. «Если я буду полага́ть, что вы будете что-нибудь знать о ней, я не удержу́сь, стану спрашивать, а это не годи́тся». Узна́в такую историю, все вспомнили, что в то время, месяца полтора́ или два́, а может быть и больше, Рахметов был мрачнова́тее обыкнове́нного, не приходи́л в аза́рт против себя, сколько бы ни коло́ли ему глаза его гнусною слабостью, то есть сига́рами, и не улыба́лся широ́ко и сладко, когда ему льстили именем Никитушки Ломова.

повод — päitsenöör, ratsuti
ось — rattarumm, telg
опо́мниться — toibuma
незави́симое положе́ние — sõltumatus, iseseisvus
очаро́вывать — võluma
очарова́ть *
перело́м — murrang
по всей вероя́тности — arvatavasti
коло́ть глаза — ette heitma

А я вспомнил и больше: в то лето три, четыре раза в разгово́рах со мною он, через несколько времени после первого нашего разгово́ра, полюбил меня за то, что я смея́лся (наеди́не с ним) над ним, и в отве́т на мои насме́шки вырвались у него такого рода слова́: «Да, жале́йте меня, вы правы, жале́йте: ведь и я тоже не отвлечённая иде́я, а человек, кото́рому хоте́лось бы жить. Ну, да это ничего, пройдёт», — прибавля́л он. И точно, прошло́. Только одна́жды, когда я уже́ слишком много расшевели́л его насме́шками, даже позднею осенью, всё ещё вызвал я из него эти слова́.

Проница́тельный чита́тель, может быть, дога́дывается из этого, что я знаю о Рахметове больше, чем говорю. Может быть. Я не смею противоре́чить ему, потому что он проница́телен. Но если я знаю, то мало ли чего я знаю такого, чего тебе, проница́тельный чита́тель, вове́ки веко́в не узна́ть. А вот чего я действи́тельно не знаю, так не знаю: где теперь Рахметов, и что с ним, и уви́жу ли я его когда-нибудь. Об этом я не имею никаких других ни изве́стий, ни дога́док, кроме тех, каки́е имеют все его знако́мые. Когда прошло́ месяца три-четыре после того, как он пропа́л из Москвы, и не приходи́ло никаких слухов о нём, мы все предположи́ли, что он отпра́вился путеше́ствовать по Европе. Дога́дка эта, кажется, верна́. По крайней мере, она подтвержда́ется вот каким случаем. Через год после того, как пропа́л Рахметов, один из знако́мых Кирсанова встретил в вагоне по доро́ге из Вены в Мюнхен молодо́го человека, русского, который говорил, что объе́хал славя́нские земли, везде сближа́лся со всеми классами, в каждой земле́ остава́лся по стольку, чтобы доста́точно узна́ть поня́тия, нравы, образ жизни, бытовы́е учрежде́ния, степень благосостоя́ния всех главных составны́х часте́й населе́ния, жил для этого и в города́х, и в сёлах, ходил пешко́м из деревни в дере́вню, потом точно так же познако́мился с румы́нами и венграми, объе́хал и обошёл Северную Германию, отту́да пробра́лся опять к югу, в неме́цкие прови́нции Австрии, теперь едет в Баварию, отту́да в Швейцарию, через Вюртемберг и Баден во Францию, которую объе́дет и обойдёт точно так же, отту́да за тем же прое́дет в Англию и на это употреби́т ещё год; если оста́нется из этого года время, он посмо́трит и на испанцев, и на итальянцев, если же не оста́нется времени, так и быть, потому что это не так «нужно», а те земли осмотре́ть «нужно» — зачем же? — «для соображе́ний»; а что через год, во всяком случае, ему «нужно» быть уже́ в Северо-Американских Штатах, изучи́ть которые более «нужно» ему, чем какую-нибудь другую землю, и там он оста́нется долго, может быть, более года, а может быть, и навсегда́, если он там найдёт себе

отвлечённая иде́я — abstraktne idee
проница́тельный — kõikenägev, terane
противоре́чить — vastu rääkima
дога́дка — oletus
благосостоя́ние — heaolu, jõukus
соображе́ние — kaalutlus

дело, но, вероя́тнее, что года через три он возврати́тся в Россию, потому что, кажется, в России, не теперь, а тогда, года через три-четыре «нужно» будет ему быть.

Всё это очень похо́же на Рахметова, даже эти «нужно», запа́вшие в память расска́зчика. Лета́ми, голосом, черта́ми лица́, наско́лько запо́мнил их расска́зчик, прое́зжий тоже подходи́л к Рахметову; но расска́зчик тогда не обрати́л осо́бенного внима́ния на своего́ спутника, который к тому же недолго и бы́л его спутником, всего часа́ два: сел в ваго́н в каком-то городи́шке, вышел в какой-то дере́вне; потому расска́зчик мог опи́сывать его нару́жность лишь слишком общими выраже́ниями, и полной достове́рности тут нет: по всей вероя́тности, это был Рахметов, а впрочем, кто ж его знает? Может быть, и не он.

Был ещё слух, что молодой русский, бывший поме́щик, явля́лся к велича́йшему из европейских мысли́телей XIX века, отцу новой филосо́фии, немцу, и сказал ему так: «У меня тридцать тысяч талеров; мне нужно только пять тысяч; остальны́е я прошу́ вас взять у меня» (фило́соф живёт очень бедно). — «Зачем же?» — «На изда́ние ваших сочине́ний». — Фило́соф, натура́льно, не взял; но русский будто бы всё-таки положи́л у банки́ра деньги на его имя и написа́л ему так: «Деньга́ми распоряжа́йтесь, как хоти́те, хоть бро́сьте в воду, а мне их уже́ не можете возврати́ть, меня вы не оты́щете», — и будто б эти деньги так и теперь лежа́т у банки́ра. Если этот слух справедли́в, то нет никакого сомне́ния, что к фило́софу явля́лся именно Рахметов...

Так вот како́в был господи́н, сиде́вший теперь в кабине́те у Кирсанова.

Да, осо́бенный человек был этот господи́н, экземпля́р очень редкой поро́ды. И не затем опи́сывается мною так подро́бно один экземпля́р этой редкой поро́ды, чтобы научи́ть тебя, проница́тельный чита́тель, прили́чному (неизве́стному тебе) обраще́нию с людьми́ этой поро́ды: тебе ни одного́ такого человека не вида́ть; твои глаза, проница́тельный чита́тель, не так устро́ены, чтобы видеть таких люде́й; для тебя они неви́димы; их видят только честные и смелые глаза; а для того тебе служит описа́ние такого человека, чтобы ты хоть по насли́шке знал, какие люди есть на свете. К чему оно служит для чита́тельниц и просты́х чита́телей, это они сами знают.

Да, смешны́е это люди, как Рахметов, очень заба́вны. Это я для них сами́х говорю, что они смешны́, говорю потому, что мне жалко их; это я для тех благоро́дных люде́й говорю, которые очаро́вываются ими: не следуйте за ними, благоро́дные люди,

---

западáть в память — mällu sööbuma
запáсть *
достовéрность — õigsus
был слух — oli kuuldus
редкая порóда — haruldane liik
по наслы́шке — kuulduse järgi
забáвный — naljakas, veider

говорю я, потому что скуден личными радостями путь, на который они зову́т вас; но благоро́дные люди не слушают меня и говорят: нет, не скуден, очень бога́т, а хоть бы и был скуден в ино́м месте, так не длинно же оно, у нас доста́нет силы пройти это место, выйти на бога́тые радостью, бесконе́чные места́. Так видишь ли, проница́тельный чита́тель, это я не для тебя, а для другой части публики говорю, что такие люди, как Рахметов, смешны́. А тебе, проница́тельный чита́тель, я скажу́, что это недурные люди; а то ведь ты, пожа́луй, и не поймёшь сам-то; да, недурные люди. Мало их, но ими расцвета́ет жизнь всех; без них она загло́хла бы, проки́сла бы; мало их, но они дают всем людям дыша́ть, без них люди задохну́лись бы. Велика масса честных и добрых люде́й, а таких людей мало; но они в ней — тейн в чаю́, буке́т в благоро́дном вине́; от них её сила и арома́т; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли...

скудный (бедный) — vaene
(за)глóхнуть — hääbuma
(про)кúснуть — hapuks minema
задыха́ться — lämbuma
задохну́ться *
букет (вина) — (veini)lõhn, aroom
двигатель — tõukejõud

РАССКАЗ О ЖИЗНИ Н. А. НЕКРАСОВА.

По Г. К. Бочарову.

Это было больше ста лет тому назад, в холодный осенний вечер, на одной из улиц Петербу́рга. Моросúл дождь. Дул от Невы сырóй, пронúзывающий ветер. Мигáли тусклые уличные фонарú. Пустéли петербургские улицы. Люди спешили поскорее обогрéться в тёплых домах. В этот вечер у двереЙ небольшóго магазúна сидел худой, бледный юноша. Ветхое пальтúшко и рваный шарф не защищáли его от холода. У него не было дома, и ему негде было ночевáть. Его только что прогнáли с квартиры, где он занимал угол, прогнали потому, что ему нéчем было заплатúть. Он дрожáл от холода. Люди проходúли мимо него равнодýшно. Им не было никакóго дела до негó.

Обессúленный и голодный, он задремáл. Вдруг его разбудúл детский голос:

— Подáйте Христа рáди копéечку.

Юноша открыл глаза. Перед ним стоял старик-нищий с мальчиком.

— Что ты? — сказал старик. — Не видишь разве, он сам к утру окоченéет? Эх, голова́! Чего ты здесь?

— Ничего.

— Ничего, ишь гордый! Приюту нет, видно. Пойдём с нами.

Так и нашёлся в этот вечер человек, который сумéл понять и утешить бездóмного юношу. Это был старик-нищий. Он свёл юношу в ночлéжку, приютúл и накормúл его.

Шли годы. Юноша стал зрелым человéком. Он жил и трудúлся в Петербурге. Он прожил в этом городе почтú сорок лет и уже не был одинóким. Когда он умер, за его гробом шли тысячи людéй. Они провожáли в последний путь дорогóго и любúмого человека. Это были такие похороны, каких не видел Петербург.

моросúл дождь — tibutas vihma
пронúзывающий — läbilõikav
тусклый — tuhm
ветхий (старый) — vana
равнодýшно — ükskõikselt
обессúленный — jõuetu
окоченéть — külmast tarduma
приют — ulualune
бездóмный — kodutu
ночлéжка — öömaja (linna vaestele)
зрелый — küps

Кто же был этот человек? Что он сделал для людей своéй родины и чем заслужúл такую любовь к себе?

Киломéтрах в двадцатú от города Ярослáвля, почтú на самом берегу Волги, стоит небольшое село Грéшнево. Нешúрокá здесь Волга, но привóльно течёт она в низинных берегáх. Кругом неоглядные простóры лугов, вдали синеют лесá. Весной, в половóдье, становится Волга могучей рекой, и тогда её не окúнешь глазом.

Больше ста двадцатú лет тому назад владéл селом Грéшневым и его мужиками небогáтый помéщик Алексей Сергеевич Некрасов. Пока он был молод и служил офицéром, крестьяне его видели редко. Но вот он женúлся, остáвил военную службу и приехал с женой и детьмú жить в своё имение. Тяжкой каторгой стало теперь крестьянское житьё. Очень жестóк был помéщик. Целыми днямú пропадáл он на охóте, гонялся за волкáми и зайцами, а когда бывáл дома, пировáл и буянил. Угодúть ему было невозможно. Угрюмый невéжда, свирéпый дикáрь, он запáрывал людéй до беспáмятства. Порóл не за провúнности, а по капрúзу. Не щадúл он и своей семьи. Одинóкой страдáлицей жила в доме его жена Елена Андреевна. Это была очень образóванная, умная женщина с большим, чутким сердцем. Муж невéжда не стоил её, он обижáл её, и даже издевáлся над ней. Дети не любили отца, а только боялись его. Не любил отца и Коля Некрасов, но зато как он тянýлся к матери! Отец был груб и жестóк. Чему можно было научúться у него? Пьянствовать, играть в карты да мучить людей? Мать уберегла́ Колю от этого. Она была нежной и ласковой. Она помогла ему понять, что мужики, которых порет отец, не рабы, а люди. Она научила Колю ненавúдеть жестóкость.

Елена Андреевна знала много сказок, рассказов и стихóв. По вечерáм она, бывало, соберёт детей в кружóк и рассказывает им или читает. Очень любил Коля её рассказы. Это она научила Колю любить книгу и чтение. Когда ему было семь лет, он сам попрóбовал писáть стихи. В день рождéния матери Коля поднёс ей «стихотворение»:

Любéзная маменька, примúте
Сей слабый труд
И рассмотрúте —
Годúтся ли куда-нибудь.

неоглядные (необозримые) — ääretu, avar
простóр — avarus
половóдье — suurvesi
не окинешь глазом — ei haara pilguga
буянить — mürgeldama
угрюмый (неприветливый) — morn
невежда — harimatu inimene
порóть — peksma
запáрывать — surnuks peksma
провúнность — süü, eksimus
(по)щадúть (д//ж) — halastama
страдáлица — kannataja
чуткий — tundeline
издевáться — mõnitama
жестóкость — julmus

«Труд» семилетнего поэта, конечно, никуда не годи́лся. Но Коля не огорча́лся. У него было много любимых заня́тий. Особенно любил он деревенских ребят. Но беда́ была в том, что отец строго запрещал Коле играть с ними. Зато мать была рада, когда видела сына с деревенскими детьми. Бывало, как только уедет отец на охоту, сейчас же через лазе́йку в решётке лезут в барский сад вихра́стые ребята и начина́ются весёлые игры.

— . . . Я делывал с ними грибны́е набе́ги,
Раска́пывал листья, обша́ривал пни,
Стара́лся приме́тить грибно́е месте́чко,
А утром не мог ни за что отыска́ть.

Так вспоминал позднее Некрасов о детских играх с крестьянскими детьми.

С детства у Коли сложи́лся твёрдый, настойчивый характер. Он умел добива́ться своего́.

Однажды Коля охотился на озере и подстрели́л дикую утку. Дело было поздней осенью, и озеро кое-где затяну́лось льдом. Даже собака и та испугалась холодной воды. Но Коля не испугался, он бросился в ледяну́ю воду, поплы́л за уткой и доста́л её.

Был и другой случай. Как-то он услышал от няни, что в саду по ночам гуляют черти. В ту же ночь Коля тихонько вскочи́л и выбежал в сад. Ему было страшно, но он не хотел созна́ться в этом даже самому себе. Три раза обошёл он пруд, но ни один чёрт не показа́лся. Страха теперь уже как не быва́ло, и Коля спокойно вернулся домой.

Больше всего любил Коля Некрасов встать пораньше и убежать на берег Волги. На заре там было осо́бенно хорошо́.

О Волга́, колыбе́ль моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним заря́м,
Когда ещё всё в мире спит
И алый блеск едва скользи́т
По тёмноголубым волна́м,
Я убега́л к родной реке́.
Иду на помощь рыбака́м,
Ката́юсь с ними в челноке,
Брожу́ с ружьём по острова́м. . .
. . . И песню громкую пою́
Про у́даль раннюю мою.

лазе́йка — auk
решётка — võre
барский сад — härraste aed
набе́г — rünnak
обша́рить (обыскать) — läbi tuhnima
пень — känd
насто́йчивый — visa
затяну́ться льдом — kattuma jääga
заря́ — koit
колыбе́ль — häll
челно́к (лодка) — paat
удаль — uljus

Но на берегу́ родной реки Коля видел не только красивые карти́ны приро́ды. Он видел тяжкое горе наро́дное, он слышал стоны людей.

Коля видел, как потные, изму́ченные бурлаки́ прова́ливаясь в песо́к, тащат тяжело́ гружённые баржи. Он слышал однажды, как больно́й бурлак жаловался на растёртое лямкой плечо́ и проси́л у бога смерти.

Коля горько плакал. Он расска́зывал матери, и она плакала вместе с ним. Но слеза́ми горю не помо́жешь. И вот однажды Коля собра́л своих дереве́нских друзе́й и покля́лся жить не так, как живут поме́щики. Он покля́лся любить свой народ и помогать ему. А слово своё он умел держа́ть.

Но вот пролетело детство. Коле пошёл оди́ннадцатый год. Подро́с и его брат. Грамоте мальчиков кое-как научил дереве́нский дьячо́к. Теперь нужно было начина́ть серьёзно учиться. Пришлось родителям отправить детей в Яросла́вль. Там была гимназия. Мальчикам наняли квартиру и приста́вили к ним крепостно́го дядьку. В гимназии было скучно и проти́вно. Хороших учителе́й там не было, и научи́ться было нечему. Но зато появились у Коли новые друзья. Они помога́ли переноси́ть Коле неприя́тную яросла́вскую жизнь. Этими друзья́ми были книги. Больше всего любил Коля Пушкина. Было у него и другое люби́мое заня́тие. Он научи́лся писать стихи, и скоро их накопи́лось целая тетра́дка. Так прошло́ четыре года.

Когда Коля был в пятом классе, отец решил, что сын довольно уже обу́чен и нечего тратить на него деньги. Колю взяли из гимназии, и вот он снова в Грешневе.

Теперь Коля ещё чаще писал стихи. Они уже не помеща́лись в толстой тетради.

Быстро прошли два года, и Коле исполнилось семнадцать лет.

Однажды отец позвал его к себе и суро́во сказал: «Поезжай в Петербург. Будешь учиться в дворя́нском полку́. Выучишься — станешь, как я, офице́ром».

Коля обра́довался. В Петербург ему поехать очень хотелось. Но стать таким, как отец, он не хотел. У него были другие планы. Об этих планах Коля рассказал только матери.

В те времена́ от офицера не требовалось больших знаний, а Коля хотел стать образо́ванным человеком. Он хотел учиться в университете, но ничего не сказал об этом отцу. Сел в телегу, махнул рукой на проща́нье, и скрылся родительский дом.

Ехал в Петербург уже не мальчик Коля, а юный Николай Алексеевич Некрасов. Что ожидало его там?

стон — oie
гружённый — laaditud
баржа — lodi, pargas
растёртый — katki hõõrutud
лямка — rakmerihm
(по)кля́сться — vanduma
дьячо́к — köster

И вот, наконец, Петербург. Какой громáдный город! Какие прямые, широкие улицы! Сколько чудéсных дворцóв! А Нева́! Как она широка́, шире родной Волги! Как много богатых магазинов, и сколько там всяких това́ров! В этом городе, конечно, люди живут счастливо.

Так каза́лось Некрасову в первые дни. Но не скоро узнал он настоя́щее счастье. Нела́сково приняла его столи́ца. Среди тысяч людей он был одино́к, и никому́ не было до него дела. Живи, как хочешь, и сам себе пробива́й дорогу.

Теперь надо было ему выбирать. Может быть, испóлнить волю отца, идти в дворя́нский полк? Там одевают и кормят. Да и отец обеща́л помогать. Но тогда — прощай, университет, прощай, образова́ние! Нару́шить волю отца, идти в университет — это значит голода́ть. Отец оставит без помощи. Но зато открыта широкая дорога к науке. А может быть он станет поэтом. Ведь он привёз с собою завёрнутую тетрадь со стихами. Может быть, люди прочтут его стихи и скажут: смотрите, вот появился новый великий поэт Некрасов!

Недолго он колеба́лся. Твёрдо решил: «Пусть нужда́ и голод. Вытерплю, перенесу́, но пойду своей дорогой».

И началась жизнь в Петербурге. Эта жизнь оказа́лась ещё труднее, ещё суровей, чем думал Некрасов.

Несча́стья посы́пались одно за другим. Экзамен в университет он не выдержал. Для этого надо было долго гото́виться. Но Некрасов не унывáл и не сдался. Он добился разреше́ния посеща́ть университет и слушать лекции.

Отец разгне́вался и, действительно, оставил сына без помощи. Надо было заработать на пропита́ние. А чем? Его никто не знал, а таких, как он, ищущих работы, в Петербурге было много. Ночевал он в подва́лах и на чердака́х. Редко удава́лось ему зарабóтать за день 15—20 копеек. Бывало так, что у Некрасова и у его товарища на двои́х были одни сапоги́. Нищета́, голод и холод сдави́ли его.

Стыдно и горько было ему, но приходилось иногда заходить в рестора́н, где позволя́ли читать газе́ты, ничего́ не зака́зывая. Некрасов брал газету, закрыва́лся ею — будто читает, а сам придвига́л к себе хлеб и ел.

Нужда́ свали́ла Некрасова. Он заболе́л и попал в больницу, а когда опра́вился и пришёл на квартиру — там был уже друго́й жиле́ц. Некрасова прогнали, а вещи взяли за долг. Остались на нём только худая шине́лька да рваный красный шарф. Этот шарф никому не отдал бы Некрасов: его связа́ла мать.

пробива́ть дорогу — teed rajama
пробúть *
заве́тный — armas, salajane, ihaldatud
колеба́ться — kahtlema, kõikuma
унывáть — meelt heitma
разгне́ваться (рассерди́ться) — vihastuma
подва́л — kelder
черда́к — pööning

И ещё одна неуда́ча свалилась на него. Долго копи́л он деньги, чтобы напеча́тать свои стихи из заве́тной тетради. Ему казалось, что эти стихи принесу́т ему славу и изба́вят от нужды. Своих денег не хвата́ло. Тогда один из друзей помог ему, и вот напеча́тана книжечка его стихов. Теперь кончены его муче́ния! Пройдут две-три недели, люди узнают, что появи́лся новый поэт Некрасов, и потеку́т к нему деньги, и можно будет спокойно работать. Он отдал книжки купцу́ в книжной лавке и стал ждать славы и денег. Каждый день ходил он в лавку и робко спрашивал, — не покупают ли его стихи. «Нет, — отвечал продавец, — не берут». Скоро Некрасов понял, что стихи его ещё плохие, незре́лые, что надо ещё ему много учиться. Другой махну́л бы рукой и бросил писать стихи. Но Некрасов не сдался. Ещё упорнее стал он работать и учиться; писал стихи, рассказы, небольшие пьесы для театра.

И вот, наконец, настал день, когда великий человек, большой знаток литературы, Виссарио́н Григо́рьевич Бели́нский сказал ему: «Некрасов, вы большой поэт, у вас огро́мный талант».

Теперь Некрасов одно за другим печатал свои стихотворения в журналах. Люди жадно читали их, заучивали наизусть. Имя Некрасова сделалось известным и любимым.

А когда его стихи были собраны в одну книжку и напечатаны, то книжку раскупили в несколько дней. Так пришла к Некрасову слава.

Почему же Некрасов сделался великим поэтом?

Потому что он умел бороться за свой талант, умел работать и учиться. Великим поэтом Некрасов сделался ещё и потому, что в своих стихах он показал, как живёт народ, как тяжко живётся городскому бедняку́ и деревенскому мужику, как грабят их помещики и царские слуги.

Некрасов показал, как умеют трудиться и как умны русские крестьяне.

А сколько чудесных стихов написал он для детей!

Некрасов любил нашу родину, наши леса, поля и реки, наши песни и сказки.

И русские люди любили Некрасова. Когда он умер, гроб его провожали тысячи лучших людей России.

У раскры́той могилы писатель Достое́вский говорил речь. Когда он сказал, что Некрасова можно поставить вслед за Пушкиным и Лермонтовым, то из толпы раздались крики: «Выше! Выше!»

Так высоко́ ценили русские люди великого поэта.

Некрасов умер в январе 1878 г. Но великие люди никогда не умирают, потому что после них остаётся их огромный труд.

ПОЭМА Н. А. НЕКРАСОВА «РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ».

В поэме «Русские женщины», написанной в 1871—1872 годах, великий русский поэт Некрасов Н. А. прослáвил подвиг жён декабристов — Е. Трубецкóй и М. Волкóнской.

Образóванные, любящие искýсство, знатные, богатые молодые женщины бросили всё и послéдовали за мужья́ми в Сибирь, чтобы поддержáть их дух, разделúть с ними тяжёлую участь, помочь им в беспросвéтной, трудной жизни на сибирской каторге. Они подписáли страшную бумагу, состáвленную по приказáнию царя, где они отреклúсь от своих прав, от богатства, от прав своих будущих детей, которые «поступят в казённые заводскúе крестьяне», как было написано в этой бумаге.

Смелых женщин не могли отговорúть и родные, а они применя́ли все средства, чтобы удержáть их. Осóбенно трудно было М. Н. Волкóнской, которая очень любила своего отца, героя войны 1812 года, Н. Н. Раевского. У молодой женщины хватило силы и настойчивости, чтобы убедúть, упросить этого человека твердой воли и уехать, оставив дома ребёнка-сына.

Разрыв Трубецкóй и Волкóнской с «высшим светским обществом» был полным. Они правильно поняли своекоры́стие, подлость и трусость этого общества:

Там люди заживо гнию́т,
Ходя́чие гробы́,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины рабы́.

Только среди самых передовы́х русских людей своего круга они встретили полное сочýвствие. Так, в Москве, в салóне Зинаúды Волконской, собралúсь и родственники и многие друзья,

---

(про)слáвить (в//вл) — ülistama
(по)слéдовать *за кем*? — jälgima
поддéрживать — toetama
поддержáть *
ýчасть (судьба) — saatus
отрекáться *от чего*? — loobuma
отречься *
своекоры́стие — omakasupüüdlikkus
подлость — alatus
(с)гнúть — mädanema
гроб — kirst

чтобы проводить в Сибирь М. Н. Волконскую. Среди них был и А. С. Пушкин.

Не боя́сь жесто́кой кары, Пушкин, только что возвращённый из шестиле́тней ссылки, одобря́ет подвиг Волконской и просит переда́ть горячий привет сосланным друзьям. Позже, с женой декабриста М. М. Муравьёва, Пушкин посла́л им своё знаменитое стихотворе́ние «В Сибирь», в котором высказал не только глубо́кое искреннее сочу́вствие декабристам, но и уве́ренность в том, что они будут свободны и вновь станут в ряды́ борцо́в.

Большое сочувствие жёны декабристов встретили и у простого народа. Если во вре́мя самого восстания 14 декабря из толпы народа «едва ли сотый понимал, что делается тут», то после, когда царь подави́л восстание и народ узнал, за что казнены́, сосланы на каторгу декабристы, он их понял и полюбил.

Воспева́я славный подвиг жён декабри́стов, Некрасов тем самым прославля́ет и самих декабристов, не пожале́вших ни свободы, ни жизни ради блага народа. Прямо их изобрази́ть, написать о них было невозможно — не позволя́ла цензура. Поэт всё же сумел в кратких, но полных глубо́кого содержания сценах дать образы Трубецко́го, Волконского, упомянуть Муравьёва, Оболе́нского, Бори́совых.

В аресте́нтской одежде, в кандалах, в тюрьме́ и в рудника́х, они не были сломлены, пода́влены, не счита́ли ошибкой то, что сделали, не раска́ивались, не падали духом.

Тридцать лет декабри́сты пробыли в ссылке и были возвращены́ уже после смерти Николая I, в 1856 году. Из ста двадцати́ выжили и вернулись лишь девятнадцать человек; остальны́е, не выдержав суровых усло́вий каторги и ссылки, остались в недрах сибирской земли. В 1854 году в Сибири умерла́ Трубецка́я. Волко́нская с мужем и детьми верну́лась, прожила ещё несколько лет на свободе и успела написать свои запи́ски о жизни в Сибири.

В эпило́ге, который Некрасов написал к поэме «Княги́ня Трубецкая», но не напечатал, поэт восклица́ет:

Плени́тельные образы! Едва ли
В истории какой-нибудь страны́

ка́ра — karistus
одобря́ть — heaks kiitma
одобрить *
восста́ние — ülestõus
воспева́ть (просла́вить) — ülistama
воспеть *
благо — hüvang
кандалы́ — ahelad
рудники́ — kaevandus
раска́иваться — kahetsema
раскаяться *
падать духом — meelt heitma
(вы)жить — vastu panema, ellu jääma
недра — maapõu
плени́тельный (очарова́тельный) — võluv

Вы что-нибудь прекра́снее встреча́ли.
Их имена забы́ться не должны́!

И они не забыты нашим народом, и велика заслу́га Н. А. Некрасова, обессме́ртившего эти плени́тельные образы в своей поэме. Здесь всё правда. Некрасов изучи́л и испо́льзовал большой истори́ческий материа́л, записки и воспомина́ния современников, изданные за грани́цей, а также ещё и не напеча́танные в то время.

Среди́ борцо́в за свободу было много женщин, и, назвав свою поэму «Русские женщины» (а не «Декабри́стки», как предполага́л сначала), поэт как бы прославля́ет в ней русских женщин, участниц борьбы за свободу.

Читатель как живых видит перед собою геро́инь поэмы, вместе с ними пережива́ет их горе, разделя́ет их настойчивость, любуется их мужеством, восхища́ется благоро́дством характеров, энергией, их умением от слов переходить к делу. Читатель как бы совершает с ними далёкий и трудный путь и радуется достиже́нию цели, радуется и за них и за тех, к кому они стреми́лись.

Всё действие поэмы происходит зимой, как и было в действительности. Но Некрасов не просто описывает, как происходи́ли события, а заставля́ет читателя понять и почувствовать, как этот холод, эта скованная морозом и покрытая снегом земля замечательно соотве́тствует тяжёлым думам, щемя́щей тоске героинь поэмы.

Их глазами показывает нам поэт далёкий путь через всю Россию, от Петербурга до окра́ин Сибири, рисует широкие просторы нашей родины, большие дороги, оживля́емые обо́зами, медленно бреду́щими пешехо́дами, скачущими тройками, с криками фельдегере́й, печальными песнями ямщико́в да кандальным звоном еле шагающих ссыльных. Бедные деревни, спящие под снегом, угрюмые леса, пусты́нная тундра, остро́ги, рудники́ — всё вызывает тяжёлое чувство. Пои́стине это «царство нищих и рабо́в».

В поэме «Дедушка» Некрасов показа́л, как прекрасно устроили жизнь сосланные в Сибирь и забы́тые начальством люди. На свободе, вдали от власти и господ, предоста́вленные самим себе, они дружным трудом покори́ли суровую природу, создали счастливую, богатую жизнь, так как

заслу́га — teene
обессме́ртить — surematuks tegema
совреме́нник — kaasaegne
предполага́ть — oletama
предположить *
благоро́дство — suursugusus
соотве́тствовать — vastama
щемя́щий — ängistav
фельдъе́герь — военный или правительственный курьер
остро́г (тюрьма́) — vangla
пои́стине — tõepoolest
покоря́ть — alistama, vallutama
покорить *

Воля и труд человека
Дивные дива творя́т!

Эти мудрые, прекрасные слова Некрасова в полную силу осуществи́лись в наше время, когда соверши́лось действительное дивное диво: воля народа уничто́жила самодержа́вный гнёт, свободный труд сделал всю нашу страну, включая и Сибирь, богатой и счастливой. Освободи́вшийся от царя и богаче́й народ наш помнит и любит своего поэта. Если в старой России Некрасова читали и знали десятки тысяч людей, то теперь его сочинения знают сотни милли́онов читателей в нашей стране и далеко за её преде́лами.

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ.

ПОЭМА.

КНЯГИНЯ М. Н. ВОЛКОНСКАЯ.

(Бабушкины записки.)

(1826—27 гг.)

Глава I.

Прока́зники внуки! Сегодня они
С прогу́лки опять вороти́лись:
«Нам, бабушка, скучно! В нена́стные дни,
Когда мы в портре́тной садились
И ты начинала рассказывать нам,
Так весело было! . . Родная,
Ещё что-нибудь расскажи! . .» По угла́м
Уселись. Но их прогнала́ я:
«Успе́ете слушать; рассказов моих
Доста́нет на целые то́мы,
Но вы ещё глу́пы: узна́ете их,
Как будете с жизнью знакомы!

Я все рассказала досту́пное вам
По вашим ребя́ческим летам:
Идите гулять по полям, по лугам!
Идите же. . . пользуйтесь летом!»

диво (чудо) — ime
самодержа́вный — isevalitsuslik
гнёт — surve
преде́л (грани́ца) — piir
прока́зник (шалу́н) — vallatleja
том — kõide
досту́пный (поня́тный) — kättesaadav, arusaadav

И вот, не желáя остаться в долгý
У внуков, пишу я записки;
Для них я портреты людей берегý,
Которые были мне близки,
Я им завещáю альбом — и цветы
С могúлы сестры-Муравьёвой,
Коллéкцию бабочек, флору Читы́
И виды страны той суровой;
Я им завещáю железный браслéт...
Пускай берегýт его свя́то:
В подарок жене его выковал дед
Из собственной цепи когдá-то...

Родилась я, милые внуки мои,
Под Киевóм, в тихой деревне;
Любимая дочь я была у семьи.
Наш род был богатый и древний,
Но пу́ще отец мой [1] возвы́сил его:
Замáнчивей славы героя,
Дороже отчúзны — не знал ничего
Боец, не любивший покоя.
Творя́ чудесá, девятнадцати лет
Он был полковы́м командиром,
Он мужеством дóбыл и лавры побед
И почести, чтимые миром.
Войнская слава его началáсь
Персúдским и шведским похóдам,
Но память о нём нераздéльно слилáсь
С великим двенадцатым годом:
Тут жизнь его долгим сражéньем была.

Похóды мы с ним разделя́ли
И в месяц иной не запóмним числа,
Когда б за него не дрожáли.
«Защитник Смоленска» всегда впереди
Опасного дела являлся...
Под Лейпцигом раненный,
с пулей в груди,

оставáться
остаться * в долгу *у кого?* — jäämа võlgu
завещáть *кому? что?* — pärandama
Муравьёва А. Г. — жена декабри́ста Ники́ты Муравьёва, после́довавшая за ним в Сибирь и умершая там в 1832 году
флора — taimestik, floora
браслéт — käevõru
пуще — больше
замáнчивый (привлекáтельный) — meelitav
чтимый (уважáемый) — lugupeetav
нераздéльно (неразделúмо) — lahutamatult
слива́ться
слиться * *с чем?* — kokku sulama

[1] Раéвский Н. Н. — генерáл, извéстный учáстник войны 1812 года.

Он вновь через сутки сражался.
Так летопись жизни его говорит:
В ряду́ полково́дцев России,
Поку́да оте́чество наше стоит,
Он памятен будет! Вити́и
Отца моего осыпа́ли хвало́й,
Бессме́ртным его называя;
Жуковский почтил его громкой строфо́й,
Российских вожде́й прославля́я;
Под Дашковой личного мужества жар
И жертву отца-патрио́та
Поэт воспевает. Воинственный дар
Являя в сраженьях без счёта,
Не силой одною врагов побежда́л
Ваш прадед в борьбе́ испо́линской:
О нём говорили, что он сочета́л
С отва́гою гений воинский.

Войной озабо́чен, в семействе своём
Отец ни во что не меша́лся,
Но крут был поро́ю; почти божество́м
Он матери нашей каза́лся,
И сам он глубо́ко приви́язан был к ней.
Отца мы любили — в геро́е.
Окончив походы, в усадьбе своей
Он медленно гас на поко́е.
Мы жили в большом подгоро́дном дому́.
Детей поручи́в англича́нке,
Старик отдыха́л. Я училась всему,
Что нужно богатой дворя́нке.
А после уроков бежала я в сад
И пела весь день беззаботно,
Мой голос был очень хорош, говорят,
Отец его слушал охо́тно;
Записки свои приводил он к концу,
Читал он газеты, журналы,
Пиры задава́л; наезжа́ли к отцу
Седые, как он, генералы,
И шли бесконечные споры тогда;
Меж тем молодёжь танцевала.
Сказать ли вам правду? была я всегда́

вновь — снова
ле́топись — запись истори́ческих собы́тий
вития (м. р.) — ора́тор, поэт
строфа́ — стих
без счёта — очень много
испо́линский — гига́нтский
сочета́ть *что? с чем?* — kooskõlastama, ühendama
крото́й (вспы́льчивый) — äge
божество́ — jumalus
пир, бал — pidu, ball

В то время царицею бала:
Очей моих томных огóнь голубóй,
И чёрная с синим отли́вом
Большая коса́, и румянец густóй
На личике смуглом, красивом,
И рост мой высокий, и гибкий мой стан,
И гордая поступь — пленя́ли
Тогдашних краса́вцев: гуса́ров, ула́н,
Что́ близко с полка́ми стояли.
Но слушала я неохóтно их лесть...
Отец за меня постара́лся:
«Не время ли замуж? Жених уже есть,
Он славно под Лейпцигом дрался,
Его полюбил госуда́рь, наш отец,
И дал ему чин генерала.
Поста́рше тебя... а собóй молоде́ц,
Волкóнский! Его ты вида́ла
На царском смотру́... и у нас он бывал,
По парку с тобой всё шата́лся!»
— Да, помню! Высокий такой генерал...
«Он самый!» Старик засмеялся...
— Отец! он так мало со мной говорил! —
Заметила я, покрасне́ла...
«Ты будешь с ним счастлива!» — круто решил
Старик, — возража́ть я не смела...

Прошло две недели — и я под венцóм
С Сергеем Волкóнским стояла,
Не много я знала его женихóм,
Не много и мужем узнала, —
Так мало мы жили под кровлей одной,
Так редко друг друга видали!
По дальним селе́ньям, на зимний постóй,
Брига́ду его разброса́ли,
Её объезжа́л беспреста́нно Сергей.
А я между тем расхвора́лась:
В Одессе потом, по совету врачéй,
Я целое лето купа́лась;
Зимой он приехал за мною туда,
С неделю я с ним отдохнула
При главной квартире... и снова
беда́!

отли́в — helk
гибкий — painduv
стан (талия) — piht
чин — auaste
возража́ть — vastu rääkima
возразить * *кому?*
кро́вля — крыша
селе́нье — село́, дере́вня
постóй — стоя́нка воинских часте́й
беспреста́нно — всё время
расхвора́ться — заболе́ть

Однажды я крепко усну́ла,
Вдруг слышу я, голос Сергея (в ночи́,
Почти на рассвете то было):
«Вставай! поскорее найди мне ключи́!
Камин затопи́!» Я вскочи́ла...
Взгляну́ла: встрево́жен и бледен он
был.
Камин затопи́ла я живо.
Из ящиков муж мой бумаги сноси́л
К камину — и жёг торопли́во.
Иные прочи́тывал бегло, спеша́,
Иные бросал, не читая.
И я помогала Сергею, дрожа́
И глубже в огонь их толка́я...
Потом он сказал: «Мы поедем сейчас»,
Волос моих нежно каса́ясь.
Все скоро уложено было у нас,
И утром, ни с кем не проща́ясь,
Мы тронулись в путь. Мы скакали три
дня,
Сергей был угрюм, торопился,
Довёз до отцовской уса́дьбы меня
И то́тчас со мною прости́лся.

Глава II.

«Уехал!.. Что́ значила бледность его
И всё, что в ту ночь соверши́лось?
Зачем не сказал он жене́ ничего?
Недо́брое что-то случи́лось!»
Я долго не знала поко́я и сна,
Сомне́ния душу терза́ли:
«Уехал, уехал! опять я одна!..»
Родные меня утеша́ли,
Отец торопли́вость его объяснял
Каким-нибудь делом случа́йным:
«Куда-нибудь сам император послал
Его с поруче́нием тайным,
Не плачь! Ты походы делила со мной,
Превра́тности жизни вое́нной
Ты знаешь; он скоро вернётся домой!
Под сердцем зало́г драгоце́нный

бегло — быстро, не слишком внима́тельно
угрю́мый — неприве́тливый, невесёлый
уса́дьба — име́ние
терза́ть *кого? что? чем?* — мучить
превра́тности жизни — неожи́данные переме́ны в жизни
зало́г — pant

Ты носишь: теперь ты бере́чься должна!
Всё кончится ладно, родная:
Жена муженька́ проводила одна,
А встре́тит, ребёнка кача́я!..»

Увы! предсказа́нье его не сбыло́сь!
Уви́дется с бедной жено́ю
И с пе́рвенцем-сыном отцу довело́сь
Не здесь — не под кровлей родною!
Как дорого стоил мне пе́рвенец мой!
Два месяца я прохвора́ла.
Измо́́чена телом, уби́та душой,
Я первую няню узна́ла.
Спросила о муже. — Ещё не бывал!
«Писал ли?» — И писем нет даже.
«А где мой отец?» — В Петербург ускака́л.
«А брат мой?» — Уехал туда́ же.

«Мой муж не приехал, нет даже письма́
И брат и отец ускака́ли, —
Сказала я матушке: — Еду сама!
Довольно, довольно мы ждали!»
И как ни стара́лась упра́шивать дочь
Старушка, я твёрдо реши́лась;
Припо́мнила я ту после́днюю ночь
И всё что тогда соверши́лось,
И ясно созна́ла, что с мужем моим
Недо́брое что-то твори́тся...

Стоя́ла весна, по разли́вам речны́м
Пришлось черепа́хой тащи́ться.

Дое́хала я чуть жива́я опять.
«Где муж мой?» — отца я спросила.
— В Молда́вию муж твой ушёл воева́ть.
«Не пишет он?..» Глянул уны́ло
И вышел отец... Недово́лен был брат,
Прислу́га молча́ла, вздыха́я.
Заметила я, что со мною хитря́т;
Забо́тливо что-то скрыва́я;
Ссыла́ясь на то, что мне нужен поко́й,
Ко мне никого не пуска́ли,

первенец — esimene poeg
ускака́ть *куда?* — уе́хать на лошадя́х
разли́в — üleujutus
черепа́ха — kilpkonn
гляде́ть
глянуть * *на кого?* — (по)смотреть
ссыла́ться *на кого? на что?* — viitama
сосла́ться *

Меня окружи́ли какой-то стеной,
Мне даже газет не дава́ли!
Я вспомнила; много у мужа родны́х,
Пишу — отвечать умоля́ю.
Прохо́дят недели, — ни слова от них!
Я плачу, я силы теряю...

Нет чувства мучи́тельней тайной грозы́!
Я клятвой отца́ уверя́ла,
Что я не пролью́ ни еди́ной слезы́ —
И он, и кругом всё молча́ло!
Любя́, меня мучил мой бедный оте́ц
Жале́я удва́ивал горе...
Узна́ла, узна́ла я всё наконе́ц!..
Прочла́ я в самом приго́воре,
Что был загово́рщиком бедный Серге́й:
Стояли они́ настороже,
Гото́вя войска́ к низверже́нью власте́й.
В вину́ ему ставилось тоже,
Что он... Закружи́лась моя голова́...
Я верить глаза́м не хоте́ла...
«Уже́ли?..» в уме́ не вяза́лись слова́:
Сергей — и бесче́стное дело!

Я помню, сто раз я прочла́ приго́вор,
Вника́я в слова́ рокова́ые;
К отцу́ побежа́ла, — с отцо́м разгово́р
Меня успоко́ил, родны́е!
С души́ словно камень тяжёлый упал.
В одно́м я Серге́я вини́ла:
Зачем он жене́ ничего́ не сказал?
Поду́мав, и то я прости́ла:
«Как мог он болта́ть? Я была молода́,
Когда ж он со мной расстава́лся,
Я сына под сердцем носи́ла тогда́:
За мать и дитя́ он боя́лся! —
Так думала я. — Пусть беда́ велика́,
Не всё потеря́ла я в мире.
Сибирь так ужа́сна, Сибирь далека́,
Но люди живут и в Сиби́ри!..»

клятва — vanne
удва́ивать — увели́чивать (в два раза)
удво́ить * — увели́чить *
приго́вор — kohtuotsus
загово́рщик — vandeseltslane
насторо́же — valvel
низверже́нье власте́й — võimude kukutamine
вникать
вникнуть * *во что?* — вдумываться, вдуматься
рокова́й — saatuslik

Всю ночь я горе́ла, мечта́я о том,
Как буду леле́ять Сергея.
Под утро глубо́ким, крепи́тельным сном
Усну́ла, — и встала бодре́е.
Попра́вилось скоро здоро́вье моё,
Прия́тельниц я повида́ла,
Нашла́ я сестру́, — расспроси́ла её
И горького много узна́ла!
Несча́стные люди!.. «Все время Сергей
(Сказа́ла сестра́) содержа́лся
В тюрьме́; не вида́л ни родны́х, ни друзе́й...
Вчера́ только с ним повида́лся
Отец. Повида́ться с ним можешь и ты:
Когда́ приговор прочита́ли,
Одели их в рубище, сняли кресты́,
Но право свида́нья им дали!..»

Подро́бностей ряд пропусти́ла я тут...
Оста́вив следы́ роковы́е,
Доны́не о мщенье они вопию́т...
Не знайте их лучше, родны́е.

Я в крепость пое́хала к мужу с сестро́й.
Пришли́ мы сперва́ к «генера́лу»,
Потом нас привёл генерал пожило́й
В обши́рную мрачную залу.
«Дожди́тесь, княги́ня! мы будем сейча́с!»
Раскла́нявшись вежливо с нами,
Он вышел. С двере́й не спуска́ла я глаз,
Мину́ты каза́лись часа́ми.
Шаги́ постепе́нно смолка́ли вдали
За ними я мыслью лете́ла.
Мне чудилось: связку ключе́й принесли́,
И ржавая дверь, заскрипе́ла,
В угрю́мой само́рке с железным окно́м
Изму́ченный узник томи́лся.
«Жена к вам прие́хала!..» Бледный лицо́м,
Он весь задрожа́л, ожили́лся:
— Жена́!.. — Коридо́ром он быстро бежа́л,
Дове́риться слуху не сме́я...

леле́ять — бере́чь, забо́титься
бодрый — ergas, energiline
рубище — оде́жда из грубой, толстой ткани; бедная, рваная оде́жда
доны́не — до сих пор
мщенье (месть) — kättemaks
вопию́т — крича́т
обши́рный — большо́й
княги́ня — vürstinna
мне чуди́лось — мне каза́лось
ржавый — roostes

— Вот он! — громогла́сно сказал
генерал.
И я увида́ла Сергея...

Неда́ром над ним пронесла́ся гроза́:
Морщи́ны на лбу появи́лись,
Лицо было мертвенно бледно, глаза́
Не так уже ярко свети́лись,
Но больше в них было, чем в прежние дни,
Той тихой, знако́мой печа́ли;
С мину́ту пытли́во смотре́ли они
И радостью вдруг заблиста́ли,
Каза́лось, он в душу мою загляну́л...
Я горько, припа́в к его груди,
Рыда́ла... Он обнял меня и шепну́л:
«Здесь есть посторо́нние люди».
Потом он сказал, что поле́зно ему
Узнать доброде́тель смире́нья,
Что, впрочем, легко́ перено́сит тюрьму́,
И несколько слов ободре́нья
Приба́вил... По комнате важно шага́л
Свиде́тель: нам было нело́вко...
Сергей на оде́жду свою показа́л:
«Поздра́вь меня, Маша, с обно́вкой, —
И тихо приба́вил: — *Поймы́ и прости́*».
Глаза засверка́ли слезо́ю,
Но тут соглята́й успел подойти́,
Он низко поник голово́ю.
Я громко сказа́ла: «Да, я не ждала́
Найти тебя в этой оде́жде, —
И тихо шепну́ла: — *Я всё поняла́,*
Люблю тебя больше, чем прежде...» —
«Что делать? И в каторге буду я жить
(*Покуда мне жизнь не наску́чит*)».
— Ты жив, ты здоро́в, так о чём же тужи́ть?
(*Ведь каторга нас не разлу́чит*?)

«Так вот ты кака́я!» — Сергей говорил,
Лицо́ его весело было...
Он вынул плато́к, на окно́ положи́л,
И рядом я свой положи́ла,
Потом, расстава́ясь, Серге́ев плато́к

громогла́сно — очень громко (как гром)
пытли́во — внима́тельно
(за)рыда́ть — сильно (за)пла́кать
доброде́тель — voorus
смире́нье — alandlikkus, alistuvus
одобре́нье — julgustamine, ergutamine
обно́вка — новая одежда, вещь
соглята́й — шпион, сыщик
ка́торга — sunnitöö
тужи́ть — печа́литься, горева́ть

Взяла́ я — мой мужу оста́лся...
Нам после годи́чной разлу́ки часо́к
Свида́нья коро́ток каза́лся,
Но что ж было делать! Наш срок минова́л —
Пришло́сь бы други́м дожида́ться...
В каре́ту меня подсади́л генерал,
Счастли́во желал остава́ться...

Вели́кую радость нашла я в платке́:
Целуя его, увида́ла
Я несколько слов на одном уголке́;
Вот что я, дрожа́, прочита́ла:
«Мой друг, ты свобо́дна. Пойми — не пеня́й!
Душе́вно я бодр и — жела́ю
Жену́ мою видеть такой же. Проща́й!
Малю́тке покло́н посыла́ю...»

Была в Петербурге бо́льшая родня́
У мужа; всё знать — да кака́я!
Я ездила к ним, волнова́лась три дня,
Серге́я спасти́ умоля́я.
Отец говорил: «Что ты мучишься, дочь?
Я всё испыта́л — бесполе́зно!»
И правда: они уж пыта́лись помо́чь,
Моля́ импера́тора слёзно,
Но просьбы до сердца его не дошли́...
Я с мужем ещё повида́лась,
И время приспе́ло: его увезли́!..
Как только одна я оста́лась,
Я то́тчас послы́шала в сердце моём,
Что надо и мне торопи́ться,
Мне душен казался роди́тельский дом,
И стала я к мужу проси́ться.

Теперь расскажу́ вам подро́бно, друзья́,
Мою рокову́ю побе́ду.
Вся дружно и грозно восста́ла семья́,
Когда я сказа́ла: «я еду!»
Не знаю, как мне удало́сь устоя́ть,
Чего натерпе́лась я... Боже!..
Была из-под Киева вызвана мать,
И братья прие́хали тоже:
Отец «образу́мить» меня приказа́л.

минова́ть — пройти́
пеня́ть — упрека́ть
родня́ — родственники
знать — высшая аристокра́тия
испыта́ть — испро́бовать
пыта́ться — стара́ться
приспе́ло — наступи́ло (время)

Они убежда́ли, проси́ли,
Но волю мою сам господь подкрепля́л,
Их речи её не сломи́ли!
А много и горько попла́кать пришло́сь...
Когда собрали́сь мы к обеду,
Отец мимохо́дом мне бросил вопро́с:
«На что ты реши́лась?» — Я еду! —
Отец промолча́л... промолча́ла семья́...
Я вечером горько всплакну́ла,
Кача́я ребёнка, заду́малась я...
Вдруг входит отец, — я вздрогну́ла...
Жда́ла́ я грозы́, но, печа́лен и тих,
Сказал он серде́чно и кротко:
«За что обижа́ешь ты кровных родны́х?
Что будет с несча́стным сиро́ткой?
Что будет с тобо́ю, голу́бка моя?
Там нужно не женскую силу!
Напра́сна великая жертва твоя́,
Найдёшь ты там только моги́лу!»
И ждал он отве́та и взгляд мой лови́л,
Ласка́я меня и целу́я...
«Я сам винова́т! Я тебя погуби́л! —
Воскли́кнул он вдруг негоду́я: —
Где был мой рассу́док? Где были глаза́?
Уж знала вся армия наша...»
И рвал он седы́е свои волоса́:
«Прости́! не казни́ меня, Маша!
Оста́нься!..» И снова моли́л горячо́...
Бог знает, как я устоя́ла!
Припа́в голово́ю к нему на плечо́,
«Поеду!» я тихо сказала...
«Посмо́трим!..» И вдруг распрями́лся старик,
Глаза его гневом сверка́ли:
«Одно повторя́ет твой глупый язык:
Пое́ду! Сказать не пора ли,
Куда и заче́м? Ты подумай сперва́!
Не знаешь сама, что болта́ешь!
Умеет ли думать твоя голова́?
Врага́ми ты, что ли, счита́ешь
И мать и отца? Или глу́пы они...
Что споришь ты с ними, как с ро́вней?
Поглу́бже ты в сердце своё загляни́,
Вперёд посмотри хладнокро́вней,
Поду́май!.. Я завтра уви́жусь с тобо́й...»

госпо́дь — бог
мимохо́дом — между про́чим
негодова́ть — nördima, pahane olema
рассу́док — разум, ум
ровня — üheväärne, omasugune

Ушёл он грозя́щий и гневный,
А я, чуть жива́, пред ико́ной свято́й
Упа́ла — в исто́ме душе́вной...

Глава III.

«Поду́май!..» Я целую ночь не спала́,
Моли́лась и плакала много.
Я божию матерь на помощь звала́,
Сове́та проси́ла у бога,
Я думать учи́лась: отец приказа́л
Поду́мать... нелёгкое дело!
Давно ли он думал за нас — и реша́л,
И жизнь наша мирно лете́ла?
Училась я много; на трёх языка́х
Чита́ла. Заме́тна была я
В пара́дных гости́ных, на светских бала́х,
Иску́сно танцу́я, игра́я;
Могла́ говорить я почти́ обо всём,
Я музыку знала, я пела,
Я даже отли́чно скака́ла верхо́м,
Но думать совсе́м не уме́ла.
Я только в после́дний, двадца́тый мой год
Узна́ла, что жизнь не игру́шка.
Да в детстве, быва́ло, серде́чко вздрогнёт,
Как грянет нечаянно пушка.
Жило́сь хорошо и приво́льно; отец
Со мной не гова́ривал строго;
Осьмна́дцати лет я пошла́ под вене́ц
И тоже не думала много...

В после́днее время моя голова́
Работала сильно, пыла́ла;
Меня неизве́стность томи́ла сперва́.
Когда же беду́ я узна́ла,
Бессме́нно стоял предо мною Серге́й,
Тюрьмо́ю изму́ченный, бледный,
И много неве́домых прежде страсте́й
Посе́ял в душе́ моей бедной.

Я всё испыта́ла, а больше всего́
Жесто́кое чувство бесси́лья.

исто́ма — roidumus
светский бал — kõrgema seltskonna ball
иску́сно — osavalt
под вене́ц — laulatusele viima
томи́ть — piinama, väsitama
бессме́нно — всё время

Я небо и сильных людéй за него
Молúла — напрáсны усúлья!
И гнев мою душу больнýю палúл,
И я волновáлась нестрóйно,
Рвалáсь, проклинáла... но не было сил,
Ни времени думать споко́йно.

Теперь непремéнно я думать должнá —
Отцý моему так угóдно.
Пусть воля моя неизмéнно однá,
Пусть всякая дума бесплóдна,
Я честно испóлнить отцóвский прикáз
Решúлась, мои дороги́е.

Старик говорил: «Ты подýмай о нас,
Мы люди тебе не чужи́е:
И мать, и отца, и дитя́, наконéц, —
Ты всех безрассýдно броса́ешь,
За что́ же?» — Я долг исполня́ю, отец! —
«За что ты себя обрека́ешь
На мýку?» — Не буду я мучиться там!
Здесь ждёт меня страшная мýка.
Да, если остáнусь, послýшая вам,
Меня истерза́ет разлýка.
Не зная поко́я ни ночью, ни днём,
Рыда́я над бедным сиро́ткой,
Всё буду я думать о муже моём
Да слышать упрёк его кроткий.
Куда ни пойду я, — на лицах людéй
Я свой приговóр прочита́ю:
В их шёпоте — повесть измéны моей,
В улы́бке укор угада́ю:
Что место моё не на пышном балý,
А в дальней пусты́не угрю́мой,
Где узник уста́лый в тюрéмном углý
Терза́ется лютою думой,
Один... без опóры... Скорée к нему!
Там только вздохнý я свобóдно.
Делúла с ним радость, делить и тюрьмý
Должнá я... Так небу угóдно!..

молúть — проси́ть
усúлие — pingutus
палúть — жечь
нестрóйно — korgarägatult
бесплóдна — напрáсна
обрека́ть *кого? на что?* — määrama millelegi, pühendama
обречь *
(ис)терза́ть — (за)мýчить
разлýка — lahusolek
укóр (упрёк) — etteheide
пы́шный — бога́тый
узник — vang
терза́ться — мучиться
лютый — злой
опóра — tugi

Прости́те, родные! Мне сердце давно́
Моё подсказа́ло реше́нье.
И верю я твёрдо: от бога оно́!
А в вас говори́т — сожале́нье.
Да, ежели выбор реши́ть я должна́
Меж мужем и сыном — не боле,
Иду я туда́, где я больше нужна́,
Иду я к тому́, кто в нево́ле!
Я сына оста́влю в семе́йстве родно́м,
Он скоро меня позабу́дет.
Пусть дедушка будет малю́тке отцо́м,
Сестра́ ему матерью будет.
Он так ещё мал! А когда подрастёт
И страшную тайну узна́ет,
Я верю: он матери чувство поймёт
И в сердце её оправда́ет!

Но если оста́нусь я с ним... и пото́м
Он тайну узна́ет и спросит:
«Зачем не пошла́ ты за бедным отцо́м?..»
И слово уко́ра мне бросит?
О, лучше в моги́лу мне за́живо лечь,
Чем мужа лиши́ть утеше́нья
И в будущем сына презре́нье навле́чь...
Нет, нет! не хочу я презре́нья!..

А может случи́ться — поду́мать бою́сь! —
Я первого мужа забу́ду,
Усло́виям новой семьи́ подчиню́сь
И сыну не матерью буду,
А мачехой лютой?.. Горю́ со стыда́...
Прости́ меня, бедный изгна́нник!
Тебя позабы́ть! Никогда́! никогда!
Ты сердца еди́ный избра́нник...

Отец! ты не знаешь, как дорог он мне!
Его ты не знаешь! Снача́ла,
В блестя́щем наря́де, на гордом коне́,
Его пред полко́м я вида́ла;
О подвигах жизни его боево́й
Расска́зы товарищей боя
Я слушала жадно — и всею душо́й
Я в нём полюбила геро́я...

утеше́нье — troost
презре́нье — põlgus
навлека́ть *что? на кого?* — peale tõmbama
навлечь *
изгна́нник — väljasaadetu

Позднée я в нём полюби́ла отцá
Малю́тки, рождённого мно́ю.
Разлу́ка тяну́лась меж тем без концá.
Он твёрдо стоял под грозо́ю...
Вы знаете, где мы уви́делись вновь —
Судьбá свою волю твори́ла! —
После́днюю, лучшую сердца любóвь
В тюрьмé я ему подари́ла!

Напрáсно черни́ла его клеветá,
Он был безупре́чней, чем прежде,
И я полюби́ла его, как Христá...
В своей аресчáнтской одéжде
Теперь он бессмéнно стоит предо мной,
Вели́чием кротким сия́я.
Терно́вый венец над его голово́й,
Во взоре — любóвь неземна́я...

Отец мой! должна́ я увидеть его...
Умру́ я, тоску́я по муже...
Ты, долгу служá, не щади́л ничего́,
И нас научи́л ты тому же...
Геро́й, выводи́вший своих сынове́й
Туда, где смерте́льней сраже́нье, —
Не верю, чтоб дочери бедной свое́й
Ты сам не одóбрил реше́нье!

*

Вот что́ я проду́мала в долгую ночь,
И так я с отцóм говори́ла...
Он тихо сказал: «Сумасше́дшая дочь!»
И вышел; молча́ли уны́ло
И братья и мать... Я ушла наконе́ц...
Тяжёлые дни потяну́лись:
Как туча, ходил недово́льный отец,
Другие дома́шние дулись.
Никто́ не хотел ни сове́том помочь,
Ни делом; но я не дрема́ла,
Опять провела́ я бессóнную ночь,
Письмó к госуда́рю писа́ла.
(В то время молва начала́ разглаша́ть,
Что будто верну́ть Трубецку́ю
С доро́ги веле́л госуда́рь. Испыта́ть
Боя́лась я участь таку́ю,
Но слух был неве́рен.) Письмó отвезла́

клеветá — ложь
безупре́чный — laitmatu
вели́чие — suurus
терно́вый венéц — okaspärg
взор — взгля́д
(по)щади́ть — säästma
(на)ду́ться — сердиться
молвá — слухи

Сестра́ моя, Катя Орло́ва.
Сам царь отвеча́л мне... Спаси́бо, нашла
В отве́те я доброе слово!
Он был элега́нтен и мил (Никола́й
Писа́л по-французски). Снача́ла
Сказа́л государь, как ужа́сен тот край,
Куда я пое́хать жела́ла,
Как грубы там люди, как жизнь тяжела́,
Как возраст мой хрупок и нежен;
Потом намекну́л (я не вдруг поняла́)
На то, что возвра́т безнаде́жен;
А дальше — изво́лил хвало́ю почти́ть
Реши́мость мою, сожале́я,
Что, долгу поко́рный, не мог пощади́ть
Престу́пного мужа... Не сме́я
Проти́виться чувствам высо́ким таки́м,
Дава́л он своё позволе́нье;
Но лучше жела́л бы, чтоб с сыном моим
Оста́лась я дома...
Волне́нье
Меня охвати́ло. «Я еду!» Давно́
Так радостно сердце не билось...
«Я еду! я еду! Теперь решено́!..»
Я плакала, жарко моли́лась...
В три дня я в далёкий мой путь собрала́сь,
Всё ценное я заложи́ла,
Надёжною шубой, бельём запасла́сь,
Просту́ю киби́тку купи́ла.
Родны́е смотре́ли на сборы мои,
Зага́дочно как-то вздыха́я;
Отъе́зду не верил никто из семьи́...
После́днюю ночь провела́ я
С ребёнком. Нагну́вшись над сыном моим,
Улыбку малю́тки родно́го
Запо́мнить старала́сь; игра́ла я с ним
Печа́тью письма́ рокового́.
Игра́ла и думала: «Бедный мой сын!
Не знаешь ты, чем ты игра́ешь!
Здесь участь твоя: ты проснёшься один,
Несча́стный! Ты мать потеря́ешь!»
И в горе́, упа́в на ручо́нки его
Лицо́м, я шепта́ла рыда́я:

хрупкий — habras
намека́ть *кому? на что?* — vihjama намекнуть *
возвра́т — возвраще́ние
(по)щади́ть (д//ж) — armu heitma
(по)моли́ться — palvetama
закла́дывать *что?* — pantima заложи́ть *
запаса́ться *чем?* — varuma запасти́сь *
печа́ть — pitser

«Прости́, что тебя для отца твоего,
Мой бедный, поки́нуть должна́ я...»
А он улыба́лся; не думал он спать,
Любу́ясь краси́вым паке́том;
Большая и красная эта печа́ть
Его забавля́ла...
С рассве́том
Споко́йно и крепко засну́ло дитя́,
И щёчки его заале́ли.

С люби́мого личика глаз не сводя́,
Моля́сь у его колыбе́ли,
Я встре́тила утро...
Я вмиг собрала́сь.
Сестру́ заклина́ла я снова
Быть матерью сыну... Сестра покляла́сь...
Киби́тка была уж гото́ва.
Суро́во молча́ли родные мои,
Проща́ние было немо́е.
Я думала: «Я умерла́ для семьи́,
Всё милое, всё дорого́е
Теряю... нет счёта печа́льных поте́рь!..»
Мать как-то споко́йно сиде́ла,
Каза́лось, не веря ещё и тепе́рь,
Чтоб дочка уехать посме́ла,
И каждый с вопро́сом смотрел на отца́.
Сидел он пода́ль пону́ро,
Не молвил слове́чка, не поднял лица́, —
Оно было бледно и хмуро.
После́дние вещи в киби́тку снесли́,
Я плакала, бодрость теря́я,
Мину́ты мучи́тельно медленно шли...
Сестру наконе́ц обняла́ я,
И мать обняла́. «Ну, господь вас храни́!»
Сказала я, братьев целу́я.
Отцу подража́я, молча́ли они...
Старик поднялся́, негоду́я,
По сжатым губа́м, по морщи́нам чела́
Ходи́ли зловеще́ие тени...
Я молча ему образо́к подала́
И стала пред ним на коле́ни:
«Я еду! хоть слово, хоть слово, отец!
Прости́ свою дочь, ради бога!..»

(за)але́ть — (по)краснеть
ли́чико — милое лицо
не своди́ть глаз — ainiti vahtima
колыбе́ль — häll
заклина́ть — vannutama
пону́ро — ску́чно, неве́село
бодрость — reipus
негодова́ть — pahane olema, nördima
чело́ — лоб
зловеще́ий — kurjaennustav

Стари́к на меня погляде́л наконе́ц
Заду́мчиво, пристально, строго
И, руки с угро́зой подня́в надо мной,
Чуть слышно сказа́л (я дрожа́ла):
«Смотри! через год возвраща́йся домо́й,
Не то — прокляну́!..»
Я упа́ла...

Глава IV.

«Дово́льно, довольно объя́тий и слёз!»
Я села — и тройка помча́лась.
«Проща́йте, родны́е!» В декабрьский моро́з
Я с домом отцо́вским расста́лась
И мчалась без отдыху с лишком три дня;
Меня быстрота́ увлека́ла,
Она была лучшим враче́м для меня́...
Я скоро в Москву прискака́ла,
К сестре́ Зинаи́де. Мила́ и умна́
Была молода́я княги́ня.
Как музыку знала! Как пела она!
Иску́сство ей было святы́ня.
Она нам оста́вила книгу нове́лл,
Испо́лненных грации нежной,
Поэт Веневи́тинов стансы ей пел,
Влюблённый в неё безнаде́жно;
В Италии год Зинаи́да жила́
И к нам — по сказа́нью поэта —
«Цвет южного неба в очах принесла́»...
Цари́ца моско́вского света,
Она не чужда́лась арти́стов, — житьё
Им было у Зины в гости́ной;
Они уважа́ли, любили её
И Северной звали Кори́нной...

Попла́кали мы. По душе́ ей была
Реши́мость моя рокова́я:
«Крепи́сь, моя бедная! будь весела́!
Ты мрачная стала така́я.
Чем мне эти тёмные тучи прогна́ть?

пристально — очень внима́тельно
объя́тие — embus
святы́ня — pühadus
грация — красота, изящество
стансы — стихи

Кори́нна — греческая поэтесса, жила в VI веке до н. э.; разносторонне одарённая женщина, посвятившая себя искусству; героиня одноименного романа французской писательницы де Сталь (1766—1817).

Как мы распрости́мся с тобою?
А вот что! ложи́сь ты до вечера спать,
А вечером пир я устро́ю.
Не бойся! всё будет во вкусе твоём,
Друзья́ у меня не пове́сы,
Люби́мые песни твои мы споём,
Сыграем люби́мые пьесы...»

И вечером весть, что прие́хала я,
В Москве́ уже многие знали.
В то время несча́стные наши мужья́
Внима́нье Москвы занима́ли:
Едва огласи́лось реше́нье суда́,
Всем было нело́вко и жутко,
В сало́нах Москвы повторя́лась тогда
Одна ростопчи́нская шутка [1]:
«В Евро́пе — сапо́жник,
чтоб барином стать,
Бунту́ет, — поня́тное дело!
У нас револю́цию сделала знать:
В сапо́жники, что ль, захоте́ла?..»
И сделалась я «геро́инею дня».
Не только арти́сты, поэты —
Вся двинулась знатная наша родня́;
Пара́дные, цугом каре́ты
Греме́ли; напу́дрив свои парики́,
Потёмкину ровня по летам,
Яви́лись былые тузы́-старики́
С отме́нно-учти́вым приве́том;
Старушки статс-дамы былого двора́
В объя́тья меня заключа́ли:
«Какое геро́йство!.. Какая пора́!..»
И в такт голова́ми кача́ли.

Ну, словом, что было в Москве повидне́й,
Что в ней мимоёздом гости́ло,
Всё вечером съе́халось к Зине моей:
Арти́стов тут множество было,
Певцо́в-италья́нцев тут слышала я,

распроща́ться *с кем?* — hüvasti jättma
распрости́ться *
пове́са — безде́льник, шалу́н
оглаша́ться — стать изве́стным
огласиться *
цугом — в две-три пары лошадей гуськом
туз — äss
статс-дама — женщина из приближённых к царю́

[1] Шутка Ф. А. Ростопчина, видного сановника, известного своими консервативными взглядами.

Что были тогда знамени́ты,
Отца моего сослужи́вцы, друзья́
Тут были, печа́лью уби́ты.
Тут были родны́е уше́дших туда́,
Куда я сама торопи́лась,
Писа́телей группа, люби́мых тогда,
Со мной дружелю́бно прости́лась:
Тут были Одо́евский, Вяземский; был
Поэт вдохнове́нный и милый,
Покло́нник кузи́ны, что рано почи́л,
Безвре́менно взятый моги́лой.

И Пушкин тут был... Я узна́ла его...
Он другом был нашего детства,
В Юрзу́фе[1] он жил у отца́ моего.
В ту пору прока́з и коке́тства
Смея́лись, болта́ли мы, бегали с ним,
Броса́ли друг в друга цвета́ми.
Всё наше семе́йство пое́хало в Крым,
И Пушкин отпра́вился с нами.
Мы ехали весело. Вот наконе́ц
И горы и Чёрное море!
Веле́л постоя́ть экипа́жам отец,
Гуля́ли мы тут на просто́ре.

Тогда уже был мне шестна́дцатый год.
Гибка́, высока́ не по ле́там,
Поки́нув семью, я стрело́ю вперёд
Умча́лась с курча́вым поэ́том;
Без шляпки, с распу́щенной длинной
косо́й,
Полу́денным солнцем пали́ма,
Я к морю лете́ла, — и был предо мной
Вид южного берега Крыма!
Я радостным взором глядела круго́м,
Я прыгала, с морем игра́ла;
Когда удаля́лся прили́в, я бего́м
До самой воды добега́ла,
Когда же прили́в возвраща́лся опя́ть

уше́дший — который ушёл
Одоевский В. Ф. (1803—1869) — писатель
Вяземский П. А. (1792—1878) — поэт и критик, друг Пушкина
покло́нник — austaja
кузи́на — двою́родная сестра́
почи́ть — умере́ть
прока́зы — шалости
курча́вый — käharpäine
полу́денный — keskpäeva-
пали́ть, — жечь
взор — взгляд
прили́в — (mere)tõus

[1] Юрзуф — Гурзуф, на крымском побережье, где Пушкин был вместе с семьёй Н. Н. Раевского в 1820 году, во время ссылки на юг.

И волны грядо́й подступа́ли,
От них я спеши́ла наза́д убежа́ть,
А волны меня настига́ли!..

И Пушкин смотре́л... и смея́лся, что я
Боти́нки мои промочи́ла.
«Молчи́те! идёт гувернáнтка моя!»
Сказала я строго... (Я скрыла,
Что ноги промо́кли.) Пото́м я прочла́
В «Онегине» чудные строки.
Я вспы́хнула вся — я дово́льна была...
Теперь я стара́, так далёки
Те красные дни! Я не буду скрыва́ть,
Что Пушкин в то время каза́лся
Влюблённым в меня... но, по правде сказа́ть,
В кого он тогда не влюбля́лся!
Но, думаю, он не люби́л никого́
Тогда́, кроме Музы: едва́ ли
Не больше любви́ занима́ли его
Волне́нья её и печа́ли...

Юрзу́ф живопи́сен: в раско́шных сада́х
Доли́ны его потону́ли,
У ног его море, вдали́ Аюда́г...
Тата́рские хижины льну́ли
К подно́жию скал; виногра́д выбега́л
На кручу лозо́й отягчённой,
И тополь места́ми недви́жно стоял
Зелёной и стройной коло́нной.
Мы заняли дом под нави́сшей скало́й,
Поэт наверху́ приюти́лся.
Он нам говори́л, что дово́лен судьбо́й,
Что в море и горы влюби́лся.
Прогу́лки его продолжа́лись по дня́м
И были всегда одино́ки,
Он у́ моря часто броди́л по ноча́м.
По-а́нглийски брал он уро́ки
У Лены, сестры́ моей: Байрон тогда́
Его занима́л чрезвыча́йно.

грядá — reastik, ahel
настигáть *кого? что?* — kätte saama, tabama
настичь *
(про)мочи́ть — märjaks tegema
(по)тону́ть *в чём?* — uppuma
(при)льну́ть *к чему? к кому?* — liibuma
подно́жие — jalam
круча — järsak
лоза́ — viinamarjakobar
отягчённый *чем?* — raske
тополь — pappel
нависáть *над чем?* — ripputma
навúснуть *
(при)ютúться — жить в тесноте́
чрезвычáйно — очень сильно

Случа́лось сестре́ переве́сть иногда́
Из Байрона что-нибудь — тайно;
Она мне чита́ла попы́тки свои́,
А после рвала и броса́ла,
Но Пушкину кто-то сказал из семьи́,
Что Лена стихи сочиня́ла:
Поэт подобра́л лоскутки́ под окно́м
И вывел всё дело на сцену.
Хваля́ перево́ды, он долго пото́м
Конфу́зил несча́стную Лену...

Око́нчив заня́тья, спуска́лся он вниз
И с нами дели́лся досу́гом;
У самой терра́сы стоял кипари́с,
Поэт называ́л его другом,
Под ним застава́л его часто рассве́т,
Он с ним, уезжа́я, проща́лся...
И мне говори́ли, что Пушкина след
В тузе́мной леге́нде оста́лся:
«К поэту лета́л солове́й по ночам́,
Как в небо луна́ выплыва́ла,
И вместе с поэтом он пел — и, певца́м
Внима́я, приро́да смолка́ла!
Потом солове́й — повеству́ет наро́д —
Лета́л сюда каждое лето:
И свищет, и плачет, и словно зовёт
К забы́тому другу поэта!
Но умер поэт — прилета́ть переста́л
Перна́тый певе́ц... Полный горя,
С тех пор кипари́с сирото́ю стоя́л,
Внима́я лишь ропоту моря...»
Но Пушкин надо́лго просла́вил его:
Тури́сты его навеща́ют,
Садя́тся под ним и на память с него́
Души́стые ветки срыва́ют...

Печа́льна была наша встреча. Поэт
Пода́влен был истинным горем.
Припо́мнил он игры ребя́ческих лет
В далёком Юрзу́фе, над морем.
Поки́нув привы́чный насме́шливый тон,

подбира́ть — üles korjama
подобра́ть *
лоскуто́к — кусо́чек
конфу́зить — смуща́ть
досу́г — свобо́дное от рабо́ты время
кипари́с — küpress
беспе́чный — беззабо́тный
тузе́мный — pärismaalane
смолка́ть — (за)молча́ть
смолкну́ть *
перна́тый — sulis-
ропот моря — mere kohin
истинный — настоя́щий

С любо́вью, с тоско́й бесконе́чной,
С уча́стием брата напу́тствовал он
Подру́гу той жизни беспе́чной!
Со мной он по комнате долго ходи́л,
Судьбо́й озабо́чен мое́ю,
Я помню, родны́е, что он говори́л,
Да так переда́ть не суме́ю:
«Иди́те, иди́те! Вы сильны душо́й,
Вы смелым терпе́ньем бога́ты,
Пусть мирно сверши́тся ваш путь роково́й,
Пусть вас не смуща́ют утра́ты!
Пове́рьте, душе́вной такой чистоты́
Не сто́ит сей свет ненави́стный!
Блаже́н, кто меня́ет его суеты́
На подвиг любви́ бескоры́стной!
Что свет? опусты́левший всем маскара́д!
В нём сердце черстве́ет и дремлет,
В нём царствует вечный, рассчи́танный хлад
И пылкую правду объе́млет...

Вражда́ умири́тся влия́ньем годо́в,
Пред временем рухнет прегра́да,
И вам возврата́тся пена́ты отцов
И сени дома́шнего сада!
Целе́бно вольётся в уста́лую грудь
Доли́ны насле́дственной сладость,
Вы гордо огля́нете пройденный путь
И снова узна́ете радость.

Да, верю! недо́лго вам горе терпе́ть,
Гнев царский не будет же вечным...
Но если придётся в степи́ умере́ть,
Помянут вас словом сердечным:
Плени́телен образ отва́жной жены́,
Яви́вшей душе́вную силу
И в снежных пусты́нях суро́вой страны́
Сокры́вшейся рано в моги́лу!

напу́тствовать — reisile saatma (sõnadega)
утра́та — поте́ря
блаже́н — счастлив
суета́ — askeldus
бескоры́стный — omakasupüüdmatu
опусты́левший — который надое́л
черстве́ть — kalgistuma
хлад — холод
пылкий — горя́чий
объе́млет — hõlmab
вражда́ — vaen
рухнуть — kokku varisema
пена́ты отцо́в — родно́й, отчий дом
пена́ты — боги дома́шнего очага́ у древних римлян
се́ни сада — aia vari, lehestik
целе́бно — ravivalt
помяну́ть — вспомнить *кого-нибудь*
плени́тельный — очарова́тельный
яви́вший — который показа́л, проявил
сокры́вшийся — который скры́лся

Умрёте, но ваших страда́ний расска́з
Поймётся живы́ми сердца́ми,
И за́ полночь правнуки ваши о вас
Бесе́ды не кончат с друзья́ми.
Они им пока́жут, вздохну́в от души́,
Черты незабве́нные ваши,
И в память праба́бки, поги́бшей в глуши́,
Осу́шатся полные чаши!..
Пуска́й долгове́чнее мрамор моги́л,
Чем крест деревя́нный в пусты́не,
Но мир Долгору́кой [1] ещё не забы́л,
А Бирона [2] нет и в помине.

Но что я?.. Дай бог вам здоро́вья и сил!
А там и уви́деться можно:
Мне царь «Пугачёва» писа́ть поручи́л,
Пугач меня мучит безбо́жно,
Распра́виться с ним я на славу хочу́,
Мне быть на Ура́ле придётся.
Поеду весно́й, поскоре́й захвачу́,
Что путного там соберётся,
Да к вам и махну́, переёхав Урал...»

Поэт написа́л «Пугачёва»,
Но в дальние наши снега́ не попа́л.
Как мог он сдержа́ть это слово?..

Я слушала музыку, грусти полна́,
Я пению жадна внима́ла;
Сама я не пела — была я больна́,
Я только други́х умоля́ла:
«Поду́майте: я уезжа́ю с зарёй...
О, пойте же, пойте! игра́йте!..
Ни музыки я не услы́шу тако́й,
Ни песни... Наслу́шаться дайте!»

И чудные звуки лили́сь без конца́!
Торже́ственной песней проща́льной
Око́нчился вечер, — не помню лица́

чаша (бока́л) — реекег
нет и в поми́не — никто́ больше не помнит

---

[1] Долгорукая Н. Б. (1714—1771) после́довала в ссылку в Сибирь за своим мужем, сосланным в правле́ние импера́трицы Анны Иоа́нновны.

[2] Бирон — люби́мец импера́трицы Анны Иоа́нновны; пользовался при ней неограни́ченной властью и жестоко расправля́лся с неуго́дными ему лицами.

Без грусти, без думы печáльной!
Черты неподвúжных, суровых старýх
Утрáтили холод надмéнный,
И взор, что, казáлось, навéки потýх,
Светúлся слезóй умилённой...
Артúсты старáлись себя превзойтú,
Не знаю я песни прелéстней,
Той песни-молúтвы о добром путú,
Той благословляющей песни...
О, как вдохновéнно играли они!
Как пели!.. и плакали сами...
И каждый сказал мне: «Господь вас
храни!»,
Прощáясь со мной со слезáми...

Глава V

Морóзно. Дорóга белá и гладкá,
Ни тучи на всём небосклóне...
Обмёрзли усы́, бородá ямщикá,
Дрожúт он в своём балахóне.
Спинá его, плечи и шапка в снегý,
Хрипúт он, коней понукáя,
И кашляют кони его на бегý,
Глубóко и трудно вздыхáя...

Обы́чные виды: былáя красá
Пусты́нного русского края,
Угрю́мо шумя́т строевы́е лесá,
Гигáнтские тени бросáя;
Равни́ны покры́ты алмáзным коврóм,
Дерéвни в снегý потонýли,
Мелькнýл на пригóрке помéщичий дом,
Церкóвные главы блеснýли...

Обы́чные встрéчи: обоз без концá,
Толпá богомóлок-старýшек.
Почтóвая тройка, фигýра купцá
На груде перúн и подýшек;

надмéнный — üleolev
потухáть — (по)гаснуть
потухнуть *
умилённый — heldinud
превосходúть *кого? в чём?* — ületama
превзойти *
небосклóн — taevalaotus
балахóн — простóрный, длинный халáт
понукáть — sundima
строевóй лес — ehitusmets
церкóвные глáвы — kirikutornid
обóз — voor
богомóлка — которая молится богу
перина — sulekott

Казённая фу́ра! С деся́ток подво́д:
Нава́лены ружья и ранцы.
Солда́тики! Жидкий, безу́сый наро́д,
Должно быть, ещё новобра́нцы;
Сынко́в провожа́ют отцы-мужики́
Да матери, сёстры и жёны:
«Уво́дят, уво́дят серде́чных в полки́!»
Доно́сятся горькие стоны...

Подня́в кулаки́ над спино́й ямщика́,
Нейстово мчится фельдъе́герь.
На самой доро́ге догна́в русака́,
Уса́тый поме́щичий егерь
Махну́л через ров на прово́рном коне́,
Добы́чу у псов отбива́ет.
Со всей своей свитой стои́т в стороне́
Поме́щик — борзы́х подзыва́ет...

Обы́чные сцены: на станциях ад —
Руга́ются, спорят, толку́тся.
«Ну, трогай!» Из окон ребя́та глядя́т,
Продро́гшие куры деру́тся;
У кузницы бьётся лоша́дка, в станке́,
Выхо́дит весь сажей покры́тый
Кузне́ц, с раскалённой подко́вой в руке́:
«Эй, парень, держи́ ей копы́ты!..»

В Каза́ни я сделала первый прива́л,
На жёстком дива́не усну́ла;
Из окон гости́ницы видела бал
И, каюсь, глубо́ко вздохну́ла!
Я вспомнила: час или два с небольши́м
Оста́лось до нового года.
«Счастли́вые люди! как весело им!
У них и поко́й и свобо́да,
Танцу́ют, смею́тся!.. а мне не знава́ть
Весе́лья... я еду на му́ки!..»
Не надо бы мыслей таких допуска́ть,
Да молодость, молодость, внуки!

казённая (фура) — kroonu-
подво́да — küüdivanker
новобра́нец — noorsõdur, liisupoiss
нейстово — усердно
фельдъе́герь — вое́нный или прави́тельственный курье́р, доставля́ющий важную почту
русак — заяц
егерь — охо́тник
ров — кана́ва
махну́ть *через что?* — перепры́гнуть
отбива́ть *у кого? что?* — отнимать
отбить * — отнять
свита — saatjaskond
борза́я — hurt
ад — põrgu
раскалённый — hõõguv
подко́ва — hobuseraud
копы́то — kabi
прива́л — отдых

Здесь снова пугáли меня Трубецкóй,
Что будто её воротúли:
«Но я не боюсь — позволéнье со мной!»
Часы́ уже десять пробúли,
Пора! я одéлась. — Готóв ли ямщúк?
«Княгúня, вам лучше дождáться
Рассвéта», замéтил смотрúтель-старúк:
«Метéль началá подымáться!»
— Ах! то ли придётся ещё испытáть!
Поéду. Скорéй, ради бога!..

Звенúт колокóльчик, ни зги́ не видáть,
Что дальше, то хуже дорóга,
Потáлкивать начало сильно в бокá,
Какими-то едем грядáми,
Не ви́жу я даже спины́ ямщикá:
Бугóр намелó между нами.
Чуть-чуть не упáла кибúтка моя,
Шарáхнулась тройка и стала.

Ямщик мой заóхал: «Доклáдывал я:
Пождáть бы! дорога пропáла!..»

Послáла дорóгу искáть ямщикá,
Кибúтку рогóжей закрыла,
Подýмала: верно, уж полночь близкá,
Пружúнку часóв подавúла:
Двенáдцать удáрило! Кончился год,
И новый успéл народúться!
Откúнув цыновку, гляжý я вперёд —
Попрéжнему вьюга крутúтся.
Какое ей дело до наших скорбéй,
До нашего нового года?
И я равнодýшна к тревóге твоей
И к стонам твоим, непогóда!
Своя́ у меня рокова́я тоскá,
И с ней я борю́сь одинóко...

Поздрáвила я моегó ямщикá.
«Зимóвка тут есть недалёко, —
Сказáл он: — рассвéта дождёмся мы в ней!»

воротúть — возвратúть
позволéнье — разрешéнье
ни зги не видáть — pilkane pimedus
грядá — madalate mägede ahelik
бугóр — lumehang
шарáхаться — kõrvale hüppama
шарахнуться *
рогóжа — rõgusk
пружúнка — vedru
цыновка — niinmatt
скорбь — глубóкая грусть

Подъе́хали мы, разбуди́ли
Каких-то убо́гих лесны́х стороже́й,
Их дымную печь затопи́ли.
Расска́зывал ужасы житель лесно́й,
Да я его сказки забы́ла...
Согре́лись мы чаем. Пора на поко́й!
Мете́ль всё ужа́снее выла.
Лесни́к покрести́лся, ночни́к погаси́л
И с помощью пасынка Феди
Огро́мных два камня к дверя́м привали́л.
«Зачем?» — Одоле́ли медве́ди!

Пото́м он улёгся на голом полу́,
Всё скоро усну́ло в сторо́жке,
Я думала, думала... лёжа в углу́
На мёрзлой и жёсткой рого́жке...
Снача́ла весёлые были мечты́:
Я вспомнила праздники наши,
Огня́ми горя́щую залу, цветы́,
Пода́рки, заздра́вные чаши,
И шумные речи, и ласки... круго́м
Всё милое, всё дороге́е —
Но где же Сергей?.. И, поду́мав о нём,
Забы́ла я всё остально́е!

Я живо вскочи́ла, как только ямщи́к
Продро́гший в окно́ постуча́лся.
Чуть свет на доро́гу нас вывел лесни́к,
Но деньги приня́ть отказа́лся.
«Не на́до, родная! Бог вас защити́,
Доро́ги-то дальше опа́сны!»
Крепча́ли моро́зы, по мере пути́,
И сделались скоро ужа́сны.
Совсе́м я закры́ла киби́тку мою —
И тёмно, и страшная скука.
Что делать? Стихи́ вспомина́ю, пою́, —
Когда-нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыда́ет, пусть ветер ревёт
И путь мой зано́сят мете́ли,
А всё-таки я подвига́юсь вперёд!
Так ехала я три неде́ли...

убо́гий — vaene, armetu
ночни́к — ночная лампа
пасынок — võõraspoeg
одолева́ть — jagu saama
одоле́ть *
продро́гший — külmanud
(за)реве́ть — undama

Одна́жды, заслы́шав какой-то содо́м,
Цыно́вку мою я откры́ла,
Взгляну́ла: мы едем обши́рным село́м,
Мне сразу глаза́ ослепи́ло:
Пыла́ли костры́ по доро́гѣ моей...
Тут были крестья́не, крестья́нки,
Солда́ты — и целый табун лошаде́й...
«Здесь станция: ждут серебря́нки»,
Сказа́л мой ямщи́к: «мы увидим её,
Она, чай, идёт недале́че...»

Сибирь высыла́ла бога́тство своё,
Я рада была этой встрече:
«Дожду́сь серебря́нки! Авось что-нибудь
О муже, о наших узна́ю.
При ней офице́р, из Нерчи́нска их путь...»
В харче́вне сижу́, поджида́ю...
Вошёл молодой офице́р; он кури́л,
Он мне не кивну́л голово́ю,
Он как-то надме́нно гляде́л и ходи́л,
И вот я сказала с тоско́ю:
«Вы видели, верно... изве́стно ли вам
Те... жертвы дека́брьского дела...
Здоро́вы они? Каково́-то им там?
О муже я знать бы хоте́ла...»
Наха́льно ко мне поверну́л он лицо́, —
Черты были злы и суро́вы, —
И, выпустив и́зо рту дыму кольцо́,
Сказал: «Несомне́нно здоро́вы,
Но я их не знаю — и знать не хочу́,
Я мало ли каторжных видел!..»
Как больно мне было, родны́е! Молчу́...
Несча́стный! меня же оби́дел!..
Я бросила только презри́тельный взгляд,
С досто́инством юноша вышел...
У печки тут грелся какой-то солда́т,
Прокля́тье моё он услы́шал
И доброе слово — не варварский смех —
Нашёл в своем сердце солда́тском:
«Здоро́вы! — сказал он: — я видел их всех,
Живу́т в рудники́ Благода́тском!..»
Но тут возврати́лся надме́нный геро́й,
Поспе́шно ушла я в киби́тку.

содо́м — здесь: шум
табу́н лошаде́й — hobusekari
серебря́нка — обоз с серебро́м
наха́льно — ülbelt
каторжный — sunnitööline
презри́тельный — põlastav
варварский — barbaarne

Спаси́бо, солда́тик! спасибо, родно́й!
Неда́ром я вынесла пытку!

Пу́тру на белые степи гляжу́,
Послы́шался звон колоко́льный,
Тихо́нько в убо́гую церковь вхожу́,
Смеша́лась с толпо́й богомо́льной.
Отслу́шав обе́дню, к попу́ подошла́,
Моле́бен служи́ть попроси́ла...
Всё было споко́йно — толпа́ не ушла́...
Совсе́м меня горе сломи́ло!
За что мы оби́жены столько, Христо́с?
За что поруга́ньем покры́ты?
И реки давно накопи́вшихся слёз
Упа́ли на жёсткие пли́ты!
Каза́лось, народ мою грусть разделя́л,
Моля́сь молчали́во и строго,
И голос свяще́нника скорбью звуча́л,
Проси́ об изгна́нниках бога...
Убо́гий, в пусты́не зате́рянный храм!
В нём плакать мне было не стыдно,
Уча́стье страда́льцев, моля́щихся там,
Уби́той душе не оби́дно...

(Отец Иоа́нн, что́ моле́бен служи́л
И так непритво́рно моли́лся,
Потом в казема́те свяще́нником был
И с нами душо́й породни́лся.)

А ночью ямщи́к не сдержа́л лошаде́й,
Гора́ была страшно крута́я,
И я полете́ла с киби́ткой моей
С высо́кой верши́ны Алта́я!

В Ирку́тске проде́лали то же со мной,
Чем там Трубецку́ю терза́ли...
Байка́л. Перепра́ва — и холод тако́й,
Что слёзы в глаза́х замерза́ли.
Потом я расста́лась с кибиткой мое́й
(Пропа́ла санна́я доро́га).
Мне жаль её было: я плакала в ней
И думала, думала много!

убо́гий — бедный
пли́та — kiviplaat
моля́щийся — тот, кто молится
непритво́рно — искренне
казема́т — тюрьма́
терза́ть — мучить

Доро́га без сне́гу — в теле́ге! Сперва́
Теле́га меня занима́ла,
Но вскоре потом, ни жива́ ни мертва́,
Я прелесть теле́ги узна́ла.
Узна́ла и голод на этом пути́, —
К несча́стию, мне не сказа́ли,
Что тут ничего невозмо́жно найти́,
Тут почту буря́та держа́ли.
Говя́дину вялят на солнце они
Да греются чаем кирпи́чным,
И тот ещё с салом! Госпо́дь сохрани́
Попро́бовать вам, непривы́чным!
Зато́ под Нерчи́нском мне задали бал:
Како́й-то купец тарова́тый
В Ирку́тске заме́тил меня, обогна́л
И в честь мою праздник бога́тый
Устро́ил... Спаси́бо! я ра́да была
И вкусным пельме́ням и бане...
А праздник, как мёртвая, весь проспала́
В гости́ной его на дива́не...

Не знала я, что впереди́ меня ждёт!
Я утром в Нерчи́нск прискака́ла,
Не верю глаза́м, — Трубецка́я идёт!
«Догна́ла тебя, я догна́ла!»
— *Они в Благода́тске!* — Я бросилась к ней,
Счастли́вые слёзы роня́я...
В двена́дцати только верста́х мой Сергей,
И Катя со мной Трубецка́я!

Глава VI.

Кто знал одино́чество в дальнем пути́,
Чьи спутники — горе да вьюга,
Кому провиде́ньем дано обрести́
В пусты́не нега́данно друга,
Тот нашу взаи́мную радость поймёт...
— Уста́ла, уста́ла я, Маша!
«Не плачь, моя бедная Катя! Спасёт
Нас дружба и молодость наша!
Нас жребий один неразры́вно связа́л,
Судьба́ нас равно́ обману́ла,
И тот же пото́к твоё счастье умча́л,
В котором моё потону́ло.

вялить — kuivatama
тарова́тый — lahke
жребий — судьба́
пото́к — река́, руче́й

Пойдём же мы об руку трудным путём,
Как шли зелене́ющим лугом,
И обе досто́йно свой крест понесём,
И будем мы сильны друг другом.
Что мы потеря́ли? поду́май, сестра́!
Игру́шки тщесла́вья... Немно́го!
Теперь перед нами доро́га добра́,
Дорога избра́нников бога!
Найдём мы уни́женных, скорбных мужей,
Но будем мы им утеше́ньем,
Мы кротостью нашей смягчи́м палаче́й,
Страда́ньем оси́лим терпе́ньем.
Опо́рою гибнущим, слабым больны́м
Мы будем в тюрьме́ ненави́стной
И рук не поло́жим, пока́ не соверши́м
Обета любви́ бескоры́стной!..
Чиста́ наша жертва, — мы все отдаём
Избра́нникам нашим и богу.
И верю я: мы невреди́мо пройдем
Всю трудную нашу доро́гу...»

Приро́да уста́ла с собой воева́ть —
День ясный, моро́зный и тихий.
Снега́ под Нерчи́нском явились опять,
В саня́х покати́ли мы лихо...
О ссыльных рассказывал русский ямщи́к
(Он знал их фами́лии даже):
«На этих конях я вози́л их в рудни́к,
Да только в друго́м экипа́же.
Должно быть, доро́га легка́ им была:
Шути́ли, смеши́ли друг дружку;
На завтрак ватру́шку мне мать испекла́,
Так я подари́л им ватру́шку;
Двугри́венный дали — я брать не хоте́л:
— Возьми́, паренёк, пригоди́тся...»

Болта́я, он живо в село́ прилете́л.
«Ну, барыни! где станови́ться?»
— Вези́ нас к нача́льнику, прямо в остро́г.
«Эй, други, не дайте в оби́ду!»
Нача́льник был тучен и, кажется, строг,
Спросил: по како́му мы виду?
«В Ирку́тске читали инстру́кцию нам
И выслать в Нерчи́нск обеща́ли...»

тщесла́вье — auahnus
скорбный — печа́льный
пала́ч — timukas
опо́ра — tugi
обе́т — tõotus
тучный (тучен) — полный, толстый

— Застря́ла, застря́ла, голу́бушка, там!
«Вот копия, нам её дали. . .»
— Что копия? с ней попадёшься впроса́к!
«Вот царское вам позволе́нье!»
Не знал по-францу́зски упря́мый чуда́к,
Не верил нам, — смех и муче́нье!
«Вы видите подпись царя́: Никола́й?»
До подписи нет ему де́ла,
Ему из Нерчи́нска бума́гу пода́й!
Пое́хать за ней я хоте́ла,
Но он объяви́л, что отпра́вится сам
И к утру бума́гу добу́дет.

«Да точно ли? . .» — Честное слово! А вам
Поле́знее выспаться будет! . .

И мы добрали́сь до какой-то избы́,
О завтрашнем утре мечта́я;
С око́нцем из сли́юды, низка́, без трубы́,
Была наша хата така́я,
Что я голово́ю каса́лась стены́,
А в дверь упира́лась нога́ми;
Но мелочи эти нам были смешны́,
Не то уж случа́лося с нами.
Мы вместе! теперь бы легко я снесла́
И самые трудные му́ки. . .

Проснула́сь я рано, а Катя спала́.
Пошла́ по дере́вне от скуки:
Избу́шки такие ж, как наша, число́м
До сотни, в овра́ге торча́ли,
А вот и кирпи́чный с решётками дом!
При нём часовы́е стоя́ли.
— Не здесь ли престу́пники? — «Здесь, да ушли́».
— Куда? — «На рабо́ту вести́мо!»
Каки́е-то дети меня повели́. . .
Бежа́ли мы все — нестерпи́мо
Хоте́лось мне мужа увидеть скоре́й;
Он близко! Он шёл тут неда́вно!
— Вы видите их? — я спроси́ла детей.
«Да, видим! Пою́т они славно!
Вон дверца. . . гляди́ же! Пойдём мы теперь,

попадёшься впроса́к — jääd vahele
слюда́ — vilgukivi
решётка — võre
вести́мо (изве́стно) — teadagi

Прощáй! . .» Убежáли ребя́та. . .

И словно под землю веду́щая дверь
Увидела я — и солдáта.
Суро́во смотре́л часово́й, — наголо́
В руке́ его сабля сверка́ла.
Не золото, внуки, и здесь помогло́,
Хоть золото я предлага́ла!
Быть может, вам хочется дальше чита́ть,
Да просится слово из груди!
Поме́длим немно́го. Хочу я сказа́ть
Спаси́бо вам, русские люди!
В доро́ге, в изгна́нии, где я ни была,
Всё трудное каторги время,
Наро́д! я бодре́е с тобо́ю несла
Моё непоси́льное бремя.
Пусть много скорбе́й тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печа́ли,
И где мои слёзы гото́вы упасть,
Твои уж давно́ там упа́ли! . .
Ты любишь несча́стного, русский наро́д!
Страда́ния нас породни́ли. . .
«Вас в каторге самый зако́н не спасёт!»
На родине мне говорили;
Но добрых люде́й я встреча́ла и там,
На крайней ступе́ни паде́нья,
Уме́ли по-своему выразить нам
Престу́пники дань уваже́нья;
Меня́ с неразлу́чною Катей мое́й
Дово́льной улыбкой встреча́ли:
«Вы — ангелы наши!» За наших муже́й
Уро́ки они исполня́ли.
Не раз мне укра́дкой дава́л из поды́
Карто́фель коло́дник клеймёный.
«Покушай! горя́чий, сейчас из золы́!»
Хоро́ш был карто́фель печёный,
Но грудь и теперь занывáет с тоски́,
Когда я о нём вспомина́ю. . .
Прими́те мой низкий покло́н, бедняки́!
Спаси́бо вам всем посыла́ю!
Спаси́бо! . . Счита́ли свой труд ни во что́

наголо — paljastatult
непоси́льный — очень тяжёлый, не по силам
бремя —тяжесть, трудность
ступе́нь — aste
пола́ — hõlm
укра́дкой — vargsi
коло́дник — vang
клеймёный — tembeldatud, häbimärgistatud
зола́ — tuhk

Для нас эти люди просты́е,
Но горечи в чашу не подлил никто́,
Никто́ — из наро́да, родные! . .

Рыда́ньям моим часово́й уступи́л,
Как бога его я проси́ла!
Свети́льник (род факела) он засвети́л,
В какой-то подва́л я вступи́ла
И долго спуска́лась всё ниже; пото́м
Пошла́ я глухи́м коридо́ром,
Усту́пами шёл он; темно́ было в нём
И душно; где плесень узо́ром
Лежа́ла, где тихо струи́лась вода́
И лужами книзу стека́ла.
Я слышала шорох; земля́ иногда́
Комка́ми со стен упада́ла;
Я видела страшные ямы в стена́х;
Каза́лось, такие ж доро́ги
От них начина́лись. Забы́ла я страх,
Прово́рно несли́ меня ноги!

И вдруг я услы́шала крики: «Куда́,
Куда вы? Уби́ться хоти́те?
Ходи́ть не позво́лено дамам туда́!
Верни́тесь скоре́й! Погоди́те!»
Беда́ моя! видно, дежу́рный пришёл
(Его часово́й так боя́лся),
Крича́л он так грозно, так голос был зол,
Шум скорых шаго́в приближа́лся. . .
Что делать? Я факел заду́ла. Вперёд
Впотьма́х наугад побежа́ла. . .
Господь, коли хочет, везде́ проведёт!
Не знаю, как я не упа́ла,
Как голову я не оста́вила там!
Судьба́ берегла́ меня. Мимо
Ужа́сных рассе́лин, прова́лов и ям
Бог вывел меня невреди́мо:
Я скоро уви́дела свет впереди́,
Там звёздочка словно свети́лась. . .
И вылетел радостный крик из груди́:
«Ого́нь!» Я крестом осени́лась. . .
Я сбросила шубу. . . Бегу́ на огонь, —
Как бог уберёг во мне душу!
Попа́вший в трясину испу́ганный конь
Так рвётся, зави́девши сушу. . .

горечь (ж. р.) — kibedus
плесень (ж. р.) — hallitus
рассе́лина — lõhestik
осени́ть крестом (перекрести́ться) — risti ette lööma
трясина (боло́то) — õõtsik

И стало, родные, светлéй и светлéй!
Увúдела я возвышéнье:
Какая-то площадь... и тени на ней...
Чу... молот! рабóта, движéнье...
Там люди! Увúдят ли только они?
Фигýры отчётливей стали...
Вот ближе, сильнéй замелькáли огнú.
Должнó быть, меня увидáли...
И кто-то, стоя́вший на самом краю́,
Воскли́кнул: «Не ангел ли божий?
Смотри́те, смотри́те!» — Ведь мы не в раю́.

Прокля́тая шахта похóжей
На ад! — говори́ли другие, смея́сь,
И быстро на край выбегáли,
И я приближáлась поспéшно. Дивя́сь,
Недви́жно они ожидáли.

«Волкóнская!» — вдруг закричáл Трубецкóй
(Узнáла я голос). Спусти́ли
Мне лестницу, я подняла́ся стрелóй!
Все люди знакóмые были:
Сергéй Трубецкóй, Артамóн Муравьёв,
Бори́совы, князь Оболéнский...[1]
Потóком сердéчных, востóрженных слов,
Похвáл моей дерзости женской
Былá я осы́пана; слёзы текли́
По лицам их, полным учáстья...
Но где же Сергéй мой? «За ним уж пошли́,
Не умер бы только от счастья!
Кончáет урок: по три пуда руды́
Мы в день достаём для Росси́и,
Как видите, нас не уби́ли труды́!»
Весёлые были таки́е,
Шути́ли, но я под весёлостью их
Печáльную повесть читáла
(Мне новостью были окóвы на них,
Что их закую́т — я не знáла)...
Извéстьем о Кате, о милой жене́,
Утéшила я Трубецкóго;

дерзость (ж. р.) — julgemine, sõandamine
окóвы — ahelad

[1] Перечислены декабристы: Трубецкой Сергей Петрович (1790—1860), Муравьёв Артамон Захарович (1794—1846), Борисовы Андрей Иванович (1798—1854) и Пётр Иванович (1800—1854), Оболенский Евгений Петрович (1796—1868).

Все письма, по счастию, были при мне,
С приве́том из края родно́го.
Спеши́ла я их переда́ть. Между тем
Внизу́ офицер горячи́лся:
«Кто лестницу принял? Куда́ и зачем
Смотри́тель работ отлучи́лся?
Суда́рыня! Вспомните сло́во моё,
Убьётесь! . . Эй, лестницу, черти!
Живе́й! . . (Но никто не подста́вил её. . .)
Убьётесь, убьётесь до смерти!
Изво́льте спусти́ться! да что ж вы? . .» Но мы
Всё вглубь уходи́ли. . . Отвсю́ду
Бежа́ли к нам мрачные дети тюрьмы́,
Дивя́сь небыва́лому чуду.
Они пролага́ли мне путь впереди́,
Носи́лки свои предлага́ли. . .

Ору́дья подзе́мных работ на пути́,
Прова́лы, бугры́ мы встреча́ли.
Рабо́та кипе́ла под звуки око́в,
Под песни — работа над бездной!
Стуча́лись в упру́гую грудь рудніко́в
И заступ и молот желе́зный.
Там с ношею узник шага́л по бревну́,
Нево́льно крича́ла я: «Тише!»
Там новую мину вели́ в глубину́,
Там люди кара́бкались выше
По шатким подпо́ркам. . . Какие труды́!
Кака́я отва́га! . . Сверка́ли
Места́ми добы́тые глыбы руды́
И щедрую дань обеща́ли. . .

Вдруг кто-то воскли́кнул:
«Идёт он! идёт!»
Оки́нув простра́нство глаза́ми,
Я чуть не упа́ла, рвану́вшись вперёд, —
Кана́ва была перед нами.
«Пото́ше, пото́ше! Уже́ли затем
Вы тысячи вёрст пролете́ли»,
Сказа́л Трубецко́й, «чтоб на горе нам всем
В кана́ве поги́бнуть — у цели?»
И за́ руку крепко меня́ он держа́л:
«Что б было, когда б вы упа́ли?»

кара́бкаться — лезть
шаткий — неусто́йчивый, кача́ющийся
подпо́рка — tugi

Сергей торопи́лся, но тихо шага́л.
Око́вы уны́ло звуча́ли.
Да, цепи! Пала́ч не забы́л ничего́
(О, мстительный трус и мучи́тель!),
Но кроток он был, как избра́вший его
Ору́дьем своим искупи́тель.
Пред ним расступа́лись, молча́нье храня́,
Рабо́чие люди и стража...
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простёр ко мне: «Маша!»
И стал, обесси́ленный словно, вдали́...
Два ссыльных его поддержа́ли.
По бледным щека́м его слёзы текли́,
Простёртые руки дрожа́ли...

Душе́ моей милого голоса звук
Мгнове́нно посла́л обновле́нье,
Отра́ду, наде́жду, забве́ние мук,
Отцо́вской угро́зы забве́нье!
И с криком: «Иду!» я бежа́ла бего́м,
Рвану́в неожи́данно руку,
По узкой доске́ над зия́ющим рво́м
Навстре́чу призы́вному звуку...
«Иду!..» Посыла́ло мне ласку свою
Улы́бкой лицо́ испито́е...
И я побежа́ла... И душу мою
Напо́лнило чувство свято́е.
Я только тепе́рь, в рудники́ рокового́м,
Услы́шав ужа́сные звуки,
Уви́дев око́вы на муже моём,
Вполне́ поняла́ его муки.
Он много страда́л, и умел он страда́ть!
Нево́льно пред ним я склони́ла
Коле́ни — и, прежде чем мужа обня́ть,
Око́вы к губа́м приложи́ла!..

И тихого ангела бог ниспосла́л
В подзе́мные копи, — в мгнове́нье
И говор и грохот рабо́т замолча́л,
И замерло словно движе́нье,
Чужи́е, свои — со слеза́ми в глаза́х,
Взволно́ваны, бледны, суро́вы,
Стоя́ли круго́м. На недви́жных нога́х
Не издали звука око́вы,

мстительный — kättemaksuhimuline
простёртый — väljasirutatud
угро́за — ähvardus
зия́ющий (раскры́тый, обнару́живающий глубину́) — haigutav
испитой (истощённый) — kurnatud

И в воздухе поднятый молот засты́л...
Всё тихо — ни песни, ни речи...
Каза́лось, что каждый здесь с нами дели́л
И го́речь и счастие встречи!
Свята́я, святая была тишина́!
Како́й-то высо́кой печа́ли,
Какой-то торже́ственной думы полна́.
«Да где же вы все запропа́ли?» —
Вдруг снизу донёсся нейстовый крик.
Смотри́тель работ появи́лся.
«Уйди́те! — сказал со слеза́ми стари́к: —
Наро́чно я, барыня, скрылся,
Тепе́рь уходи́те. Пора́! Забраня́т!
Нача́льники — люди круты́е...»
И словно из рая спусти́лась я в ад...
И только... и только, родны́е!
По-русски меня офице́р обруга́л,
Внизу́ ожида́вший в трево́ге,
А сверху мне муж по-францу́зски сказа́л:
«Уви́димся, Маша, — в остро́ге!..»

нейстовый — необыча́йно сильный

НА ВОЛГЕ.

Некрасов бывал в Герма́нии, в Ита́лии, во Франции и видел немало краси́вейших рек, но больше всех рек на свете он любил свою родную Волгу, на берега́х которой прошло его детство. С любовью говорил он о ней:

Благослове́нная река,
Корми́лица народа!

Поэту редко удавалось вырваться к любимой реке. В стихотворении «На Волге» он рассказывает, как однажды после долгой разлу́ки ему посчастли́вилось снова увидеть её. Но радость его была коротка́: вдруг невдалеке́, на берегу, он заметил толпу бурлако́в; шага́я по берегу, они тащи́ли за собо́й на бечеве́ тяжело́ гружённые суда́ и баржи.

Пароходов в те времена́ ещё не было. Суда́ могли плыть только вниз по тече́нию, а против тече́ния, вверх по реке́, их чаще всего волокли́ бурлаки.

Работа у бурлако́в была очень тяжёлая. Сгиба́ясь под лямкой, они стона́ли от нату́ги и боли. В бурлаки шли самые бедные, безземе́льные, бездо́мные крестьяне, которые ни в деревне, ни в городе не могли найти другой работы.

О, Волга! после многих лет
Я вновь принёс тебе приве́т.
Уж я не тот, но ты светла́
И велича́ва, как была.
Кругом всё та же даль и ширь,
Всё тот же виден монасты́рь
На острову́, среди песко́в,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслышав звон колоколо́в.
. . . . . .

благослове́нный — õnnistatud
корми́лица — toitja
вырыва́ться — siin: pääsema, end lahti rebima
вы́рваться *
разлу́ка — lahusolek
бурла́к — burlakk, lodjavedaja
бечева́ — köis, tugev nöör
гружённый — laaditud
судно, мн. ч.: суда́ — laev, laevad
баржа — pargas, lodi, praam
волочь (тащи́ть) — rebima, tirima, tassima
сгиба́ться — küüru jääma
согнуться *
лямка — rakme- või rinnarihm
стона́ть — oigama
нату́га — pingutus
бездо́мный — kodutu
велича́вый — suursugune
даль — kaugus
ширь — avarus
монасты́рь — klooster
трепет — värin, judin
ощуща́ть — tundma, meelestama
ощути́ть *

Уж скоро полдень. Жар тако́й,
Что на песке горя́т следы́,
Рыба́лки дремлют над водо́й,
Усе́вшись в плотные ряды́;
Куют кузне́чики, с луго́в
Несётся крик перепело́в.

. . . . . .

В каких-то розовых мечта́х
Я позабы́лся. Сон и зной
Уже царили надо мной.

Но вдруг я стоны услыха́л,
И взор мой на берег упал.
Почти пригну́вшись голово́й
К ногам, обви́тым бечево́й,
Обутым в лапти, вдоль реки́
Ползли́ гурьбо́ю бурлаки́.
И был невыноси́мо дик
И страшно ясен в тишине́
Их мерный похоро́нный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

О, Волга!.. колыбе́ль моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним заря́м,
Когда ещё всё в мире спит
И алый блеск едва скользи́т
По тёмноголуби́м волна́м,
Я убегал к родной реке́.
Иду на помощь к рыбака́м,
Катаюсь с ними в челноке́,
Брожу с ружьём по острова́м.
То, как игра́ющий зверо́к,
С высо́кой кручи на песо́к
Скачу́сь, то берегом реки́

плóтный — tihe
(за)кова́ть — siin: siristama
кузне́чик — rohutirts
перепёл — põldvutt
позабы́ться — unustusehõlma langema
зной (жара́) — kuumus
цари́ть (царствовать) — valitsema
стон — oie
обвива́ть *что? чем?* — ümber punuma, põimima
обвить *
обувать — jalga panema
обуть *
лапти — viisud
гурьба́ — rühm, jõuk
дикий (дик) — metsik
ясный (ясен) — selge
мерный (ритмичный) — rütmiline, ühetasane
похоро́нный — matuse-
колыбе́ль — häll
заря́ — koit
алый — яркокрасный
челно́к — лодка
круча — järsak

Бегу́, броса́я камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...
Тогда я думать был гото́в,
Что не уйду я никогда́
С песча́ных этих берего́в.
И не ушёл бы никуда́ —
Когда б, о Волга! над тобо́й
Не раздава́лся этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испу́ган, оглушён.
Я знать хотел, что значит он, —
И долго берегом реки́
Бежа́л. Уста́ли бурлаки́,
Котёл с расши́вы принесли́,
Усе́лись, развели́ костёр,
И меж собо́ю повели́

камешек (маленький камень) — kivike
удаль — uljus
вой — ulgumine
оглушённый (оглушён) — põrutatud, kurdiks tehtud
расши́ва — большое парусное судно

Неторопливый разговор.
— Когда-то в Нижний попадём? —
Один сказал: — Когда б попáсть
Хоть на Илью́... — «Авось, придём,
Другой, с болéзненным лицом,
Ему ответил: — Эх, напáсть!
Когда бы зажило плечó,
Тянул бы лямку, как медведь,
А кабы к утру умерéть —
Так лучше было бы ещё...»
Он замолчáл и нáвзничь лёг.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрю́мый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!
Он и теперь передо мной:
Лохмóтья жалкой нищеты́,
Изнеможённые черты
И выражáющий укор
Спокойно-безнадёжный взор...
Без шапки, бледный, чуть живóй,
Лишь поздно вечером домой
Я воротúлся. Кто тут был —
У всех отвéта я спросил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил, Няню испугáл:
«Сиди, родúменький, сиди!
Гулять сегóдня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что сделалось со мной?
Я не узнал реки родной:
С трудом ступáет на песок
Моя нога: он так глубóк;
Уж не манúт на острова

Нижний — Нижний Новгород, теперь город Горький
Илья́ — двадцатое июля старого стиля
авóсь — может быть
напáсть — беда, несчастье, несчастный случай
заживáть — paranema
зажить *
кабы — если бы
навзничь — вверх лицом, на спину
угрю́мый — суровый, неприве́тливый, мрáчный
лохмóтья — изóрванная одежда
жалкий — vilets, haletsemisväärne
нищетá — viletsus, kehvus, vaesus
изнеможённый — kurnatud
укор — etteheide
безнадёжный — lootusetu
воротúться — верну́ться
бре́дить — sonima
родúменький — родúмый, родно́й
бог весть (бог знает) — jumal teab
за(манúть) — meelitama

Их ярко-свежая трава,
Прибре́жных птиц знакомый крик
Зловёщ, пронзи́телен и дик,
И говор тех же милых волн
Иною музыкою полн!
О, горько, горько я рыда́л,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки
И в первый раз её назва́л
Рекою рабства и тоски́!..

Что я в ту пору замышля́л,
Созва́в товарищей-детей,
Какие клятвы я давал —
Пускай умрёт в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмея́л!

прибре́жный — kaldaäärne
зловёщий — kurjaennustav
пронзи́тельный (пронзителен) — läbilõikav
ра́бство — orjapõli
замышля́ть (заду́мать) — sepitsema, kavatsema
замыслить *
клятва — vanne
осме́ивать — välja naerma
осмеять *

Картина И. Е. Репина «Бурлаки».

ИЛЬЯ ЕФИМОВИЧ РЕПИН.

(1844—1930)

«БУРЛАКИ».

В одно́й из первых свои́х карти́н «Бурлаки́» Репин осуди́л существу́ющий строй, — он показа́л грубе́йшую эксплуата́цию челове́ка челове́ком.

Одна́жды у́тром Репин со свои́м дру́гом Сави́цким отпра́вился на прогу́лку на парохо́де вверх по Неве́. Илья́ Ефи́мович был в хоро́шем настрое́нии. По бе́регу реки́ гуля́ли наря́дно оде́тые де́вушки. Но вдруг Репин заме́тил вдали́ движу́щееся «кори́чневое пятно́», тяну́вшее за собо́й ба́рку. Это бы́ли бурла́ки. Репин присмотре́лся к ним и уви́дел угрю́мые, пото́ные ли́ца, гря́зную, обо́рванную оде́жду, жили́стые загоре́лые ру́ки...

Илья́ Ефи́мович был порази́н контра́стом ме́жду бурлака́ми и людьми́, беспе́чно гуля́вшими по бе́регу. С э́того дня он не мог отде́латься от о́браза бурла́ков. Он поста́вил себе́ зада́чу изобрази́ть их на полотне́. Сперва́ ему́ захоте́лось изобрази́ть, как «чёрная рука́» поднима́ет бече́ву́, что́бы дать доро́гу наря́дным де́вушкам.

Для написа́ния бурла́ков в 1870 году́, в сопровожде́нии двух худо́жников — Макаро́ва и Васи́льева — Репин пое́хал на Во́лгу, где́, как ему́ сказа́ли, мо́жно встре́тить «настоя́щий традицио́нный тип бурлака́».

Репин со свои́ми това́рищами реши́л останови́ться в Ширя́еве. Здесь он стал снача́ла приглядываться к партиям бурла́ков, изуча́я их хара́ктеры, а зате́м де́лая альбо́мные зарисо́вки. После́ до́лгих наблюде́ний ему́ встреча́ется заме́чательный тип

осужда́ть *кого? что?* — hukka mõistma
осуди́ть *
стро́й — riigikord
кори́чневый — pruun
ба́рка — pargas, lodi, praam
угрю́мый — morn
пото́ный — higine
жили́стый — sooneline
порази́ть *
беспе́чно (беззабо́тно) — muretult
полотно́ (карти́на) — lõuend
зарисо́вка — visand

бурлака — Ка́нин, нарисова́в которого Репин смог «запечатле́ть са́мую сущность этого неслы́ханного и жуткого явле́ния».

Репин так говорил о Канине: «Боже, как дивно повя́зана у него тряпи́цей голова, как закурча́вились волосы на шее, и, главное, цвет лица». «Что-то в нём восто́чное, древнее». «Была в его лице особая незлобливость человека, стоящего неизмери́мо выше своей среды». «А вот глаза, глаза! Какая глубина́ взгляда, припо́днятого к бровя́м, тоже стремя́щимся на лоб. А лоб — большо́й, умный, интеллиге́нтный лоб; это не проста́к. Рубаха без пояса, и порты обтрепа́лись у босы́х чёрных ног». Репину удалось написать Канина в лямке, привя́занной к барке. Илья Ефимович решил поставить его впереди́ бурла́ков, возглавля́я им шествие этих изму́ченных людей.

Работа над «Бурлаками» всеце́ло поглоти́ла Репина.

В 1871 и 1872 годах Репин работал над «Бурлаками»; он многое меня́л, постепе́нно улучша́л картину. «Так, например, он уничто́жил горы, тяну́вшиеся у него внача́ле длинной зеленова́то-серой грядо́й по ту сторону Волги, — и сделал чуде́сно. Картина бесконе́чно выиграла. Теперь чувствуешь чудную ширь и раздо́лье, взглянув на эту Волгу, разли́вшуюся безбре́жно во все края» (Стасов).

В 1873 году картина была зако́нчена. По бе́регу Волги идёт как поко́рное стадо, вата́га из одиннадцати бурлако́в. Впереди выступа́ют два «коренных» бурлака с бронзовой от солнца грудью, вскло́ченными волоса́ми, и повисшими словно плети руками. За ними третий «богаты́рь», похо́жий на инде́йца, в лохмо́тьях, с волоса́ми, повя́занными тряпкой. Дальше, стара́ясь поменьше везти, идёт высокий, жилистый отставно́й солдат; за ним — больно́й, иссо́хший старик старается набить трубку из киссе́та. Рядом мальчик в розовой рубашке, с серди́тым взглядом. За ним солдат в сапогах и в жиле́те с еди́нственной пуго-

---

запечатлева́ть — jäädvustama
запечатле́ть *
сущность — olemus
жуткий — õudne, jube
тряпи́ца (тряпка) — lapp, kalts
(за)курча́виться — lokki minema
незлобли́вость (добродушие) — heasüdamlikkus, leebus
неизмери́мо (во много раз) — määratult rohkem
среда́ — keskkond
порты — püksid
шествие — rongkäik
всеце́ло (полностью) — täielikult
поглоща́ть (т//щ) — haarama, neelama
поглоти́ть *
гряда́ — reastik, ahel
ширь (широта, простор) — avarus
раздо́лье (простор) — avarus
разлива́ться — üle kallaste tõusma, laiuma
разли́ться *
безбре́жно (не имеющий берегов) — ääretult
поко́рный — alandlik
вата́га (толпа, артель) — salk, trobikond
коренно́й — aisahobune, peamine
вскло́ченный (лохма́тый) — sassis
отставно́й солдат — erusoldat
кисе́т — tubakakott

вицей. За солда́том — броде́ячий грек, беспоко́йно озира́ющийся вокруг. Шествие замыка́ет лапотник, опусти́вший голову на грудь, отста́вший от своих товарищей.

Репин сумел показа́ть характер, всё существо бурлака. Возьмём, например, Канина. По выраже́нию его глаз, по высокому лбу видно, что это умный и честный человек. Он изо всех сил тянет бечеву́, стара́ясь везти как можно больше, чтобы помочь своим товарищам.

Репин дока́зывает, что бурлаки прежде всего люди, имеющие свои пережива́ния и стремле́ния, что они как и весь народ, должны иметь право на жизнь, что на них нельзя смотреть, как на поко́рную и дешёвую рабочую силу и нельзя сравни́ть с рабочим ското́м. Репин выступает против непосильного бурла́цкого труда́ и выража́ет своё доброжела́тельное отноше́ние к бурлакам.

Репин показал реальную жизнь. Применение труда бурлаков было распространено́ почти во всех больших реках. В своей картине Репин изобразил типи́ческую для того времени вата́гу бурлаков. Но бурлаки его разли́чны. Одни из них (Канин, «индеец») полны энергии и тянут барку в полную силу, — другие же (старик, стоящий пятым; лапотник) разочарова́лись в жизни, не верят в своё будущее и идут, опусти́в голову вниз. Некрасов как бы выража́ет их мысли, приводя́ слова бурлака: «А кабы к утру умере́ть — так лучше было бы ещё. . .» (Из стихотворения «На Волге».) Этим Некрасов, так же как и Репин, бросает вызов существу́ющему строю.

Некрасов посвяти́л бурлакам несколько стихотворе́ний. В них он подмеча́ет общие черты бурлаков. В стихотворении «На Волге» он пишет:

Почти пригну́вшись головой
К ногам, обви́тым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбо́ю бурлаки.

Некрасов показал «поко́рного», «сумрачного» бурлака́, не протесту́ющего против своей доли. С сочувствием Некрасов говорит о жизни бурлака, сравнивая её с жизнью узника в цепя́х.

грек (грека́нка) — kreeklane
озира́ться — ümber vaatama
лапотник (тот, кто ходит в лаптях) — viisukandja
пережива́ние — elamus
стремле́ние — püüdlus
скот — kariloomad
непоси́льный (не по силам) — очень тяжёлый
применение — kasutamine, rakendamine
вызов — väljakutse
обвива́ть *что? чем?* — ümber punuma, põimima
обви́ть *
сумрачный (угрю́мый, непривётливый) — morn
доля (судьба) — saatus
узник — vang

В другом стихотворении («Бурлак» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо») показан бурлак, который после того, как «плеча́ми, грудью и спино́й» «до места барку дотяну́л», зашёл в ба́к и молча кинул на верста́к трудом добы́тые гроши́».

Передова́я часть общества приняла картину Ильи Ефимовича Репина восто́рженно, а консерва́торы ополчи́лись против неё. Успех картины был ошеломля́ющим. Репин сам говорил, что «с «Бурлаков» начала́сь моя слава по Руси великой».

ба́к — kõrts
верста́к — lett
восто́рженно — vaimustatult
ополча́ться *против кого?* — vaenujalale asuma
ополчи́ться *
ошеломля́ющий — rabav

СОДЕРЖАНИЕ.

Александр Сергеевич Пушкин.

I. Повесть о Пушкине. *По В. Воеводину* 3
II. Стихотворения:
В Сибирь 26
Ответ Пушкину. *А. И. Одоевский* 27
Арион 28
И. И. Пущину 29
Я вас любил 29
Зимний вечер 30
III. Роман в стихах «Евгений Онегин» 31
Глава первая 31
Глава вторая 36
Глава третья 41
Глава четвёртая 49
Глава пятая 52
Глава шестая 61
Глава седьмая 66
Глава восьмая 75
IV. Повести Белкина
Метель 85

Михаил Юрьевич Лермонтов.

I. Из жизни Лермонтова. *По Г. К. Бочарову* 97
II. Стихотворения:
1. Беглец 108
2. Сосна 113
3. Утёс 114
4. Три пальмы 114
III. Герой нашего времени
Тамань 117

Иван Сергеевич Тургенев.

I. Записки охотника
Живые мощи 128

Николай Гаврилович Чернышевский.

I. Роман «Что делать»
Особенный человек 141

Николай Алексеевич Некрасов.

I. Рассказ о жизни Н. А. Некрасова. *По Г. К. Бочарову* . . . 154
II. Поэма Н. А. Некрасова «Русские женщины» 160
Княгиня М. Н. Волконская 163
III. Стихотворение
«На Волге» 202
IV. Илья Ефимович Репин 208

Пентре Наталья Васильевна
МАТЕРИАЛ ДЛЯ ЧТЕНИЯ
для X класса
На русском и эстонском языках.

Эстонское Государственное Издательство
Таллин, Пярнуское шоссе, 10

*

Toimetaja N. Saharova
Tehniline toimetaja I. Vahtre
Korrektorid M. Pedajas ja V. Pillau

Ladumisele antud 8. II 1961. Trükkimisele antud 3. III 1961. Paber 60 × 90, 1/16. Trükipoognaid 13,5. Arvutuspoognaid 12,63. Trükiarv 6000. Tellimise nr. 1364. Hans Heidemanni nimeline trükikoda, Tartu, Ülikooli 17/19. II

Hind 24 kop.

6—6

Опечатки.

Стр.	Строчка (сверху)	Напечатано	Следует читать
55	12 (справа)	полу-ко́т	полуко́т
58	15 (слева)	задя́сь	садя́сь
81	29 (справа)	ту́мном	шу́мном
140	17	никого	никакого
175	21	послу́шая	послу́шная.

Tell. nr. 1364

24 kop.

A XIV
1 A-19065

TÜ RAAMATUKOGU
1 0300 00607914 1